ИНСТИНКТ

Владислав Хохлов

Annotation

Вот уже десять лет подряд, в стенах подземного бункера существует стойкое правило, специально разработанное для того, чтобы человеческая популяция не только стремилась к мрачному минимуму, но и могло вернуться обратно на вершину. Людям только и остаётся жить в подобных местах, ведь за их пределами всё ещё стоит на костях цивилизации едва знакомый мир, полный опасностей.

В этом отвратительном и закрытом от внешнего мира месте, довольно простая иерархия: у тебя есть работа – ты её выполняешь; у тебя есть обязанности – ты их исполняешь. Но, как и во всех общинах, государствах, и прочих коммунах, найдутся те, кто будет противостоять всем, кто будет думать иначе. Таким и оказался Томас, к счастью которого, в его маленьком аду появилось одно крайне необычное существо – девушка с белыми волосами, которую все эти долгие десять лет он никак не мог выбросить из головы.

- Пролог
- Глава 1. Обязанности
- Глава 2. Кодекс матери
- Глава 3. Воспоминания
- Глава 4. Инстинкт
- Глава 5. Валькирия
- Глава 6. Ужас ночи
- Глава 7. Друг
- Глава 8. Ссадина
- Глава 9. Горечь
- Глава 10. Вестники
- Глава 11. Провокация
- Глава 12.1 Клеймо (Признак)
- Глава 12.2 Клеймо (Приговор)
- Глава 13. Пленник
- Глава 14. Лик врага
- Глава 15.1 Багровый круговорот (Воссоединение)
- Глава 15.2 Багровый круговорот (Выбор)

- Эпилог

Инстинкт

Пролог

- Чёрт! Это пойло на вкус как моча! – прозвучал недовольный голос Кайла.

На деревянный стол бара с громким ударом опустился стакан, наполовину заполненный старым виски. Оставшаяся часть слюны и спиртного стекали по прозрачным стенкам стакана, образуя легкие водянистые узоры. Всё помещение медленно начало наполняться сильным запахом алкоголя. Даже он, такой обильный и посторонний, довольно резко бил в голову всем присутствующим в этом баре. Стоящий за стойкой бара человек был полностью одет в разнородную одежду: рваная куртка, дырявые джинсы, наколенники и налокотники покрывали большую часть тела – всё это имитировало безопасную броню.

- Ты жалуешься? Это первая бутылка за последние два года, что мы бродили по развалинам! – удивлённо спросил Джим.

Медленно к стойке бара подошли ещё два человека и кинули жалобный взгляд на своего пьющего товарища. Переступая через обломки мебели и стен, шагая по разбитому стеклу, металлическим обломкам и камням, они преодолели главный зал маленького паба, остановившись недалеко от открытой бутылки виски. Эти двое не первый раз выходили в город, пытаясь найти себе что-нибудь съестное или что-то, что поможет им обезопасить себя и тех, кем они дорожили. Ужасно скомканные листы металла облегали руки и ноги. Грудь прикрывали толстые шубы убитых животных.

Раздался очередной стук опустившегося на стойку стакана, уже опустошенного. После этих действий, пыльного пространства на деревянной стойке стало ещё меньше.

- Всё равно! Моча! – пьяный Кайл уже начинал медленно покачиваться взад-вперёд. По его изречениям можно было легко определить, насколько сильно он был пьян. – Ах, может и сойдёт…

Несмотря на то, что этот юноша употреблял алкоголь и раньше, длительная диета на одной воде быстро расслабляет организм и легко убивает стойкость к чему-то крепкому. Мародёр начал терять

равновесие, пытаясь не упасть плашмя на пол. Он приспустился на колени и окончательно оказался в сидячем положении.

- Зря мы ему это позволили, – произнёс Джейк, разглядывая бутылку. Старый напиток, с выдержкой более пятидесяти лет. Неудивительно, что какие-то сто миллилитров смогли повалить крепкого и здорового юношу.

- Не ребёнок! Сам должен отвечать за свои поступки!

Их осталось двое: те, что руководствовались здравым смыслом и не собирались расслабляться за пределами безопасного дома. Оба смотрели на своего товарища, что решил испытать удачу: попытаться отдохнуть и забыться. В отличие от своих товарищей, выпивший мародёр выбрал не то место, и не то время.

- Оно там, – шепотом произнёс сидящий на полу мародёр, указывая пальцем куда-то на потолок вдаль зала. Его глаза были такими же стеклянными, какими и были после второй попытки попробовать виски. Только было одно отличие: его зрачки увеличились в несколько раз, превратившись в два больших чёрных шара.

Между братьями-близнецами завязался незатейливый разговор:

- Ему хватило до галлюцинаций?

- Похоже на то.

Обращая внимание на отсутствие реакции со стороны своих друзей, пьяный юноша начал нервно хихикать, не отводя взгляда с того места, куда он смотрел. Эту забавную картину и манеру поведения подхватили и его коллеги, также начав смеяться. Постепенно смех изменялся от нервного смешка, до странного и безумного гогота. Напряжение в воздухе угасало, так же, как и скребущиеся мысли о судьбе их пьяного друга. Подготовленные к тяжелым ситуациям автоматические ружья опустились на пол, поцеловав дулами деревянную поверхность.

Незаметно для Джейка и Джима, позади кто-то начал имитировать их смех. Сочетались попытки посмеяться, или то, что отдалённо можно было назвать смехом, а также странное клацанье. Этот новый шум довольно быстро заглушил все звуки, исходящие от других людей, и вскоре, на его месте родилась хаотичная какофония грохота, выстрелов и криков.

Глава 1. Обязанности

- … Именно это и случилось, когда мне было девять лет. В день заселения произошло много чего плохого. Такова причина, – сказал стеснительно Томас.

- Томас, это… нелепо. Нельзя из-за ошибок и переживаний прошлого губить своё будущее! – раздраженно заметил один из сидевших напротив юноши мужчин.

Том стоял один напротив длинного стола, что едва упирался в боковые стены небольшой комнаты. За этим деревянным гигантом находилось четыре человека, что внимательно разглядывали этого не очень высокого и довольно бледного юношу. Их серые и облегающие робы, без единого кармана, и уставшие глаза предавали им некую схожесть с мрачными врачами, что обсуждали с пациентом его смертельный диагноз. Только в отличие от представителей древней профессии, эти далеко не юные люди хотели понять суть появившейся проблемы, и, возможно, помочь исправить её, преследуя важные цели.

- Послушай, Том. Ты – единственный кто отказывается от «ночи продолжения». Для каждого она проходит один раз в три года. Учитывая риск, исходящий от твоей работы, это, возможно, твой последний шанс. Последняя возможность оставить после себя хоть что-то, – прозвучал голос одного из отцов.

Им нравилось называть себя отцами. Эти четверо сами начали эту моду. Именно так они подчёркивали свой статус и важность. Вскоре, это подхватили и другие люди. С того момента прошло много лет и все уже забыли, как это начиналось, и успели к этому привыкнуть.

- Я всё понимаю, и… - Юноша сделал небольшую паузу, пытаясь собраться с мыслями и показать себя крепким и уверенным в глазах отцов. Он выслушивал одну и ту же речь от них уже третий раз, но пытается отказываться снова и снова. – Я хотел бы никогда не участвовать в «ночи продолжения», а о причине, желал бы больше не распространяться.

- Если это никак не повлияет на твоё здоровье, то, пожалуйста. Мы тебя не заставляем, – сказал один из отцов. Мужчина, что

обращался к юноше, встал со своего кресла, в знак того, что собрание окончено.

Отцы по очереди покидали комнату, в которой обычно проводили беседу со своими подчинёнными. Каждого из них Томас не любил. Он не мог назвать это ненавистью. Это была неприязнь, но необычная, созданная на том основании, что поступки отцов выходили за пределы норм морали и приличия, которым Томас пытался подчиняться. Но это уже были какие-то древние и забытые принципы «старого мира».

Свет погас. Молодой юноша стоял в полном одиночестве. Исходящий из приоткрытой двери, коридорный свет слабо отражался от деревянного стола, демонстрируя свою властность в появившейся тьме. Томас хотел бы находиться в этой все скрывающей темноте всегда. Он желал, чтобы совещание проходило при таком же слабом освещении, чтобы он мог не видеть лиц отцов. Когда он говорил с ними, то чувствовал себя жалко, низко, даже когда видел их лица. В темноте он разговаривал бы с самим собой, а не с людьми что вынуждали его идти на контакт. Простояв ещё несколько минут в комнате, юноша вышел. Коридор представлял из себя помещение, наполненное мерзким запахом сырости и плесени. Некоторые участки стен были исцарапаны так, словно дикий зверь оказался в ловушке и пытался выбраться из своей мучительной западни, оставляя за собой следы тщетных попыток выбраться за её пределы.

Все двери, мимо которых проходил Томас были заперты. Они используются только в «ночь продолжения», и никогда больше. Их использование для других целей было полностью запрещено правилами, из-за чего, никто даже не смотрел в их сторону. Каждый вид этих дверей сжимал сердце юноши, при представлении того, что происходит за ними. Три года назад ему случайно довелось увидеть происходящее в одной из этих комнат. Творящееся там преступления против человеческой нравственности вечно скрывалось за тусклыми красными гирляндами, что создавали «подобающую атмосферу». В ту ночь, Томас выдвинул свою кандидатуру на важную для бункера вылазку, и тогда его очередь занял другой человек. Вдалеке от красного света, он ощущал себя менее грязным. До этого была другая попытка юноши увильнуть от обязанности, и она выглядела крайне глупой: тогда он пытался симулировать боли в животе. К удивлению самого Томаса, это вполне сработало.

Минув последнюю дверь, Томас засомневался. Если сейчас он открыто заявил о том, что не собирается участвовать в «ночи продолжения», то не открыл ли он глаза отцов на то, что и раньше как-то перечил им. Возможно, в комнате переговоров он сделал первую яму для своей будущей могилы…

Словно опарыши, мысли копошились в измученной голове, не давая думать о чем-то другом. Почти для всех людей убежища, пройденный коридор был некой святыней, где можно было отдохнуть и помочь человечеству. Все светились от этой мысли, но только не Томас. И его только сильнее пугала мысль, что он совершенно один настроен на противоположное.

Его путь через напряженный коридор закончился, и он вышел в большой зал, где было множество людей, что занимались своими делами. Только мужчины, разного возраста, от четырёх, и до пятидесяти лет. Никого старше уже практически не было. Физически уже было невозможно дожить даже до шестидесяти, – наличие подходящей помощи и поддержки здоровья в столь почетном возрасте были невозможны. Старики только и делали, что мучились оттого, что собственное тело постепенно придавало их. Тогда уже становилось не легко, как и самим старикам, так и всем вокруг, – крайне не хочется наблюдать за тем, кого ты знаешь много лет, видел его в рассвете сил, непобедимого, независимого и могучего, не в силах сдержать даже мочевой пузырь… а это только мелочь всего ужаса. Этим людям предоставляли выбор: кто-то выбирал умереть в кругу друзей и родных, прибегая к смерти от рук семьи; кто-то покидал убежище навсегда, надеясь не губить своим видом остальных жителей бункера. Вторые исчезали навсегда, и никто их больше не видел. Даже когда кто-то выбирался на поверхность, то была маленькая надежда увидеть знакомое лицо, но такого никогда не происходило за последние 10 лет. Лишь единицы соглашались на эвтаназию. Томас думал, может быть кому-нибудь из уходящих доводилось добраться до безопасного места, где они не были обузой и начать новую жизнь, но такая мысль была излишне наивной и невозможной даже для маленьких и неопытных жильцов.

Всё время, что Томас проходил по этому залу, пытаясь как можно скорее вернуться в свою комнату, он видел множество знакомых, подготавливающихся к грядущему событию: отдавая всего себя

тренировкам. Бег с препятствиями, отжимания, подтягивания и стойка в планке, к паре уцелевших тренажеров стояла длинная очередь. Это больше походило на демонстрацию собственной силы всем присутствующим, нежели на совершенствование своего тела. В глаза сразу бросались те, для кого «ночь продолжения» будет самой первой: следуя примеру старших, они не жалели себя во время физических упражнений, надеясь, что в этом есть какой-то смысл и польза. Из-за этих упорных тренировок, весь зал пропах едким запахом пота. В особо сложные моменты пути, когда воздух проходил в ноздри и обжигал лёгкие, Томас зажимал нос небольшим шарфом, который раньше был его старой майкой. Он переделал её во что-то более полезное почти восемь лет назад, когда… когда он уже иначе стал воспринимать «ночь продолжения».

- Я не удивлён твоему отказу, – прозвучал доброжелательный голос Адама. Он стоял у порога в другую часть убежища, и заранее смог увидеть своего друга, который в своей обычной манере пересекал оживлённый зал, косо смотря на тренирующихся.

- Как и в прошлый раз.

Никакого продолжительного разговора за этими словами не последовало, оба товарища направились в их общую спальню, где они и располагались уже целых десять лет.

Две старые и грязные койки, маленький сундук с вещами постояльцев и шаткий стул, отсутствие любого личного пространства, кроме кроватей, серые стены, плесень в углах, подтёки с потолка и чёрная от грязи вентиляционная решетка. Лучших апартаментов не найти, если ты, конечно, не являешься одним из отцов. Мало кто видел их комнаты, но сама ухоженность и представительский вид говорили о том, что отцы не могут жить в чём-то не приличном. У юношей же именно кровати представляли собой самый настоящий предмет роскоши. Будет ли у тебя одеяло или подушка – зависело только от того, насколько ты способен и успешен. Целых десять лет не прекращающейся борьбы и всяческих попыток быть у всех на примете, приносило свои плоды. То тут, то там могли быть подарки и задабривания, иногда даже обмен найденной побрякушки на что-то удобное. Томас и Адам стремились к тому, чтобы они могли свободно расслабиться в мягкой кровати, и они этого заслуживали. Адам разлёгся на своей койке и вдыхал запах сырости с ароматом плесени.

Несмотря на то, что он часто бывает за пределами убежища и может иногда вдыхать что-то более приятное, чисто и безопасное, за многие годы жизни, этот спёртый и кислый воздух стал родным, а иногда и вовсе вызывал болезненный кашель, – такой был запах их дома.

- Как думаешь, мы когда-нибудь станем отцами? – задумчиво произнёс Адам. Он не зря размышлял на эту тему: с самого начала эти люди были «у руля», и никто представить себе не мог, сможет ли кто-то их заменить, а если «да», то, когда и как?

Томас лёг на кровать, подняв взгляд на место у тусклой лампы. Он внимательно разглядывал старый кусок плесени, что был негласным сожителем у юношей. Этот кусок выглядел как притаившийся в засаде зверь, что неподвижно наблюдал за всей ситуацией в комнате из самого удобного места. Юноши даже думали над тем, чтобы дать ему имя, но посчитали это сильным ребячеством, ведь обоим было уже далеко за семь лет, – тот сложный возраст, что отделял мужчин от детей.

- Сомневаюсь. Ими стали хозяева этого бункера, скорее всего они передадут власть своим детям, – ответил Томас, продолжая смотреть на мохнатого соседа.

- Интересно, каким таким «детям»?

Между юношами нависла неловкая пауза. У отцов почему-то до сих пор не было детей, и, учитывая, что они очень важны для поддержания жизни в бункере, это выглядело слишком подозрительно. Адама и Томаса только напугал возможный ответ на этот вопрос.

- Ты не боишься, что тебя могут заставить? – решил поинтересоваться у Томаса его друг.

- Что заставить? – удивился юноша. Отвлёкшись от привычной картины, он повернулся к своему товарищу.

- Все знают, что ты способный боец. Что будет, если тебя заставят участвовать в «ночи продолжения»?

- Сделаю, как и сегодня – откажусь.

- Нет, Томас, если нельзя будет отказаться.

Эта мысль никогда не посещала голову Томаса и, услышав об этом, он начал опасаться за своё будущее ещё сильнее. Чем глубже он уходил в эти мысли, тем сильнее было слышно его нервное дыхание. В начале, такая картина показалась Адаму забавной, но чем более напряженным становилось дыхание его друга и шире расширялись

глаза, тем страшнее становилось уже ему самому. У Томаса могла начаться паническая атака. Адам слез с кровати и подошел к другу. Крепкой хваткой он вцепился в плечо нервного юноши, словно того могло что-то унести прочь. Том постепенно начал успокаиваться.

- Я сбегу.

Юноши долго смотрели друг другу в глаза, обдумывая эти самые слова, и то будущее, что было выбрано Томом. Когда же Адам решил открыть рот чтобы возразить или помочь, Том не заставил долго ждать.

- Я лучше умру человеком, – добавил он, опередив друга.

- Тебе повезло, что этого никто не слышал.

Адам передумал уговаривать друга. Как никак, Томас была старше его на два года, и мог сам решать свою судьбу. Может быть и так, что наоборот Томас прав, а не Адам.

Их разговор окончился так же быстро, как и начался. Юноши отправились спать. Довольно скоро Томас начал слышать сопение со стороны товарища, пока сам никак не мог найти удобное положение чтобы уснуть. Даже пустые точки, расположенные на потолке и стенах, на которые он зачастую обращал внимание перед сном, казались враждебными. Каждая пружина матраса впивалась в кожу, каждая частичка облегающей темноты грозила наброситься на уязвимого юношу. Всё вокруг стало отталкивающим и злым.

В голове юноши постепенно всплывали гнетущие мысли о бегло выбранном ответе. «Я сбегу…» - проговорил он снова в своей голове. Но это уже было не повторение ответа, а вопрос. Куда он сбежит? Зачем? Будет ли в этом смысл? Сможет ли он выжить за пределами убежища? Никто не мог дать ответа, как бы Томасу не хотелось получить его. Представление картин внешнего мира пугало его больше, чем до боли неприятные слова «я» и «сбегу». Сопение Адама слилось с шумом пульсирующей крови в ушах. Томас оказался взаперти, наедине с собственными мыслями.

- Вставай, Томас, просыпайся, – прозвучал заглушенный и знакомый голос где-то вдали.

Открыв глаза, все мысли моментально улетучились прочь, и юноша увидел перед собой боевого командующего Нейта. Цвет его кожи почти сливался с окружающей его темнотой, и Томас мог определить человека перед собой только по силуэту и светло-

янтарным, горящим в темноте глазам. Именно за эти глаза, и немного грубый и жестокий нрав, все бойцы прозвали Нейта драконом.

- Ты же горел желанием заняться работой? Я нашел для тебя дело, – продолжил говорить Нейт, не обращая внимание на то, что его солдат даже толком не проснулся.

Томас протёр глаза и, опёршись на угол кровати, долго смотрел на гостя. Его взгляд будто проходил сквозь вошедшего человека, уходя куда-то дальше через пустой дверной косяк, проникая внутрь серых стен. Нейт развернулся, чтобы покинуть помещение. Тогда свет из коридора, что он загораживал собой, безжалостно ударил Тому в глаза. Это помогло ему взбодриться окончательно. Начался новый день, и появилась новая возможность выполнить свои обязанности.

Подготовка бойцов шла полным ходом. Пока Томас одевался в подходящую одежду и лёгкий бронированный костюм, он слышал, как в коридоре эхом звучали удары каблуков по каменному полу. Мимо полутёмной комнаты, где одевался юноша, мчались впопыхах другие участники вылазки, – небольшой отряд с матёрыми бойцами, с которыми спиной к спине будет стоять сам Томас, пытаясь выжить и выполнить свою главную задачу. Повесив на плечо легкую автоматическую винтовку, сделанную почти на коленях с помощью местных верстаков, юноша закончил сбор. Несмотря на хрупкость, оружие не раз спасала жизнь Тому, и давно является его верным товарищем. Когда всё спокойно и тихо, этот верный инструмент послушно дремлет под кроватью хозяина, как боевой пёс. На мгновение в голове вспыхнуло воспоминание, как все отказались от использования военного арсенала и перешли на личную охрану своего добра. Тогда было много ссор и криков, кто-то был за, кто-то нет. Томасу нравилось вспоминать прошлое, тем самым он сохранял знания, которое можно передать другим, и почтенно ценил то, что когда-то было. Сейчас уже все более привычно относятся к тому, что туда-сюда кто-то может пронестись с оружием, боясь более страшного события – вторжения из внешнего мира.

Томас уже выскочил в коридор и помчался вслед за своими друзьями. Вот они уже пробегали мимо других комнат со спящими людьми; позади оказалась и столовая, в которой крайне редко можно было видеть работающих поваров. Сворачивая по знакомым коридорам, и следя глазами за надоедливыми уже не первый год

мерцающим из последних сил лампам, весь отряд бежал в ангар. Из всех помещений убежища, именно оно имело самый резкий и узнаваемый запах. Самый тошнотворный. Здесь меньше всего пахло пóтом, а больше резиной и маслами. Запах в ангаре имел просто неописуемый коктейль из различных ароматов, но только эти два, сильнее всех выделялись в воздухе.

Аромат паленой резины, пороха, ацетилена, бензина, электролитов, сильный запах меди и горящей пластмассы. Если бы Томас был механиком, он бы легко привык к такой обстановке и вечному жжению в носу и лёгких, но учитывая, что он бывает крайне редко в ангаре, каждое посещение запоминается надолго.

В центре этого массивного помещения, юных солдат ждал транспорт: помесь военного бронетранспортера и нескольких машин, сваренных в одно большое чудовище. Таким образом, он имел на себе крепкий бронированный панцирь, специально сделанный из огромного количества металлолома, найденного на бескрайних просторах старого мира. Это была отвратительная с виду коробка, полностью лишенная каких-либо осторожных изгибов или уникальных деталей. Его стенки имели толщину в десяток сантиметров, а единственное лобовое стекло имело решетку из сваренных кусков арматур. На передней панели вперёд выступали острые штыри, на которые насаживались невезучие недруги. (Иногда даже, к сожалению, и просто невезучие…) Прочные и толстые шины от больших грузовиков позволяли этому монстру идеально передвигаться по мусору на дорогах, но это была последняя мера. Со временем водители научились свободно маневрировать между любыми препятствиями, стараясь создать более спокойную обстановку в машине (вдобавок так избегался риск того, что могли произойти различные нежелательные повреждения и аварии). На протяжении всей жизни в холодных стенах бункера, местным инженерам приносили все необходимые ресурсы с улиц, и в конечном итоге, они создали не один такой Magnum Opus. Хоть этим изобретением и гордились многие, оно всё же больше походило на консервную банку, нежели на машину.

Томас привык находится в этой машине, но всё равно каждый раз чувствовал себя крайне неудобно, поэтому сидениям внутри предпочитал стоять. Вид всех остальных бойцов немного встревожил Тома, он и сам начал заражаться их опасениями. Это было ощущение

предстоящей бури, будто он со всеми отправится прямиком в огненную преисподнюю, где их ждёт самые тяжелые испытания. Но всё же ему, как и некоторым другим бойцам особого сорта, требовалось держать себя строго, чтобы не только контролировать ситуацию вокруг, но и одним только видом успокаивать товарищей. Как бы Томас не хотел обманывать самого себя, но встретился с бойцами, не снимая с лица суровое и ничего не выражающее выражение. Переживание читалось на лицах всех присутствующих, что ёжились на своих сидениях, пытаясь найти удобное положение. Томас понимал, что чем ближе будет «ночь продолжения», тем страшнее всем будет отправляться на задания. Три человека, не считая водителя, слишком мало для такого транспорта. Эта мысль нагоняла ещё большей загадочности для их текущей миссии. К трапу машины подошел Нейт. Гордо поглаживая заднюю часть транспорта, и ощутив толщину и могучесть всей конструкции, он окинул взглядом собравшихся солдат.

- Сегодня мы отправляемся в «зелёную» зону. От «Второй восточной» нет новостей уже третью неделю, поэтому мы отправляемся туда лично и проверим всё сами. В чрезвычайном случае, возьмём с собой всё нужное. – Нейт любил говорить «мы» и «нас» так, словно всегда сам являлся частью отряда, хотя находился далеко от них. Он никогда не говорил только о себе, – это подчёркивало в его словах важность совместной работы и общую сплочённость. Некоторые думали, что это выглядит нелепо, большинство же светились от мысли, что они все, как большая семья.

«Зелёная» зона – возможность меньше паниковать на сборах и подготовках к отправлению, – шанс наткнуться на конфликт минимальный. Были даже моменты, когда за период всей задачи, Томас ни разу не доставал свою винтовку. Он был рад этому, но ограничился кивком. Другие оказались менее сдержанные в чувствах: было очень приятно видеть на их лицах облегчение и улыбки.

Общая подготовка закончилась, водитель зашел в свою кабину, и его дверь плотно закрылась. Вскоре и трап начал подниматься. Бойцы чувствовали себя защищёнными в утробе их железного зверя. Машина поехала. Через небольшую щель в кабину водителя, можно было видеть, как транспорт разворачивается к выходу. В привычном для всех распорядке, каждый солдат что был голоден, достал из своей

полевой сумки пищевой рацион. При отправке за пределы убежища, мало у кого есть время на еду в столовой, ты или отправляешься на вылазку сразу, как того требуют обстоятельства, или станешь обузой.

Томас достал стеклянную банку со своим завтраком. Такая тара была настоящим раритетом: они крайне удобны в хранении и транспортировке, заодно были надежней пластмассовых и полиэтиленовых контейнеров. За такие находки во время выездов хорошо платили все жители, они охотно шли на обмен и делились найденными и присвоенными себе вещами, не жалели лишнего металлолома или собственного рациона. Кто-то даже не брезговал поделиться личным оружием. Когда в столовой прекратили выдавать банки, солдаты начали хранить еду в пластике. Хуже этого, были только целлофановые пакеты, которые могли легко повредиться. Некоторые люди даже голодали, расплачиваясь за собственную неуклюжесть и неудачу.

Тушенное, варёное, обжаренное нечто. Множество различных ингредиентов, взятых из внешнего мира и полу пустых кладовых, подверженных различными обработками, дабы сбить прежний омерзительный вкус. Огромное количество масла, минимум чего-то полезного и питательного. Нормальная пища, которая находилась в старых консервах, закончилась. Это случилось около пяти лет назад. С той поры, все едят то, что смогут найти и отнести в столовую. Сейчас Томас ел что-то похожее по вкусу на обычную землю, с небольшим привкусом орехов и древесной коры.

Транспорт уже покинул пределы убежища. Закончив со своим завтраком, Томас развернулся к амбразуре у собственной головы, осторожно цепляясь за поручни на потолке, чтобы не упасть при сильной тряске. За пределами машины была непроглядная тьма, только бесполезный метр освещался тусклыми лампами изнутри машины. Другой источник света был только спереди, но и он не мог похвалиться своей мощностью. Отряду повезло. Они отправились поздней ночью, это позволит провести всю операцию максимально скрытно и незаметно для тех, кто захочет поохотиться в своих угодьях.

В стенах подземного бункера отсутствовало понятие времени суток: когда надо было выходить наружу, тогда и выходили. Яркий день или тёмная ночь – вопрос удачи. Из-за ограниченной видимости

машина ехала крайне медленно, осторожно объезжая вездесущий мусор и разбитые каркасы старых машин.

Сзади кто-то мучительно закашлял, пытаясь избавиться от схватившего горло удушающего и шипящего ощущения.

Томас отвлекся от наблюдения за внешним миром. Он увидел, Джейка, что мучился от вдыхания пыли. Протерев ладонью свою шею, он вроде успокоился, но после этого, сразу посмотрел вопросительно на Тома. Юноша выглядел так, будто не спал пару суток. Этот семнадцатилетний парень выглядел крайне крупным для своего возраста, и он был последним, кто имел настоящие семейные узы внутри убежища. У Джейка был брат-близнец Джим. Они были самым весёлым и завидным дуэтом, пока к ним в дверь не постучалась смерть. Как и всегда происходит крах чего-то счастья. После гибели брата, Джейк сделал себе менее крепкий бронированный костюм из пластин, что некогда защищали Джима.

- Минут через двадцать будем на месте, – сообщил Томас.

Сонный собеседник никак не отреагировал на полученную информацию, возможно, потому что моментально уснул. Он был единственным, кто подавал признаки жизни и заинтересованности. Второй же пассажир сидел и смотрел в одну точку.

Машину резко что-то подкинуло на несколько сантиметров в воздух, и все ощутили это только тогда, когда упали обратно на свои места. Легкая паника прошлась единой волной, оживив прежнюю мёртвую обстановку. Транспорт начал тормозить. Томас обернулся к водителю и увидел то, как он нервно продолжал смотреть на дорогу, будто в ужасе увидел что-то опасное. Дорога была пуста, в привычном смысле: один сплошной мусор. Человек за рулём машины сжался, будто опасаясь того, что может произойти.

- Что случилось? – поинтересовался Томас.

- Я на что-то наехал… - прозвучал ответ, с некой дрожью в голосе.

- Почему тогда остановился?

- Там ничего не было…

В такой новости не было ничего хорошего, так как виной была или невнимательность водителя, или возможная засада. Каждый новый вариант хуже предыдущего.

- Что с машиной? – продолжил интересоваться ситуацией Томас.

- Нас уводит вправо.

- Опускай трап.

Томас отошел от перегородки в заднюю часть салона. Под действиями мощных механизмов, трап пассажирского отсека начал медленно открывалась. Чем шире открывался проход во внешний мир, тем больше деталей открывалось для всех присутствующих внутри машины. За транспортом следовал небольшой кровавый след со слабыми следами от шин.

- Прикройте меня! – быстро проговорил Томас, вглядываясь в темноту впереди.

Вслед за его командой, мимо него быстрым шагом выбежали остальные пассажиры, которые встав на одно колено, окружили выход из машины и начали целиться в темноту. Никто из присутствующих не собирался пользоваться дополнительным освещением, – подобные вещи хоть и были почти у каждого присутствующего, их использование несло за собой большой риск. Только Тому было необходимо осветить себе путь. Вытащив небольшую, прозрачную цилиндрическую форму из своей сумки, он потряс её. Через считанные секунды прозрачный предмет начал излучать ярко-зелёное свечение, что позволило более детально осмотреться вокруг.

Два задних колеса не выглядели повреждёнными или слишком грязными, только небольшие пятна крови отбрасывали блики от зелёного свечения. Томас медленными шагами продолжал двигаться вдоль машины, вглядываясь в её днище. На шестом из восьми колёс, юноша обнаружил то, что послужило причиной ужасным следам: за колесом было человеческое тело. Верхняя половина ранее живого человека в одних лоскутах намоталось своими внутренностями на внутреннюю ось. Дальнейшие движения транспорта наглухо бы заблокировало этому колесу возможность крутиться.

Томас никогда не видел этого человека, хоть в начале ему и показалось его лицо смутно знакомым. От мертвеца исходил странный и жгучий запах. Взявшись руками за голую шею человека, Том начал тянуть его на себя, надеясь освободить машину для дальнейшей дороги. После нескольких попыток, хора громкого треска костей и звука рвущейся плоти, ему удалось избавиться от образовавшейся проблемы. Когда тело оказалось на земле, Томас смог полностью его разглядеть: из затылка трупа торчала небольшая металлическая пластина. Томас смотрел на этот небольшой предмет, разрываясь от

противоречивых мыслей: с одной стороны, ему хотелось бы забрать его, чтобы он мог сделать свою броню более прочной, с другой стороны, он брезговал этим поступком еще сильнее тревожить мертвеца.

Слегка сместив голову убитого вбок, юноша спрятал торчащий осколок от глаз своих товарищей, чтобы они не начали спорить и претендовать на добычу. Возвращаясь ко входу в машину, Томас обратил внимание, как кровавый след, что тянулся на несколько метров позади машины, имел начало с противоположной стороны дороги. Проследив взглядом за направлением уходящего следа, Том только видел слабое очертание большого и затемненного дома.

Юноше не понравилась такая мысль, такая хитрая и жестокая уловка врага. Вернувшись обратно в машину, его примеру последовали остальные бойцы. Вскоре, трап закрылся, зафиксировав своё положение тяжелыми магнитными фиксаторами. Через несколько секунд транспорт продолжил путь.

Прежняя обстановка вернулась: полное молчание и погружение в собственные мысли. Иногда пассажиры поднимали взгляд на Томаса и наблюдали, какое у него было напряженное лицо. Никто кроме него ничего не видел, только кровавые следы. Этот угрюмый юноша больше всех находился за пределами убежища и видел множество различных вещей, что могли легко напугать любого другого бойца. Именно реакция этого «матёрого» напрягала остальных; они безуспешно гадали, что же такого мог видеть Том.

Транспорт остановился. Томас потерял чувство времени, и когда он на себе ощутил остановку машины, ему даже показалось, что они наехали на ещё одну преграду. Подойдя к амбразуре, он увидел знакомые ориентиры. В отличии от бункера, из которого приехал бронированный транспорт, «Вторая восточная» находилась под открытым небом. Никто из живущих людей внутри её стен не имел транспортного средства, они предпочитали передвигаться на своих двоих, используя в своих целях узкие переулки, крыши и канализацию.

- Мы на месте, – прозвучал голос водителя.

После этих слов трап начал медленно открываться, послышался гул железных поршней. Это был второй раз, когда Томас приехал к «Второй восточной». Именно поэтому его и взяли на это задание – он был единственным среди присутствующих, кто знал проход внутрь.

Выйдя наружу со своей командой, Том начал оглядываться по сторонам, пытаясь вспомнить правильный путь. С первого посещения прошло много времени, и он мог легко забыть, что же ему делать, но сейчас на него надеялись товарищи, и у него не было права на ошибку. Наличие темноты, что окружала всех живых, сейчас только мешало. Томасу даже показалось, что они все оказались не в том месте.

Знакомые дома, дорога и нагромождённые друг на друга изуродованные временем и стихией машины радостно приветствовали молодого человека. Вся группа оказалась там, где надо. В нескольких метрах от их остановки, виднелся школьный автобус, что неуклюже врезался задом в рядом стоящее здание, создав ударом брешь в стене, и параллельно закрыв её своим кузовом. Том направился внутрь этой машины, приказав остальным последовать за ним.

Сев за водительское сидение, Томас начал крутить коробку передач и давить ногой на педали, под уместное удивление со стороны своих друзей. После нескольких умелых движений, и правильно выбранного угла, сзади машины начал раздаваться лёгкий скрип нескольких движущихся металлических пластин. В самом конце автобуса, где должна была быть запасная дверь на случай аварии, начал открываться проход вглубь здания. Томас направился внутрь нового прохода.

Непроглядная темнота, более непроглядная чем та, что была на улице. Снаружи здания, по крайней мере, из-за луны было достаточно света, чтобы слабо различать очертания того или иного объекта. Этот свет хоть как-то помогал ориентироваться, но внутри старого здания это было просто невозможно. Встав в небольшой ступор, Томас пытался вспомнить, каким образом из этого места он попадал в главный зал «Второй восточной». Сзади себя, юноша слышал тяжелые дыхания своих друзей, который не только были в полном смятении от происходящего, но и были слегка напряжены от дальнейшего расклада. В ужасном времени, в котором все они живут, тьма – не просто лёгкий страх, выработанный первобытными инстинктами, это живой ужас, что мог схватить в любой момент. Не было ничего страшнее неосязаемой черноты и того, что она скрывает.

- Стойте, – сказал Томас сразу, как только услышал, как кто-то пытается добраться до осветительного цилиндра. – Экономьте свет.

- Но, как мы пройдём здесь? – прозвучал напуганный голос Ская.

- Нам укажут путь.

Воспоминание о предыдущем походе вовремя всплыло в голове юноши. Верёвка. На высоте двух метров висел натянутый стальной провод, следуя за которым можно было добраться безопасной дорогой до нужного места. Подняв свою левую руку над головой, Том почти ударился пальцем о стальное кольцо, которое будучи вбитым в бетонный потолок, держало собою провод. Томас пошел первым, сзади него начали собираться остальные. Вскоре он слышал уже шаги всех остальных бойцов, и их громкие «мысли». Томас понимал своих приятелей, он также боялся темноты, как и они. Она осторожно соприкасалась с каждым сантиметром его тела. Её незримые ноздри чуяли запах юношей, их пот был как вино, опьяняющее и желанное.

Каждый новый удар сердца, раздавался бурным эхом по нескончаемым коридорам и поворотам. Создавалось ощущение, будто все звуки живых людей можно было услышать за многие сотни километров в другой части этого лабиринта. Настолько они казались такими громкими, что даже собственные мысли тонули в этом оглушающем грохоте. Именно такие чувства набегали мощными волнами на тех слепцов, что боялись чего-то реального. Они не могли описать свой страх, не могли представить его. Он просто существовал, необъяснимо, но ощутимо.

Начавшийся путь длился целую вечность. Томас уже начал слышать, как кто-то сзади начал тихо проклинать темноту. И правда, для него самого их путешествие было слишком долгим. Толстая верёвка жгла от трения загрубевшую кожу на пальцах. Эта боль напоминала о реальности в которой живёт юноша. В голове всплывали воспоминания о предыдущем походе. Он интересовался у местных об этой тропе. Люди из отряда Томаса не зря боялись темноты, не зря доверяли своему товарищу. За любым неправильным поворотом их ждало одиночество, если не неминуемая смерть.

Отвлекшись на воспоминания, Том ударился лицом о что-то маленькое и стальное. Разнёсся звонкий гул по всем коридорам. Пустые тупики отозвались аналогичным звуком, но слегка другим. Кто-то из людей замер от удивления, ахнул, оступился. Образовалось маленькое столпотворение, никто ничего не знал, но все чего-то боялись.

- Всё в порядке, я случайно, – произнёс Томас. Проверив руками пространство перед собой, он обнаружил металлическую лестницу, ведущую вверх. – Здесь лестница.

Пять метров, именно столько пришлось подниматься в кромешной тьме, в уже привычной для всех обстановке. Когда руки юношей были заняты, а в голове витали мысли о расчётах расстояний до следующей ступни, они ощущали, как страх медленно отступает, из-за того, что они совместно отвлекались на что-то более продуктивное и реальное. В конце их нелёгкого пути их ждал самодельный люк, сделанный из множества медных сеток. Он был открыт, и Томас первым пролез через него. Дотронувшись до ручки, он уже предвкушал слабый и желанный свет свечей, аромат какой-нибудь еды, горький и расслабляющий запах пота, резины и пороха. Юноша уже скучал по коктейлю запахов, который окутывал его чувством тепла и безопасности.

Картина, которая открылась Томасу и другим его друзьям, была точно не той, которую они все ожидали. Полностью опустевший зал, и в нём никого не было. Базу будто покинули недавно, в полной спешке. Своими габаритами это место напоминало спортивный зал самой непримечательной школы. С самого потолка и до пола висели большие куски тяжелых одеял, они сильно пропахли сыростью, и на них можно было видеть слабо заметное копошение маленьких жуков. Это была небольшая ферма, к которой прибегали жители «Второй восточной» в самые голодные времена. Бесконтрольная популяция разрослась настолько, что отдельные представители сваливались с своих убежищ, навстречу грязному полу. Окна были полностью заколочены досками и тёмными тряпками, никакой свет не мог проникнуть внутрь или покинуть это помещение. Только благодаря свечам и закрытым светильникам, в этом зале можно было хоть что-то увидеть, только их почти и не осталось – где-то догорала последняя масленая лампа. Почти вся мебель, что находилась в этом помещении была перевёрнута, часть из них была раздроблены в щепки. Томас начал ходить между сваленными шкафами и комодами, перевёрнутыми стульями и столами. Он осторожно переступал через одиночные потухшие свечи и светильники. В таком месте не было ни единого признака живых людей, что могли заниматься своими делами.

- Ау! – слегка громко сказал Томас, пытаясь привлечь к себе внимание возможных людей.

Но никто из просторов этого помещения не дал ответа.

Подняв с пола один из рабочих светильников, Том начал осматриваться, и его примеру последовали остальные. Уже все схватили себе по осветительному прибору и принялись обыскивать большой зал. Ощущение страха постепенно возвращалось. Пустые спальные матрасы, закрытые и заполненные ящики с одеждой, пропитанием или личными вещами. Вся картина выглядела таинственной, но больше всего пугала одна деталь: во всём зале отсутствовало какое-либо оружие. Томас встал в центре образовавшейся свалки, и перевел взгляд на приоткрытую дверь в дальней стене зала. Он взял в руки свою автоматическую винтовку, и повесив ей на дуло светильник, медленными шагами направился к двери.

Единственный выход из зала не радовал Тома, так как ему казалось, что за ним он увидит ответ на свой немой вопрос о судьбе некогда живущих здесь людей. Медленным движение он открыл дверь нараспашку и слабый свет от светильника позволил юноше увидеть то, что было перед его ногами на расстоянии нескольких метров: разорванные куски металлических пластин, щепки от дерева, пластмассы, ошмётки тряпок и осколки стекла. Местами на полу и стенах виднелись пятна крови. На освещаемой границе Том едва видел изорванный металлический шкаф, чьи стенки выгнувшись торчали в разные стороны, как у распустившегося цветка.

Вглядываясь в дальнюю темень, юноша только иногда мог уловить слабые отблески света вдали. В нос ударил очередной запах прелой ткани с привкусом металла, и тут с потолка свисали одеяла-фермы, закрывая юноше дальнейший обзор. Перебегая глазами от потолка к отблескам света вдали, Том уловил ещё один знакомый запах: сильный запах скошенной травы, будто только что какой-нибудь садовник решил привести свою лужайку в приличный вид, и вся округа начала наполняться характерным и узнаваемым запахом. Если раньше этим запахом можно было бы насладиться, то сейчас он наслал на Томаса огромную волну страха. Бесшумно закрыв дверь, он начал отходить к своим друзьям.

- Надо уходить.

- Но как же выжившие? – поинтересовался Скай.

- Их нет.

Нависла небольшая пауза. Медленно Джейк и Скай начали собирать любые полезные вещи, что могли найти. Некоторые светильники и свечи переставили поближе к огнеопасным вещам, оставив их там для возникновения пожара. Том мог бы прихватить себе что-нибудь ценное, только он не сводил глаз с двери, из которой могли выйти гости. Он боялся каждой последующей секунды, что могла принести с собой ужасное событие, в ходе которого, все вокруг могли погибнуть. Сборы продолжались, Томас ждал, когда его окликнут, и они все, наконец, уйдут. Это было необходимо, без этого попросту невозможно было выжить. Если пренебрегать «подаркам судьбы» и не использовать общее горе в свою пользу, то никому не суждено выжить. Это была их давняя обязанность перед друзьями, перед самими собой, перед всем человечеством.

Глава 2. Кодекс матери

Ненависть и отчаяние. Именно такие чувства давно сломили некогда весёлых и способных за себя постоять девушек. Вскоре их старые чувства и желания атрофировались, вместо них появились гордыня и жалость, точнее, некое изощрённое подобие жалости. Изолированный корпус старого военного бункера служил целым муравейником для определённой касты людей. Той, что отличалась по половому признаку от своих хозяев. Все родившиеся там дети, живут четыре года со своими матерями, а затем им выбирают другой путь, который зависит от того, кем они родились: мальчиком или девочкой.

Чистые коридоры, свежее и мытое бельё, нарисованные на стенах и полу линии и фигуры. Женский корпус готовился к предстоящей «ночи продолжения». Отобранных девушек красиво одевали, в полную силу ухаживали за ними. Делали всё, чтобы предоставить им надлежащий вид.

Лия нервно сидела спиной к своей попечительнице - к своей матери. Сердце юной шестнадцатилетней девушки тревожно билось в груди. Быстрее, чем раньше. Она сидела молча и ожидала, когда закончат расчёсывать её волосы. Подобранное белоснежное платье идеально гармонировало с бледной кожей, и, местами казалось, что девушка обнажена догола. Нежные прикосновения любимого человека к волосам успокаивала её, она чувствовала себя спокойно. В то же время она ощущала сильное волнение, так как приближалась её самая первая «ночь продолжения». Она наконец-то достигла необходимого возраста, когда требуется принять обязательное участие. Лия, как только впервые услышала о странных ритуалах в другом корпусе, так и не знала, как к ним относится. Она ещё больше была удивлена тому, что за пределами их нескольких помещений есть ещё больше комнат и дверей. Мнения других девушек, и тем более матерей, сильно различались между собой.

- У тебя красивое лицо, - прозвучал тихий голос матери из-за спины Лии. – Ты им понравишься.

Этот фальшиво нежный и радостный голос прозвучал как скрип ржавого гвоздя по стеклу. Всех девушек ещё с детства на протяжении

многих лет воспитывали по специальной программе – «служить и благоговеть». Последний год Лия только и слышала о той самой «ночи продолжения», когда она наконец сможет стать матерью. Как и остальные девушки старше шестнадцати лет, она сможет познать прекрасное чувство материнства и отдать всю себя «великой цели». Она не знала всех деталей, только то, что в ту ночь всё в её жизни изменится. Как символ взросления, ей на руки дадут ребёнка мужского пола. Лия сможет пройти с ним через мягкий коридор, и с ней случится что-то, чего она ещё не знала, но о чём могла лишь догадываться. Даже те, кто возвращались, ничего не говорили о произошедшем. Они боялись, так как разглашать что-либо было запрещено. Поэтому вокруг недомолвок рос романтизированный интерес.

- Что со мной будет? – поинтересовалась Лия.

- Скоро сама всё узнаешь.

Девушка молча сидела и ждала окончание причесывания. Её руки по-прежнему дрожали от нервного предвкушения. Смотря на отражение в зеркале, она видела свои осторожные черты лица, что сильнее выделялись на фоне создаваемой в данный момент прически. Короткие волосы подчёркивали её тонкие губы и высокие скулы. Отражение смотрело на Лию с такой же печалью и лёгкой ноткой осуждения и сожаления. Если кто-то и высказывал печаль по отношению к судьбе Лии, то только её собственное отражение.

«Первый пункт кодекса матерей: мы обязаны за всё тем, кто оберегает нас и держит вне опасности и несчастия», - строка давно заученного писания более старших матерей пролетела в голове девушки. Лия пыталась сконцентрироваться на знакомых вещах, пытаясь не думать о том, что случится с ней вскоре. Почти десять лет, большой промежуток времени, сколько она себя помнила, она слышала о кодексе, об обязанностях и правильной манере поведения. Девушка давно смирилась с тем, что от неё требуют или будут требовать. Несмотря на образовавшуюся идиллию со своими подругами и другими матерями, Лии не казалась эта жизнь столь сладкой, как её видят другие. Она не видела в «хранителях» ничего хорошего, даже их самих она никогда не видела. Только знала, что они находятся по другую сторону мягкого коридора.

Сколько бы Лию не напрягала и не смущала всеобщая недосказанность и таинственность, только в одном месте она по-настоящему могла отдохнуть и успокоиться. Один единственный сон, который повторяется каждый раз, стоит девушке только уснуть. Сколько бы она не погружалась в сновидения, даже в самых коротких она видела одну и ту же картину: огромная воронка фиолетового цвета; поток не прекращающегося движения, который создавал настолько тёплое ощущение в груди, что ноги подкашивались и путались мысли в голове. Лия не знала, из-за чего этот цвет так сильно на неё влиял, но, даже заметив что-то фиолетовое наяву, она чувствовала себя в безопасности.

Когда её в последнее время стало окружать сплошное беспокойство, она только и думала, что о коротком сне. Смотря на своё отражение, она представляла, как ложиться в свою кровать, закрывает глаза и засыпает. Посреди безграничной тьмы появляется яркая воронка, уносящая девушку за собой. На лице выступила маленькая улыбка, зеркало слегка искажало её, немного растягивая в ширину.

- Что случилось? – раздался удивлённый голос матери. Стоя позади Лии, она увидела в зеркале улыбку девушки. Её это позабавило и напомнило о давнем и беззаботном детстве.

- Я просто кое-что вспомнила… - сухо ответила Лия, быстро убрав улыбку.

Необходимая процедура завершилась и, затем, юная красавица отправилась вслед за своей матерью. Каменный пол был холоден, он причинял небольшой дискомфорт босым ногам. Проходя мимо двери в мягкий коридор, Лия увидела, как из него выходят несколько других матерей, что несут с собой в руках разные мешки и ящики. За их плечами можно было наблюдать загадочное помещение длинной в десяток метров, что через несколько дней будет настолько близок, что до него можно будет дотронуться. Весь пол в коридоре был усеян белыми простынями и подушками.

Мать Лии остановилась у одной из дверей правого корпуса. Указав рукой в сторону соседнего помещения, она пригласила Лию войти внутрь. Девушку смутило такое поведение, и по глазам женщины она поняла, что та не собирается идти с ней. Лия вошла в комнату и увидела небольшой круг из стульев, на которых сидели её подруги. Присоединившись к странному собранию, Лия смогла

хорошо присмотреться к окружающим её лицам. Это были именно те девушки, что будут участвовать в предстоящей «ночи продолжения».

- Начнём наш инструктаж, – раздался голос у двери. В комнату вошла уже знакомая всем мать. Только три года назад она приняла эту роль, и с первого же дня получала всё необходимое внимание и заботу. Оккупировав последний никем не занятый стул, она молча осмотрела всех присутствующих. В их глазах было заметно сильное напряжение и неуверенность.

Через несколько минут после общего сбора начался долгожданный инструктаж. Его проведение было заключительной частью к годовой подготовке.

Началось долгое обсуждение грядущих событий. В начале все девушки были заинтересованы, потом напуганы и смущены. Их инструктор рассказал, как они все пройдут через мягкий коридор, зайдут в отдельно подготовленные комнаты и отдадут своё тело «хранителям». Она утверждала, что это обязанность каждой из живущих девушек, что так они все делают свою работу в общее благо. Мать ни раз проходила через «ночь продолжения» и знала все последствия, возможные вопросы и страхи. Поэтому она рассказывала всё своим ученицам в полной подробности, настолько неприкрыто и чисто, что было невозможно смутиться.

- На протяжении уже целых десяти лет, мы занимаемся этим необходимым ритуалом. Благодаря этому вы живёте здесь. Безопасность, чистота и уют; вы сыты и не знаете страха. Цена всему – одна ночь с мужчиной один раз в год. А после, вы проходите через волшебное ощущение деторождение и связь с маленьким существом, чистым и безобидным, жизнь которого полностью зависит от вас… Мы должны быть благодарны, за такую судьбу, за то, что нам нет необходимости мучиться. Эту роль взяли на себя *они*.

Мать прошлась взглядом по девушкам. Когда-то она была такой же, как и они, – каждая их эмоция и мысль была ей знаком. Она тоже была недостаточно зрелой, юной и глупой. Теперь она мать, ей всё понятно и известно. Своим взглядом она хотела найти тех, кто ещё сомневался в своих поступках и обязанностях. Она и сама не знала, что будет, если кто-то из девушек откажется. Хоть у инструктора и были благие намерения, все считали её прямой взгляд угрожающим, и

поэтому боялись что-то сказать против. Опасаясь худшего, она хотела только помочь, но не могла это показать.

Все выглядели взволнованно, в том числе и Лия. Они обдумывали слова матери, сами с собой взвешивали все «плюсы» и «минусы». Конечно же, после всех историй плюсов было очень много. Только дура откажется от предложенного пути. Никто из девушек толком ничего и не слышала о мире за пределами убежища. Они и не знали причины их длительного заточения, но таинственность слов инструктора их пугала. Лия осторожно прикоснулась к нижней части своего живота представляя, будто уже прошла «ночь продолжения» и внутри неё растёт новая жизнь. Она не узнает этого ребёнка, она может и не считать себя его матерью и просто использовать его, как способ достижения своей цели. С другой стороны, обдумывая это, она мысленно торговала чужой жизнью, той, которая имеет схожее право на собственное мнение, мысли и мечты.

Инструктаж подошел к концу, и все воспитанницы получили заслуженную свободу, и Лия, в свою очередь, решила вернуться в свою комнату. Она не могла сосредоточиться, в её голове витали только те мысли, что начали мучить её с начала инструктажа. Обойдя стороной мать, она даже не обратила внимания на то, что её пытались позвать. Единственное, что она слышала – только мысли в собственной голове. Это был неуловимый поток бурных вод, что нёс её против собственной воли, не позволяя остановиться или перевести дыхание.

Осталось несколько дней до «ночи продолжения».

- Ты мне не нравишься, – прозвучал тихий голос с соседней кровати. Лия не успела опомниться, как уже находилась в комнате.

Молчание.

- Лия.

Тишина.

- Лия!

Девушка резко одёрнула голову в сторону. Через бурный поток мыслей она с трудом услышала своё имя. Два больших и удивлённых глаза уставились на смущённую девушку. В комнате повисла непродолжительная пауза. Лия только открыла рот, чтобы что-то сказать, но сохранив молчание вернула свой взгляд в потолок.

- А если бы оказалось, что за всё в твоей жизни нужно платить? Как бы ты отнеслась к тому, что ты кому-то что-то должна? – Лия

говорила, продолжая смотреть в потолок, но слова предназначались соседке по комнате.

- Что ты хочешь сказать?

Лия соизволила повернуть голову к собеседнику, теперь её стало пугать не только собственное будущее. В глазах Дарьи она видела ребёнка, что непонимающе уставился на свою взрослую подругу. Девочка была младше Лии на пять лет. Ещё целых четыре дня рождения она может и не думать о том, что ей предстоит сделать, через что предстоит пройти. Какую цену заплатить.

Дарья была самым обычным ребенком, одной из многих, кто родились уже в период заточения в стенах бункера. Она ничем не выделялась, она и была никем. С раннего детства тихая, необщительная, какая-то извечно грустная. Если кто-то и смотрел на этого ребёнка, то не наблюдал за ней ничего необычного, а скорее просто какую-то серую куклу, без характера и собственной мысли. В глазах общества такие люди были скорее паразитами, чем подходящими ячейками общества, они идеально имитировали определённый род деятельности, без минимальной возможности к саморазвитию и стремлению к лучшему. Кто-то сказал, что это была патология (и это могло о многом поведать Лии, если бы она знала значение этого слова), но дело было в ужасном воспитании.

Лия продолжала смотреть в глаза подруги в надежде получить капельку детской невинности. Но Дарья смотрела на неё с взрослой задумчивостью, чем сильно пугала подругу. Лия не знала, что и как сказать. Какую часть страшной правды об их общей судьбе стоит утаить, а какую стоит выдать на белом блюдце. Какая будет реакция у девочки? Сможет ли она смириться с ужасом отсутствия собственного выбора и воли?

- Я скоро пойду на «ночь продолжения» … - осторожно сказала Лия, будто опасаясь, что за эти слова её накажут.

- Ещё пять дней, – шепотом произнесла Дарья. – Я боюсь.

- Чего?

- Ты станешь матерью, – уйдёшь к другим, – твоё место займёт кто-то из маленьких, придётся знакомиться, узнавать друг друга, заново дружить. – Дарья начала притихать, и на её глаза стали заметно накатываться слёзы.

Лия начала завидовать наивности подруги. Это было мило и печально. Появилось желание обнять Дарью, успокоить её, попытаться всё объяснить и обнадёжить. На миг родилось ощущение, что перед Лией сидел тот самый её ребёнок, жизнью которого она хотела торговаться. Такой же комочек невинности в ужасном мире, заслужено расположенный прямо в руках, после стольких усилий, ожиданий и страданий. Дарья плакала, вместе с ней ныло и сердце Лии.

Через час непрерывных объятий, они наконец-то смогли расслабиться. Мимо их комнаты проходил ни один любопытный взгляд и, в конечном итоге, их навестили. В помещение вошла мать. Девушка чуть старше Лии смотрела на образовавшуюся картину редкой нежности. Скорее всего, в её сердце тоже что-то ёкнуло, а в глазах читались извинения.

- Что у вас случилось? – спросила она.

Дарья только после этой фразы заметила, что кто-то зашел в комнату. В её голове родилась мысль о том, чтобы уговорить матерей не переводить Лию. Открыв рот, чтобы проговорить свою просьбу она ощутила, как её ещё сильнее прижимают к тёплой груди. Лия предвидела мысль своей подруги и поставила крест на том, что могло родить создать больше проблем.

- Всё в порядке, – бодро ответила Лия.

Ещё немного мать постояла у двери, и поняв, что ничего необычного не происходит, и нет ничего выходящего из ряда вон – удалилась по своим делам. Вскоре Дарья уснула, а Лия осторожно положила её на кровать и отправилась к себе. Закрыв глаза, она пыталась думать только о тьме перед собой. Девушка пыталась не позволить своим мыслям уйти в очередное размышление о «ночи продолжения», что могло снова заставить её беспокоиться.

Новая воронка фиолетового цвета. Она выглядит иначе, чем другие - эта в несколько раз больше и, такое чувство, что она имеет небольшую помесь красного цвета. Это огромное полотно испускало слабое тепло и лёгкий необычный запах, отдалённо похожий на дым. Где-то за пределами этого цветного гиганта, слышался слабый глухой стук.

Лия открыла глаза и почувствовала себя умиротворенной. Ей снова приснился этот загадочный сон. Сердце билось сильно, на лице образовалась ангельская улыбка. За дверью послышалось шлёпанье

босых ног. Лия поднялась с кровати и отправилась в столовую за завтраком. Живот задорно урчал, девушка спрыгнула со своей койки и вышла в коридор к остальным проснувшимся.

Она пришла в сопровождении более маленьких девочек и двух матерей. Небольшой толпой они вышли в столовую. Помещение представляло собою высокий прямоугольник с белыми стенами; в самом низу располагались столы, стоящие в разных местах, а некоторые из них были отделены проведёнными на полу полосами из красок и мелков. Где-то уже сидели маленькие девочки и с ними за одним столом находилась мать. Более взрослые девушки находились в центре зала. С противоположной стороны от маленьких детей располагалась часть матерей. В столовой присутствовала только треть всех жителей корпуса, остальные или занимались своими делами, или спали. Но учитывая всех присутствующих, их можно было насчитать больше сотни.

По углам зала на высоте в несколько метров стояли небольшие балконы, на которых располагались особые матери, что занимались всеобщей готовкой. У каждой группы столов были собственные повара и особый рационы питания. На высоких балконах находились только те, кто был старше сорока лет. Лия не знала причины столь странному распределению, но догадывалась, что матерям всё было известно, и скоро ей самой откроется эта правда. Более скудный рацион был у тех, кто находился в центре столовой. Именно там, где располагались девочки от двух до шестнадцати лет, среди них всегда были те, кто надеялся или вернуться в детство, или поскорее стать одной из матерей, чтобы навсегда покинуть тесную, шумную и неприятную зону. Лия начала подходить к привычному месту и увидела уже знакомые приветливые лица. За несколько недостающих до ближайшего стола метров, девушку остановила посторонняя рука, что крепкой хваткой вцепилась в плечо.

- Тебе не сюда, – прозвучал голос со стороны.

Сердце замерло. После исполнения шестнадцати лет, жизнь резко начала меняться в другое русло. У Лии появятся дополнительные обязанности и новые знакомые. Она начала посещать новые места, а также получала новые знания. Она видела, как отдаляется от привычной жизни и знакомых лиц, словно тот сон с фиолетовым цветом, что исчезает во мраке, когда она просыпается. Если они

лишается чего-то наяву, может ли аналогичное произойти и с её любимым сном? Сидящие за столами подруги Лии только грустно посмотрели на девушку и продолжили приём пищи.

Будущую мать посадили за стол её новой касты. Они осторожно ели свежеприготовленную еду, которая сильно отличалась от остальных блюд. Лия удивлённо смотрела на рядом сидящих женщин, а запах пропаренных овощей и мяса заставлял организм вырабатывать много слюны, которую Лия жадно сглатывала. Рядом поставили тарелку с аналогичной порцией. Такое же блюдо, которое ела каждая мать, теперь будет есть и Лия, ведь она сама была так близка к материнству. Ей, как и всем остальным, заранее дали место уготованное место, чтобы она могла приспособиться и найти себе новых друзей, но на неё всё равно смотрели как на ребёнка. Последнее время она только и ждала, когда наконец-то сможет попробовать *настоящую* еду.

- Нравится? – прозвучал знакомый голос.

Лия обернулась и увидела ту самую мать, что взяла её за руку и привела в новое место, где дала ей тарелку с едой. Та вопросительно смотрела на девушку пытаясь понять, насколько сильно она готова к новым изменениям в её жизни.

- Вкусно… - тихо проговорила Лия. Это действительно было вкусно, и она удивлялась тому, насколько необычной может быть еда. Ей казалось, что за десять лет одной и той же пищи, она потеряла возможность ощущать что-то новое, что-то способное заставить поперхнутся. Жадно поглощая еду, Лия закашлялась.

После непродолжительного приступа кашля, девушка успокоила. Из-за дискомфорта в горле, новая еда не казалась ей такой вкусной, как в минуту назад. Однако это было лучше, чем та еда, которую на протяжении десяти лет она ела раньше. С первой же секунды разрушенной тихой обстановки, девушку сразу же окружили сплошным кольцом заботы и тепла: к ней потянулись со всех сторон нежные и заботливые руки, что пытались поддержать и утешить. Лия была удивлена, ведь она просто поперхнулась, – самое безобидное, что могло случиться с человеком за этим столом, принимали за что-то по-настоящему чуждое. Вот они, настоящие матери - те, кто выполняет простую задачу опоры и поддержки. Они были символом любви и безопасности. В их глазах никогда нельзя было увидеть что-то

негативное или грубое, что легко наблюдается в более молодых представительницах единственного пола в этом корпусе.

Хоть Лия и чувствовала поддержку со стороны, она начала казаться какой-то излишне фальшивой, будто все матери, что сейчас её окружали, хотели помочь девушке из-за какого-то загадочного обязательства, а не из-за личных переживаний и сердечных побуждений. Эта странная мысль совмещалась с чувством нарастающего, пронизывающего до костей холода. Лия внимательно оглядела всех, кто тянулся к ней. Некоторых матерей она узнала, и это были те, кто несколько лет назад тоже были на месте Лии, и ожидали своей первой «ночи продолжения».

Это были давно знакомые лица, что слишком много вели себя грубо и надменно, шутили и издевались над более маленькими. Изменились ли они из-за этой самой ночи или же все изменения произошли в ходе продолжительного проживания бок о бок с более взрослыми женщинами? В голове пронеслась мысль: «это больше не они. Это совершенно другие люди».

- Это Дарья? – прозвучал вопрос от одной из матерей.

Лия обернулась, чтобы увидеть свою подругу и понаблюдать за ней и её состоянием. Лия опасалась, что её замкнутая и необщительная соседка по комнате не сможет полноценно влиться в новое общество, где у неё появится возможность найти себе друзей. Чутьё её не обмануло. Девочка просто молча села за один из столов, который располагался в центре помещения. Её и других девочек разделяли несколько пустых мест. Она не решила подойти к столу с наполненными тарелками и просто выбрала стратегию выжидания, пока все лишние уйдут.

- Дурная, – прозвучал укор от одной из матерей. Почти все женщины наблюдали за девочкой и не понимали, почему та не отправляется за едой.

- Она боится, – поправила Лия. Девушка прекрасно знала поведение Дарьи, её манеры, мысли и страхи.

- Чего? Там все свои.

- Она боится быть в центре внимания.

На Лию удивленно уставились матери и все те, кто находился с ней за одним столом. Вопрос в глазах так и просил продолжение объяснения сложившейся ситуации. Лию начало пугать то, что никто

из матерей ничего не знает о Дарье. Им было неизвестно, почему она является самым сложным ребёнком среди всех остальных.

- Так вы не знаете… - тихо проговорила Лия, унижая сидящих женщин.

- Мы не можем ей помочь, – прозвучал ответ где-то сбоку.

Лия повернулась в сторону, будто пыталась выловить взглядом говорящего, чтобы можно было начать диалог с тем, кто на него настроен.

- Почему?

- Её мать теперь работает среди поваров, – раздался голос позади Лии. Девушка также обернулась, пытаясь выловить говорящего, но безуспешно. В голове начала восстанавливаться полная картина происходящего. Дарью уже не сможет воспитывать её мать и теперь она одна. Даже другие не смогут отдалённо направлять её.

- Что насчёт её сестёр? И почему вы не можете? – девушка попробовала задать вопрос, смотря в образовавшуюся пустоту между сидениями.

Не сразу ей дали ответ. Прошел не один десяток секунд, как молчание полностью поглотило матерей. Все молча наблюдали за удивлённой девушкой, будто ожидая, что та сама дойдет до сути происходящего.

- Нам нельзя, - прозвучал резкий голос, так же неожиданно, как и сопутствующее нежному эху прикосновение руки. Лии на плечо положила свою руку мать, что незаметно покинула стол. – Ты поймёшь, когда станешь одной из нас.

Эти слова стали завершающими. Все продолжили есть, не обращая внимания на то, что Лия была недовольна полученным ответом. Повернувшись через плечо, она видела, как Дарья сидела одна за столом и наблюдала за тарелкой с едой, что стояла вдалеке.

Никаких особых обязанностей у Лии не было, но нервно ожидая начало «ночи продолжения», она представляла себя на месте матерей, что иногда работали на самых разных фронтах. Именно матери обеспечивали чистоту и порядок в коридорах, а более юные ограничивались только уборкой в своих личных комнатах, и их иногда проверяли старшие. Следить за самыми маленькими представлялось всем, но матери делали это гораздо чаще. У Дарьи просто не могло быть опекуна – никому не было до этого дела.

К детям мужского пола, никого кроме матерей не подпускали. Все малыши лежали одной большой группой за закрытой дверью в ясельной комнате, в помещении без смотровых окон, где нельзя было даже одним глазом увидеть детей. Там были все, от тех, кто родился совсем недавно, до тех, кто в скором времени должен был покинуть местное общество в «ночь продолжения». Они прятались и даже не издавали не единого звука, учитывая то, что другие дети любили кричать и шуметь. Мальчики были большой тайной для всех девушек, кроме самих матерей.

Ещё несколько дней пролетели в спокойном и привычном темпе жизни. Лия почти не покидала свою комнату, уделяя большую часть времени Дарье, пытаясь подготовить её к неминуемому будущему. Разделялись они только в столовой. Матери никак не позволяли Лии сесть за один стол со своей давней подругой. Девушка пыталась воспротивиться, но ей пообещали, что за нарушение правил устоев, за ней могут прийти «хранители». Теперь вместе они сядут только через четыре года, когда Дарья сможет пройти через «ночь продолжения». Между этим событием, скрасить их одиночество они смогут только при коротких личных встречах.

- Я не хочу, чтобы тебе было плохо, – произнесла Лия, сидя рядом с подругой.

- Что мне тогда делать?

- Попробуй завести новых знакомых, может, кто-то захочет с тобой общаться?

- Я не смогу…

Лия начала терять последние капли надежды на то, что у Дарьи что-то получиться. В голове рождались мысли, что девочка нарочно не хочет как-то взаимодействовать с остальными, и просто издевается над собой и своей подругой.

- Пожалуйста, попробуй. – Лия постаралась приободрить свою подругу не зная, что ещё ей можно сказать, но она пыталась сказать хоть что-то.

Их моменты совместного времяпрепровождения становились всё менее возможными. Лию постепенно включали в общие работы, которыми обычно занимались матери. Девушка не злилась из-за этого, только боялась того, что её подруга абсолютно беззащитна и одинока. Так прошло несколько дней, в которых они пытались восстановить

былое и частое совместное времяпрепровождение. После чистки регулярно испачканного пола перед мягким коридором, который никогда никто не замечал, как он пачкается, Лия смогла освободиться и отправиться в столовую. Путь мимо собственной комнаты нагнал коктейль сомнительных мыслей. Она не обнаружила внутри Дарью и знала только одно место, где её можно было найти.

Выйдя в знакомое помещение, девушка остановилась на пороге. Не входя в поле зрение подруги, она наблюдала за действием. Моральная поддержка и обучение пошли Дарье на пользу: она смогла самостоятельно взять себе еду. По крайней мере, в этом она теперь ни от кого не зависела, ведь именно это создавало ей большую часть проблем. Девочка осторожно выбрала себе место поближе к оживлённым столам. Оставался только один шаг – завести разговор. Стоя вдали от подруги, Лия нервно сжимала кулаки, будто такое грубое действие было способно на расстоянии помочь Дарье.

Произошло заветное событие, и девочка начала говорить. Лия ничего не расслышала с большого расстояния, но понимала, что её подруга хочет что-то сказать. Это были самые долгие несколько секунд в ожидании хоть какой-то реакции. Лия в предвкушении смотрела на девочку и переводила взгляд то на одних девушек, то на других. На Дарью наконец отреагировали. К ней повернулись, сказали что-то с недовольной гримасой и моментально отвернулись. Дарья заметно расстроилась.

Обдумывая дальнейшие действия, Лия отправилась за свой стол. Получив от поваров поднос с едой, она села среди других матерей. Ситуация с Дарьей давалась ей крайне тяжело, ведь она не знала, как поступить. Девочке нужна была помощь более взрослых.

- Как нам быть с Дарьей? – произнесла Лия за столом, обращаясь одновременно ко всем, кто находился рядом.

- Мы ничего не будет делать, ведь она уже не маленькая, – прозвучал дерзким тоном ответ одной из матерей.

- Она же не может найти себе друзей. Ей одиноко и страшно. – Лия и дальше пыталась убедить матерей помочь Дарье, дать совет или хотя бы найти ей кого-нибудь.

- У нас итак полно забот. Если Дарье нужны подруги – она должна завести их сама.

Лия сделала небольшую паузу. Она окинула взглядом матерей: некоторые смотрели на неё укоризненно, некоторые стыдливо отворачивали взгляд. Медленными движениями девушка поднялась во весь рост. Она привлекла к себе внимание, и теперь матери смотрели прямо на неё, не отводя глаз и не говоря куда-то в пустоту. Перед ними была только Лия. Она встала выше матерей, и все ощутили нарастающее напряжение.

- А если я не хочу быть матерью?

Это было услышано даже теми, кто в пол уха улавливал только через слово. Тишина образовалась даже среди поваров. С дальних столов повернулись напряженные и испуганные лица. Они смотрели прямо на девушку, что сказала словно запрещённые слова. Волна смущения прошлась по Лии, она чувствовала себя неловко и ей смотрели прямо в глаза, не моргая. У всех были такие выражения лиц, будто через секунду молчание утонет в криках и воплях, в спорах и уговорах. Это было осуждение, которое в любую секунду могло получить материальную форму и сразить Лию намертво.

- Нельзя! - проговорили еле слышно несколько матерей.

Они отвечали, как единый организм, словно каждая потеряла всю свою индивидуальность, говоря так, словно получила приказ из общего мозга. Теперь же на лицах женщин виднелась скорбь и страх. Эта картина заметно напугала и остудила Лию, и она покорно села обратно. В голове крутились мысли, что она ничего не знает о матерях и правилах. У девушки было всё меньше желания становится одной из них. Ей больше нравилось быть с Дарьей, а также и среди других девочек. Она начала тосковать по беззаботным годам.

Закончив с пищей, Лия направилась в свою комнату, где ожидала встретить Дарью. Обдумав всё, что случилось, она решила, что ни за что не станет матерью. Светлые и чистые коридоры теперь казались менее дружелюбными и успокаивающими. Девушка чувствовала со стороны холодных поверхностей такое же сильное давление, как и ранее со стороны матерей. Она будто была в центре маленькой коробки, из которой не сможет выбраться. Куда бы она ни посмотрела, она видела лишь свою маленькую тень на фоне бесконечно давящих коридоров.

- С чего ты решила, что мы будем с тобой общаться? – раздался голос из комнаты Лии. – Кто тебя надоумил, дурнушка?

- Ты странная, непонятная и тихая. Дурнушка.

- Ты нас пугаешь, лучше возвращайся туда, откуда вылезла.

Из комнаты Лии и Дарьи доносился смех посторонних девочек.

Лия ускорила шаг. Вернувшись в свою комнату, она обнаружила Дарью сидящей на полу. Её окружили другие девочки, словно маленькие дети над новой игрушкой. Толпа недружелюбно настроенных гостей стояла над Дарьей, смотря ей в затылок. Их жертва плакала. Одна из них, держа девочку за волосы и дёргая на себя, пыталась вытащить из неё хоть какой-то ответ. Дарья, как и раньше, пыталась привлечь к себе минимум внимания, она даже плакала очень тихо, настолько, что, Лия с трудом смогла услышать это.

По комнате прошелся звук хлопка. Он обогнул на большой скорости все углы и стены. Покинув помещение, он эхом улетел вдоль белых коридоров. Разговоры, жалобные всхлипы и даже эхо от пощёчины сошли на нет. Над всеми, кто был в комнате, стояла Лия. На её лице читалась злость и ненависть. Она своим живым взглядом сверлила всех, кто причинил боль её подруге. Лия ударила ладонью по щеке девочку, что дергала Дарью за волосы. Мягкая кожа мгновенно начала покрываться румянцем, а глаза намокли от накатившихся слёз.

- Что вы тут устроили?! – громко спросила Лия.

- Она к нам приставала, просилась в друзья. Нам не нужна «такая» подруга, – рискнула ответить одна из девочек. Голос её дрожал, вместе со всем телом. Она также была на грани того, чтобы расплакаться.

- Зачем тогда вы сюда пришли?

- Дать понять, чтобы она не возвращалась. Она без матери, по-другому не поймёт!

Эти слова ещё сильнее разозлили Лию, она взяла самую разговорчивую девочку за волосы, и медленно начала поднимать. Ребёнок начал брыкаться и кричать от боли. Бедняжка взялась за руку Лии, чтобы ослабить хватку. Дарья уже не плакала, а благодарно смотрела на свою спасительницу, утирая слёзы. Другие девочки всполошились. Они не знали, что им делать: бежать или звать на помощь.

- Ещё раз вас тут увижу – вам не поздоровиться, – сказала Лия, смотря прямо в глаза той девочки, которую держала за волосы.

Отпустив ребёнка, Лия наклонилась к подруге, а девочки в панике начали покидать зловещую комнату. Одна из них через плечо бросила угрозу: «скоро ты станешь матерью, и не сможешь её защищать». Лия заключила свою подругу в объятия, в надежде успокоить, к тому же это сдерживало её оттого, чтобы не броситься в погоню. Она винила себя за то, что дала ей неправильный совет, что рисковала ею, не смогла прийти вовремя на помощь, не предвидела такого печального исхода.

Лия решила не оставлять такой жестокий поступок безнаказанным. Она отправилась в ясли, надеясь найти матерей этих девочек и предъявить им обвинения в ужасном поведении их чад. Держа за руку, она тянула за собой Дарью, чтобы та была в безопасной близости к ней, и могла при необходимости подтвердить слова Лии.

- У нас и так много дел: мы заняты уборкой и детьми, – пусть девочки сами разбираются с этим, – сказала одна из матерей, что занималась кормлением младенца.

Скривив недовольную мину, Лия развернулась и начала идти в сторону другой матери, чтобы повторить попытку.

- Не стоит, – повторила мать, с которой только что коротко беседовала девушка. – Никому нет до этого дела, лучше займись полезными делами.

Лия и Дарья вернулись в свою комнату. За прошедшие минуты, обе они смогли успокоиться, но Лия нервничала из-за того, что для Дарьи вся окружающая обстановка становится только хуже. До «ночи продолжения» оставалось два дня. Лия хотела быть максимально ближе к Дарье, чтобы дать ей заветную безопасность и спокойствие. Несколько раз она отказалась от работы матери, невыполнение которою ей пока прощали, поскольку она ещё не стала полноценной матерью. Так прошло два дня. Лия и Дарья почти не покидали свою комнату, только лишь в столовой их разделяли длинные метры столов и стульев, и многолюдная, шумная толпа.

В последний день перед «ночью продолжения» Дарье не спалось. Она ворочалась в кровати не зная, что её ждёт. Чувствуя свою вину за подругу, Лия решилась провести последнюю ночь в объятиях с Дарьей. Только под глухие звуки ударов сердца, девочка смогла уснуть. Так и сама Лия, и её подруга вместе успокоились и чувствовали себя в безопасности. Вскоре Лия отправилась в страну снов. Как и во многих

других ночах, ей снился верный фиолетовый ураган, что становился всё больше и темнее с каждой новой встречей.

Настал *тот самый* день.

Когда Лия проснулась, всё вокруг происходило совершенно обыденно, и только первый приём пищи происходил иначе. Девушкам, что должны были отправить на «ночь продолжения» получили более специфический приём пищи. Еда, что подносилась им, была более сладкой. Дополнительно ко всему имелись несколько маленьких, розового цвета, деликатесов. Хрупкие шляпки, размером с короткий ноготь; большое скопище сладких шариков с маленькими волосиками. Необычный вкус. Такого Лия никогда не пробовала, но ей хотелось ещё. Комочек был сладким и сказочным, и от резкого изменения вкуса еды, все рецепторы пели от удовольствия, а рассудок слегка затуманился от новых ощущений.

Когда приём пищи был завершён, девушку отправили в ясли, где она ожидала того, когда её и остальных соберут в путь. Лия нервничала, а сердце бешено билось. Она никак не могла найти себе место. Ноги судорожно дрожали. Несколько матерей удалились в закрытую комнату яслей, где по слухам, были маленькие мальчики. Через несколько минут, все «лишние» девушки и девочки были выгнаны из помещения. Оставались только младенцы, матери и участницы предстоящего события.

Из тёмных яслей вышли женщины, а рядом с ними шли маленькие дети, возрастом около четырёх лет. Они носили на себе одни грязные тряпки, а их кожа была такой же бледной, как и у всех присутствующих девушек. В отличии от всех остальных, мальчики были слишком худыми, словно маленькие куклы из палок и тряпок. Среди взрослых, высоких, идущих ровной походкой, дети выделялись шаткостью при ходьбе. Это было жалкое и грустное зрелище. Матери привыкли к этой картине и смотрели на этот марш, как на что-то обыденное. Никто из них не сожалел, никто из них не плакал.

- Ты поведёшь его, – сказала одна из матерей, протягивая Лии тоненькую руку мальчика.

- Как его зовут? – спросила Лия.

- Никак. – Женщина ответила так же холодно, какой на ощупь была рука мальчика. Если даже собственным матерям они были не

нужны, то Лия дрожала лишь от одной мысли будущего, что было уготовано этим бедняжкам.

Лия повиновалась и взяла ребёнка за руку. Для девушки эта маленькая кисть и слабенькие пальцы казались настолько хрупкими, что она могла легко их сломать, лишь слабо сжав кисть. Ей казалось это чем-то великолепным. Она понимала, что из этого крохотного создания вырастит большой и сильный человек. Ведь она сама была такой же маленькой. Этот малыш всё осознает, думает, изучает. Он - человек, но маленький и беззащитный. Он не знает хорошего и плохого, и именно этим он был прекрасен. Какими бы приятными не были мысли Лии об этом ребёнке, происходящее удручало её. Мальчик безвольно шел бок о бок с новым проводником. Его взгляд уставился в белый пол, а весь остальной строй сопровождался шаркающим звуком слабых ножек.

На протяжении всего пути к мягкому коридору, Лия наблюдала как все проходы, что ввели в другие помещения и отделы, полностью были огорожены живыми стенами из матерей. Так все причастные создали идеально закрытый коридор из холодных и каменных стен, и, тёплых и живых тел. Расстояние до мягкого коридора сокращалось. Большая и железная дверь открылась, а внутри располагался пол, полностью закрытый подушками и простынями.

Лия сделала первый шаг за холодный порог. Она почти утонула в ткани, когда наступила на неё. Каждое движение становилось всё тяжелее и тяжелее, ноги всё время цеплялись за ткань, пытаясь повалить первопроходца. Маленький мальчик не выдержал путь и, запнувшись об одну из подушек, рухнул на пол. Девушка взяла его на руки и вместе они продолжили путь. Хрупкие кости выступали из кожи. Они впивались в ладонь Лии, нагоняя лёгкий страх. В голове девушки всплыла мысль, что она держит не живого ребёнка, а схватила в охапку острые вилки.

Чем ближе становилась дальняя дверь, тем больше деталей она открывала девушкам. Небольшой участок пола в конце коридора, не имел на себе никакой ткани. Там был самый обычный каменный пол, но в отличии от того, что был в женском корпусе, тот был чёрным от грязи. По его центру красовалась чистая, свежевымытая полоса, достаточно широкая, чтобы по ней мог пройти человек.

Железная дверь медленно начала открываться. Через образовавшуюся щель струился поток холодного, несущего с собой омерзительное зловоние незнакомого воздуха.

Глава 3. Воспоминания

Трое вернувшихся с задания юношей окружили Нейта. Мужчина стоял у входа в коридор жилого корпуса. Его предупредили о возвращении отряда, и он быстро вышел к ним на встречу, чтобы получить всю необходимую и важную информацию о прошедшей миссии. Его никак не удивило то, что вся «Вторая восточная» была истреблена.

- Какая досада… - заключил он. – Там были действительно хорошие люди. – Бросив взгляд на стены ангара, он добавил, – я рад, что не мы заняли их место.

- Мы взяли с собой всё самое необходимое, что только могли, – добавил к своему докладу Томас.

Нейт одобрительно кивнул. Развернувшись в сторону выхода, он скрылся в старом и облезшем коридоре. Томас со своей командой отправились в сторону небольшого стола, недалеко от выхода из ангара. Там, их ждало знакомое лицо: мужчина преклонного возраста с редкими седыми волосами доброжелательно смотрел на тех, кто вернулся живым из вылазки во внешний мир. Старику выложили на стол всё, что бойцы принесли с собой: еду, оружие, различные запчасти и инструменты. Себе парни оставили только едва позволительные мелочи. Вскоре, в мастерской они смогут сделать себе более прочную броню или более смертоносное и крепкое оружие.

- Вы постарались на славу, ребята. Но, я ожидал, что со второй восточной будет более интересный груз. – Из-за глубокой старости в свои шестьдесят три, старик лишился большинства зубов, но он продолжал активно говорить, хоть это и давалось ему с больши́м трудом, а слушателям с ещё бо́льшим. Осматривая всё, что перед ним выгрузили, его трясущиеся пальцы ощупывали каждую вещь. Он их переворачивал, обнюхивал, разглядывал поближе и обтирал тряпками.

- Нам пришлось торопиться, – чуть ли не извинился Томас.

Старик поднял свои серые глаза на юношу, что взял на свои плечи ношу ведущего отряда. В этих маленьких кругах, читалась легкая усталость и беспокойство.

- Витумы?

- Мы их даже не видели. Может, тебе показалось? – в образовавшийся разговор вторгся Скай.

Томас повернулся к своему собеседнику. Он будто услышал оскорбительные слова в свой адрес. Фактически так оно и было. В отличии от своего напарника, он был вынужден в живую встретится с тем, что являлось признаком присутствия витумов. Вспомнив этот момент, в голове всплыло воспоминание о тошнотворных запахах. Вспоминая этот момент, ему показалось, что тогда он слышал где-то вдали странный шорох.

- Я по большей части уверен, что чувствовал присутствие мясников. В коридоре к залу была свежая кровь, установлены баррикады и раскуроченные шкафы.

Мясники, витумы, сборщики, теневики, твари, монстры, нелюди – создания, что сейчас властвуют за пределами убежища, и ведут неустанную борьбу с оставшейся частью человечества. Каждый называет их по-разному, кто-то использует приевшиеся имена, что услышали от других людей, кто-то придумывает что-то своё, что-то новое. То, что видел Томас, запало в его памяти. Он не видел никого иного, но только мясников - самых ужасных созданий, которых может носить земля. Воплощение омерзительно-загадочной природы, детища кошмаров и больной фантазии.

Юноша вспоминал сгорбленное создание, что сидело на мёртвом человеке и зубами сдирало его плоть. Никто из людей так и не узнал ничего об этих созданиях. Ещё в начале апокалипсиса находились смельчаки, что горели желанием отловить витумов и изучить их. Никто не дошел до чего-то стоящего – все рисковые умы могли похвастаться только незначительными познаниями. К сожалению, не многие из них выживали. В конечном итоге, из-за высокой смертности среди таких людей, дальнейшие исследования были прекращены. Все ученые вернулись обратно в свои «пещеры», где в кромешной тьме тряслись от страха перед неизвестным зверем.

- Всегда грустно от потери людей, но, как и в последние годы, порой это просто необходимо.

- Мы точно не знаем об этом, - добавил Скай.

Этот разговор наскучил Томасу, ему как можно быстрее хотелось вернуться в свою комнату. К огромной куче выгруженных вещей он не добавил ни одну от себя, поскольку у него не было возможности

охотится за сокровищами. Он медленно развернулся от стола и ушел в сторону жилого корпуса. Томаса не стали задерживать, только проводили его пристальным взглядом. Все уже заметили, что его сумка была пуста. В головах мчалась мимолетная мысль, что этот солдат – бесполезен. Как бы грустно это не звучало, но для всех не существовало веских причин не захватывать ценные вещи с собой. Сайк сделал маленькую пометку в своей тетради, кто сколько хлама принёс с собой.

Сейчас, это был один из самых успешных дней для старика и, почти, всего убежища. Парни доставили много полезной провизии и материала. Только небольшие и незначительные по количеству части были спокойно отданы юношам на собственные нужды. Джейк взял себе длинный лист металла, который потом начал сравнивать со своим ножом. Ская же интересовало усовершенствование огнестрельного оружия. У старика, что следил за распределением ресурсов, был зоркий глаз. За долгие годы выполнения работы кладовщика, он научился определять на вид любой предмет, мог легко понять, где он будет более востребованным. Маленькие части металлических пластин с большой отдушиной уйдут на бронированные детали для жилетов новым хозяевам. Гайки, винты, консервы, отвёртки, бинты, легко найдут себе применение для кого угодно.

В голове Сайка крутилась только смутная мысль о Томасе, о юноше, что в последнее время был сам не свой. Старик, как и многие другие, интересовался тем, кто примет участие в «ночи продолжения». Он гордо и тоскливо, как суррогатный отец, следил за всеми юношами, за их взлётами и падениями. Он всегда был рядом, всегда поддерживал. Томас отказался от участия в долгожданном событии, а также оказался менее полезным при доставке ресурсов. Его точно спросят за всё, и Сайк просто не знал, как помочь ему. Какой совет стоит предоставить, где стоит его поддержать. Мысленно, он уже прощался с ним, и надеялся, что всё обойдётся.

Томас вернулся в свою комнату, там его ждал верный товарищ Адам, что, сидя на своей кровати, разглядывал собственный дробовик, сделанный из множества пластин, пружин, болтов и гаек. Парень поднял свой взгляд на вошедшего друга и доброжелательно поприветствовал его. Томас занял койку, вместо длительного разбора

принесённых из внешнего мира вещей, он быстро снял сумку, расстегнул жилет и положил своё оружие под спальное место.

- Как всё прошло? – решил поинтересоваться Адам. Для него была большая редкость, что Томас возвращается с пустыми руками.

- «Вторая восточная» потеряна…

- Мне это ни о чем не говорит.

Том поднял взгляд на своего друга, в его глазах читалась усталость и отчаяние.

- А мне говорит, – это означает, что мы ещё не способны вернуться на поверхность, – произнёс Томас наблюдая, как выражение на лице Адама никак не менялось, оно было такое же бледное и безжизненное.

- Мне это ни о чем не говорит… - повторил Адам, более напряженным голосом, чем ранее. Его будто обвиняли в чем-то, в чем он никак не мог быть повинен. Он почти никогда не интересовался жизнью других общин. – Ты же один из немногих, кто помнит, что было снаружи…

- Хуже. Я начинаю забывать о том, что было раньше. Вскоре старый мир и для меня станет лишь мифом. - Томас заразился тревожным настроением своего друга. Он пытался вспомнить старые светлые дни. Когда двенадцать лет назад, он ещё не знал о том, что будет жить в стенах подземного убежища, что будет чувствовать себя не в безопасности на солнечном свете и спокойным в непроглядной тьме, а также с опаской оглядываться, будучи в центре каменных улиц или внутри больших домов.

- Из тебя выйдет никудышный второй старик… - пробубнил Адам, будто пытаясь придумать что-то, что можно сказать своему другу, подбодрить его или оживить разговор. Он просто сказал то, что первым пришло ему на ум.

Томас вопросительно посмотрел на своего друга. Не так много людей пыталось узнать что-то подробное о жизни Сайка. Как самый старый житель убежища, он хранил в своей голове множество тайн и секретов. Главным же сокровищем в его банке памяти, были знания о прежнем мире. Больше всех он является их сторожем, держась за них, как за единственное, что у него осталось.

Многие молодые парни горели желанием, узнать что-то о «том самом» мире, где каждый жил как он хотел. Старик Сайк рассказывал

самые необычные истории, которые могли посещать молодых парней, только во снах. Но он говорил только о том, что было до заселения в бункер. События между этим и настоящим будто бы исчезли из его памяти. Сколько бы этим не интересовались, он вёл себя так, будто не знал, или просто боялся говорить. Томас слышал каждое слово, улавливал каждую брошенную мысль. Он представлял, как вскоре они вернут себе свободу, будут проводить огромные собрания людей и, пожалуй, самое желанное – освободить женщин. Только с каждым годом, количество интересующихся людей уменьшалось, а плохая память старика становилась всё сильнее. Вскоре уже никому не будет дела до того, что было раньше.

- Я третий в очереди, – раздался голос Адама. Он заметил, как его друг утонул в пучине мыслей, не улавливая ничего из реального мира.

Томас не дал ответ своему другу. Между юношами воцарилось неловкое молчание.

- Прости? – уточнил Томас, словно только сейчас до него дошли слова Адама.

- «Ночь продолжения». Я буду третьим, – повторил Адам, создав акцент на том, какой у него номер, и куда именно.

- Мне это ни о чём не говорит, - ехидно ответил Томас, пытаясь процитировать своего друга. Лёгкая шутка превратилась в обиду, и, юноша заметил, как Адам опечалился.

Томас отвернулся от друга. Перевернувшись на рваном матрасе, он уткнулся в голую стену.

Больше они ни о чём не стали разговаривать, когда хотели поделиться интересными мыслями. Их диалог закончился на загадочной неопределённости. Только можно было слышать, как Адам продолжал работать над своим новым ружьём. Свет в комнате погас и оставалась только слабая линия света, выходящего из коридора. Он достигал середины комнаты, растворяясь во всепоглощающей темноте.

В следующий день Томас просто убивал время прогулками по убежищу. Он наблюдал за тем, как тренировались остальные, проверял своё обмундирование и снаряжение, сам пытался что-то делать. Как-то его вызывали отцы Оскар и Николай. Когда один расспрашивал про вылазку во «Вторую восточную» и неблагоприятное пустое возвращение Томаса, второй напоминал о том, что у юноши всё ещё

есть возможность принять участие в ночи продолжения. Ответ оставался прежним: «нет».

- Жаль, Томас. В таком случае, мы закрепим положение Адама на твоём месте, - заключил отец Николай.

- Как вам угодно, отец.

Скука в стенах бункера продолжалась пару дней. Некоторые юноши уезжали во внешний мир: им доставались более опасные задания, нежели Томасу, Скаю и Джейку, и иногда с этих операций кто-то не возвращался домой. Томас радовался, что ему довелось участвовать на задании в «зелёной» зоне, хоть всё и могло окончиться более плачевно. С каждым следующим днём, обстановка в жилом блоке становилась более радостной. Участники «ночи продолжения» полным ходом готовились к предстоящему событию. Их азарт постепенно заражал и тех, кто не был причастен к будущему событию.

Настал день для «ночи продолжения». Адам уговорил Тома отправиться с ним в зал, понаблюдать за всем и развеяться. Всеми силами юноша пытался социализировать своего непутёвого друга, надеясь облегчить его ношу и успокоить мысли. В конечном итоге, после долгих просьб и уговоров, ему удалось.

Томас с приличным опозданием пришел в зал, как зритель он встал среди толпы зевак. Грязный пол аккуратно отмыли от толстого слоя пыли и песка, сделав небольшую бело-серую дорожку от большой железной двери с установленной рядом панелью доступа и до небольшого коридора с тесными и подготовленными ко всему комнатами.

Железная дверь в женский корпус открывается. Громкий скрип эхом проходит по помещению, отражаясь от стен и раздражая чувствительные барабанные перепонки. Сжавшись от неприятного звука, Томас пересилил раздражение и поднял взгляд. Впервые ему удалось увидеть тех, кого всеми силами охраняли его друзья и собратья.

По белой тропе ступали молодые девушки. Они были одеты в легкие платья, едва достающие до колен. Все они держали за руки будущих бойцов. Маленькие мальчики лет четырёх, едва ковыляя ногами шли бок о бок с теми, кто выводил их в новый и мрачный мир. Детей сразу же забирали отцы с местным врачом, – они будут заботиться о них целый год, чтобы подготовить к новой жизни.

От этого вида у Томаса перехватило дыхание. Не зря он отстранялся от наблюдения, тем более участия. Что именно заставило его ощущать себя иначе? Жалобный вид истощённых детей? Образ и походка девушек, словно существ пришедших из мира снов? Не представляя, на чём сконцентрировать внимание, Томас бешено пробегал глазами между всеми, пока в его животе начинал разгораться нервный огонь. «Еда сегодня была просто отвратительна».

Несмотря на избавление от тяжелой ноши, девушки с большим трудом продолжали свой путь. Среди них была одна самая необычная, на которую смотрело большинство присутствующих. Она шла третьей по счёту, и, когда вышла, у неё на руках лежало тело почти обессиленного мальчика, которого с трудом смог бережно взять на руки сам врач.

Томас не прекращал смотреть на эту девушку. Эти огромные глаза, полные непонимания и ужаса. Всем, кто впервые покинул женский корпус, представлялась ужасная правда об их ограниченной жизни и собственной слабости перед внешним миром. Третья девушка смотрела на всех с шоком, она шла взглядом сквозь ряды охранников и зевак. В какой-то момент, её и Томаса взгляды пересеклись. И вместо того, чтобы резко отвернуться прочь, точно раненные выстрелами, они вцепились друг в друга.

Вид той девушки спровоцировал что-то в Томе. Юношу моментально поразил удар в голову. Её белые волосы, испуганные глаза, осторожное лицо, глаза утреннего неба. Он ощущал, огонь перешел в грудь, подавляя возможность дышать. Всплыло старое, давно забытое чувство, словно что-то маленькое и беззащитное уткнулся в его плечо, сжимая крошечной рукой одежду вместе с кожей. Всё это приносило непривычную боль; сердце ныло. Его мощным ударом откинуло на много лет назад, в день, когда он пришел в бункер. Двенадцать лет назад он принёс кого-то к порогу. Оба они шли в свой новый дом. Но вскоре, их разъединили. Маленькое и беззащитное создание. Вечно плачущий комочек тоски и печали. Но она улыбалась! Улыбалась, когда рядом был Томас. И только тогда! Это была она. Та самая девочка, что плакала недалеко от тела своей матери и отца, когда мир, который знал Томас начал рушиться. Та самая девочка, что дала ему надежду на новую и счастливую жизнь. Та самая девочка, что разорвала его нутро и бросила в пучину страданий и самобичеваний,

когда бесследно исчезла за огромной железной дверью другого корпуса. Та самая... не та, что была раньше.

Вслед за ушедшим воспоминанием, закончился ряд марширующих девушек. Томас повернулся в сторону небольшой очереди тех, кто был готов вскоре начать «ночь продолжения». Быстрым взглядом он нашел среди них Адама. Стоя на своём законном третьем месте, он в предвкушении ожидал начала торжественного события.

- Адам! – Томас подбежал к своему другу. Вцепившись ногтями в его плечо, он начал трясти товарища.

Не многие и в очереди, и в толпе зевак заметили этот поступок, но они сразу отнеслись к этому отрицательно, поскольку в нём участвовал Том. Бóльшая часть, наблюдала вслед за ушедшими девушками или осматривала новоприбывших детей. Те, кто были рядом с Адамом, лишь нервно смотрели на своего коллегу и, на то, как к нему пристаёт один из бойцов. Большинство из них хорошо знали Томаса, знали его способности и отказы от участия в «ночи продолжения»; они легко могли подумать, что Том пытается отговорить своего друга или же занять его места от нестерпимого, но знакомого немногим ощущения.

- Что такое? – начал возмущаться Адам. Он был сильно удивлён и напуган поведением своего друга. Минимум что он от него ожидал, так это только моральная поддержка и присутствие среди общей толпы. Но текущие действия сильно меняли изначальный настрой Адама, который был выведен долгими упражнениями и тренировками.

- Это она. Я её увидел. Я её узнал. – Томас перешел на шепот, осознавая, как на него косо смотрели некоторые люди. Осторожно наклонившись к своему другу, он собирался продолжить свой разговор.

- Та, что была с тобой двенадцать лет назад? Ты уверен?

- Да… - прошептал Томас. Он поднял взгляд на своего друга, выискивая в его глазах поддержку или радость за товарища. Том нашел их, Адам легко улыбнулся счастью друга, и мысленно пожелал ему, чтобы он не терял голову и был спокоен. – Она третья…

Услышав слова Тома, легкая улыбка исчезла с лица Адама. Он осмотрелся вокруг, окинул взглядом толпу, охрану, других молодых юношей и коридор, куда ушли девушки. Он был рад за своего друга и одновременно напуган тем, что тот может попросить у него. Он молча

уставился на Томаса, его дыхание участилось, каждая новая секунда давалась с тяжелой мукой ожидания неизбежной просьбы. Адам не мог уступить, он слишком долго этого ждал, он уже получил подарок судьбы, когда Том отказался от своего места. Ещё сильнее его мучило именно ожидание просьбы Томаса, его мольбы о том, чтобы Адам уступил. Но после этого родится проблема, и далеко не одна. Юноша знал, что его друг ничего не сможет поделать с этой девушкой, не сможет ей помочь или поддержать, это полностью было запрещено правилами. А если он и надеется на маленькую встречу, то будет мучатся после её окончания. Если через год девушка вернётся в «ночь продолжения», Томас ничего не сможет поделать, чтобы снова встретить её. Она будет с другим, и Тома убьёт его бессилие.

- Я не могу… - сказал Адам, в то же мгновение как увидел, что Том открывал рот. – Прости меня. Я не могу отказаться. Уже поздно.

- Адам… - На лице Томаса отразилась вся боль от удара, нанесённого лучшим другом. - Просто, хотя бы узнай у неё, помнит ли она меня? Узнай, как её дела, как живёт, пожалуйста.

Адам лишь безмолвно кивнул своему другу. Всех собравшихся отвлёк от их мыслей сигнал. Прозвучал громкий свист о подготовке к началу. Человек что вышел из коридора комнат для «ночи продолжения», оглядел всю толпу зевак и юношей. Губами он сжимал свисток, который издал второй мощный свист, что пронёсся по всему залу и за его пределами. Первый свист – подготовка, второй – начало. Зевакам незачем было оставаться дальше на своих местах. Им даже было более желательно покинуть пределы зала. Никто не знал, как они могут отреагировать на уходящих в своё убежище девушек, на звуки, что будут слышны на небольшом расстоянии от общей процессии. Ведь их фавориток они не увидят почти целый год, но и другие могли стать желанной добычей. Возникали моменты, когда кто-то со звериным рвением мчался к девушкам, из-за чего, были плачевные ситуации.

Томас хотел всеми силами встретиться с той девушкой лицом к лицу, увидеть её поближе, поговорить с ней. Хотя, даже пытаясь вспомнить её имя, у него ничего не вышло. С этой мыслью пришло понимание, что при ней он и слово сказать не сможет. Разум твердил ему, что он может ошибаться на её счёт, но сердце, говорило иначе. Не многие люди могли бы ему помочь в этом деле: охранники, врач или

отцы. Третьи никак не смогут помочь юноше в этом, они будут против, и, могут даже разозлиться. Будут считать эти просьбы неправильными и некомпетентными. Первые вели себя послушно, выполняли любые указания свыше в идеальном исполнении. Если они, как всегда, получили распоряжение о предотвращении проникновения на закрытую территорию, то они никого не пропустят, не смотря на его статус и важность, если только на этот случай не будет нового распоряжения. Второй мог дать совет, но не более, у него не было власти что-то решать. В этой сфере он был самым бесполезным.

Томас был вынужден со всеми зеваками покинуть зал. Наблюдая через плечо, он видел Адама, что в совокупности с остальными членами процессии подходили к охранникам за инструкцией. «Пожалуйста» - подумал про себя юноша, обращаясь к своему другу.

Привычная грязная комната. Знакомый, слабый запах пота и сырости. Томас сидел совершенно один. Он и раньше оставался один в комнате, только этот раз, сильно отличался. Юноша знал, где находится его друг, и продолжал сильно нервничать. На него нахлынули старые воспоминания, когда он только пришел в убежище. Были пробелы и некоторые временные промежутки никак не всплывали перед глазами. Среди них были и странные события, которые произошли через полтора года жизни в бункере. После чего, жизнь всего убежища сильно изменилась. Несмотря на то, что все или забыли, или скрывают свою осведомлённость, оставался только один человек, что мог быть открытым и полным информации, как губка – Сайк.

Поднявшись с шаткой койки, молодой человек отправился к архиву знаний, банку памяти, в ангар к старику. С прошедшими днями ситуация никак не изменилась. В большом помещении было множество людей, что быстро пытались успевать закончить свои дела. Они выполняли работу качественно, как только могли. Один из бронетранспортёров отсутствовал – кто-то отправился на задание. В углу ангара сидел седой Сайк, он перебирал различные доставленные ему детали и запчасти.

- Привет, Сайк, – сказал Томас, подойдя к старику.

- Ах, Том! Рад видеть тебя. Тебя нет в списке на следующую вылазку. У тебя какое-то особое поручение? – Старик быстро осмотрел

всё помещения, вглядываясь в знакомые тёмные углы, где могли находиться те, кто желает остаться незамеченным.

- Сайк, я бы хотел поговорить о начале жизни в убежище, и о том, что было через полтора года после заселения.

Услышав эти слова, старик слегка нахмурился. Он уставился своим прозрачным и старческим взглядом, прямо на стоящего напротив него юношу. Некоторая информация доходила до него долго, медленно обрабатывались в старой и тугой голове. Простояв в хмуром виде около полминуты, седые брови старика поднялись вверх чуть ли не до самой макушки, глаза расширились, было ощущение, будто Томас заметил, как по телу старика пробежались мурашки.

Поманив пальцем юношу за собой, старик начал уходить за пределы маленького закрытого стола. Он развернулся в сторону и отодвинув чёрную и пыльную штору, потом прошел через образовавшийся проход. Томас последовал за Сайком. Тёмная ткань разделяла грязный и дурно пахнущий ангар от маленького и полутёмного помещения, с лёгким запахом воска. Старик сел на чёрный, почти незаметный во тьме стул. Повернувшись к своему гостю, он бегло осмотрел его.

- Надо держать эти мысли в секрете. Ты же понимаешь, что не все хотят распространятся на тему старого общества?

- Не совсем тебя понимаю, Сайк… - Иногда старика действительно невозможно было понять за его непонятной речью.

Сайк наклонился поближе к юноше, выждав паузу, прислушиваясь к посторонним звукам и, не заметив ничего подозрительного, продолжил говорить.

- Совет боится возвращения старого устоя. Тогда у них будет ни сил, ни власти. Они хорошо помнят, как в самом начале перемен люди послушно разделились на противоборствующие стороны, и что это повлекло за собой. Пока, всех не угомонили их новые цепные псы. – Сайк говорил полушепотом. Из-за сильной шепелявости и отсутствие некоторых зубов, он настолько плохо выговаривал некоторые буквы и коверкал слова, что Томасу приходилось максимально сосредоточиться, чтобы понять старика. – Не всё было так же, как и сейчас. Когда сюда пришли люди, мы жили дружно целый год бок о бок, как настоящие, цивилизованные люди.

Старик остановился. Его старым, но чувствительным ухом был уловлен посторонний шум. Что-то или кто-то ударил куском железа о край стола распределения ресурсов. Никаких новых звуков не последовало и Сайк решил не медлить в действиях. Приняв быстрое решение, он достал из-под подушки в глубине своей каморки маленькую тетрадку, завернутую в тёмную ткань. Протянув её сидящему напротив юноше, он быстро поднялся и вышел из каморки. Старик стоял наполовину скрытым в родном помещении, где, судя по интерьеру - спал и отдыхал. Жестом жилистой руки, он дал понять Томасу, чтобы тот не двигался.

- Да, да. Вскоре я дам весь лом парням. У меня идёт последняя сортировка. – За шторой раздался шорох. Сайк сделал правой рукой некие быстрые жесты в сторону. Послышались отдаляющиеся шаги. Старик продолжал смотреть вдаль выжидая, когда его собеседник удалиться на достаточное расстояние.

- Быстро уходи! Есть люди, которые не должны тебя видеть со мной. – Старик развернулся к Томасу и взял его за руку. Резким движение он потянул юношу на себя.

Покинув тёмную кладовку, Том вернулся в ангар. Странное поведение старика сильно напугало его. Подхватив лёгкую панику, Томас осмотрелся. Никто из находящихся в большом помещении людей, не обращали на него внимания, даже не смотрели в его сторону. Тома будто не существовало. Маленькая тетрадь, подаренная крайне странным стариком, находилась под легкой футболкой юноши, она была странно липкой и цеплялась к коже на животе.

В этот новый, неловкий момент, старая и привычная комната Томаса стала более уязвимой и неприятной. Она была недостаточно светлой, чтобы хоть что-то разглядеть на порванных страницах. Её расположение было почти в самом центре оживлённого коридора, где каждую минуту мог пройти любой человек; будь то обычный мальчишка, что даже в руках никогда не держал оружие или кто-то из вышестоящих, будь там один из отцов или Нейт. Любой, кто увидел бы в руках Томаса книгу или что-то, что походит на неё, незамедлительно бы начал приставать с лишними вопросами. Среди почти семидесяти мужчин в убежище, только два имели при себе книги. Поэтому, такое событие обязательно привлекало внимание и поднималось на всеобщее обсуждение. Томас бы относился к этому более спокойно,

если бы только страх самого Сайка не рождал ещё большее опасение в разуме юноши.

Первые страницы дневника старика не давали никакой важной информации о жизни в убежище. Несмотря на слабую значимость в данный момент, они помогли вспомнить мир, старый и забытый. Томас пропускал по одной странице, по две, три. Началась жизнь в убежище. Старик описывал, как ему нравятся новые условия, как он чувствует себя в безопасности. Также были общие размышления и догадки о ситуации на поверхности.

Мутные воспоминания более чем десятилетней давности начали проясняться. Текст дневника создавал яркую живую картину в голове Тома. В самом начале нового этапа жизни, люди воспринимали перемены позитивно и были готовы к возможным трудностям. Сайк описывал, как человеческая твердость духа и решительность даёт ему надежду на возвращение во внешний мир, на восстановление самого мира. Мужчины и женщины жили на равных условиях, они радовались, грустили, обдумывали будущее, принимали равномерное участие в развитии внутренней структуры управления и порядка. За пару месяцев был внесён огромный вклад в изменение старого бункера.

Такая радужная жизнь царила целый год. Вскоре, начали появляться первые опасения: страх перед окончанием продовольствия и дальнейшим голодом; страх того, что все они являются последними людьми на планете. Среди них нашлись те, что решили взять судьбу всего человечества в свои руки. Именно в этой небольшой толпе был сам Сайк. Первоначальная задумка была в том, чтобы создать определённую сферу управления, где все будут трудиться во имя людей, исчезнет страх перед поверхностью, начнётся медленное расширение базы за пределы каменных стен и железных дверей. Военные опасались того, что гражданские погубят всех, и начали медленно захватывать всю свободную провизию, пытаясь контролировать гражданских. Сразу после этого началась жесткая диктатура, в которой приёмы пищи сократились в два-три раза. Солдаты боялись покинуть безопасное место и не желали отдавать власть гражданским. Вместо того, чтобы связаться с начальством, что у них не получалось, они принялись выжидать дальнейших распоряжений.

Сайк описывал некоторые дни подробным пересказом всех планов и мыслей. Сутки пролетали парой предложений, где-то были небольшие паузы. Следующая запись была сделана только через два месяца, где будущий старик сожалел о своём поступке. Он начал активно ненавидеть всех, кого раньше считал товарищами и единомышленниками, рядом с которыми он стоял ради одной цели. Все свои агрессивные и трагичные мысли он проецировал в дневнике. В ходе массивного переворота, на их сторону встала почти половина остальных жителей. Но бескровный переворот остался только в мечтах.

В начале, военные мирно отгоняли всех и заняли оборонительные позиции, отрезали людей от запасов продовольствия. Из-за голода полетели первые капли крови. Одна смерть, ещё две, десяток. Две трети военных были убиты, остальные – изолированы в дальних отсеках убежища, три десятка гражданских погибли или серьёзно пострадали. Когда окончательный переворот был закончен, к власти начали двигаться лидеры сопротивления. Завладев уважением со стороны друзей и противников бывшего режима, они начали строить свой «идеальный» режим. Всех женщин собрали вместе. В целях безопасности их перевели в закрытый корпус, мужчины остались на старом месте. Происходили небольшие изменения, создавались инструкции и правила, которые уже сейчас, являются общепринятыми. Сайк писал, что ещё до изоляции женщин, уже была решена их будущая жизнь, цель и обязанности. Автор был против новых изменений. Он открыто выступал против своих друзей, пытался уговорить новую власть вернуть всё назад, в итоге, в целях наказания, Сайк был избит, из-за чего лишился нескольких зубов. Дальнейшие попытки вернуть всё назад были безуспешны. Каждая следующая запись в дневнике была всё более отчаянной и депрессивной.

Периодически со стороны коридора разносились различные шумы, которые демонстрировали оживлённость данного прохода. Каждый новый шум Томас воспринимал как нечто враждебное. Несмотря на то, был ли шум близок, или еле звучал где-то издалека, каждый раз юноша прятал дневник в тени. После нескольких секунд непрерывного ожидания иных шумов, Том возвращался к чтению. Дневник закончился записью, которая, согласно своему описанию, была более восьми лет назад. Ранние попытки автора указывать числа

начинали терять смысл и связь с реальностью. Дальше рукопись Сайка несла характер заметок, нежели первоначального дневника. Он мог записать небольшие дела на завтра, но следующей записью через полтора-два месяца он писал, как только что их закончил. В самой последней записи он отправлялся во внешний мир. После этого ничего не было описано. С того момента Сайк умер для дневника, умерла и его память.

Обращение в прошлое закончилось. Томаса окутала огромная волна сомнительных мыслей и страха. Юноша ещё больше начал боятся отцов и обычных людей, которых он всегда считал друзьями. «Насколько крепкая хватка у них?», «Когда людям не понравится текущие правила?», «Где сейчас бывшие солдаты?», «Почему всё это так сильно скрывают?». Различные мысли не давали Томасу покоя. Началась паранойя, что он начнёт видеть врагов в каждом знакомом лице, начнётся недоверие, замкнутость, и вот, он станет новым Сайком. Юноша знал, что в отличии от него, старик полезен и его не бросят на произвол судьбы. Вопрос о необходимости участвовать в «ночи продолжения» встал так остро, как никогда раньше. Теперь это не какая-то обязанность каждого мужчины, а настоящая гонка на выживание.

С помутнённым рассудком, юноша спрятал дневник Сайка под свою подушку. Он получил важные ответы на некоторые свои вопросы, но до сих пор не знал, что с ними делать. Старик на протяжении многих лет умело хранил свою книгу, никто даже и не думал о том, что стоит наведаться в его тёмное логово. Томас же сильно сомневался в своих способностях совершить аналогичный поступок. Он уже жаждал вернуть злосчастный дневник хозяину, чтобы сбросить с себя эту тяжёлую ношу. Уже несколько минут, Том оставался на своей койке как неподвижная статуя, утопая в бесконечном океане мыслей. Сквозь страх и отчаяние, пролетал лёгкий, милый и невинный лик той самой девушки, что Томас видел в зале. Это была та самая девушка. Он не сомневался в этом. Его сердце подсказывало, что это правда.

Резко в коридоре началось волнение и по звукам оно началось со стороны зала. Постепенно звук становился всё громче и громче. Чем он был ближе, тем чётче можно было разобрать происходящее за пределами комнаты. Голоса людей, топот ног… пять человек быстро

перебирали ногами. В палату зашел Адам, на несколько часов обогнав любого другого участника «ночи продолжения». В сопровождении с ним был врач, охранник и пара зевак. Лицо юноши вместе с его майкой были окровавлены. Он слегка качал головой и с трудом твёрдо стоял на ногах. Взгляд его был мутным и болезненным. А самое страшное, что на половине его лица образовались четыре глубоких кровоточащих пореза.

Глава 4. Инстинкт

Море голодных глаз, почти пол сотни. Все они странно смотрят на Лию. В этих глазах читается неизвестное для девушки желание толпы: непонятное и пугающее, овладевшее сознанием всех зевак, неподвластное её пониманию. Девушка отдала мальчика что принесла с собой в этот новый и чуждый мир. Вначале она испытывала сильное волнение, но в тот момент, как её ноги охватил прохладный воздух, и она начала ступать по ледяному полу. Когда на неё смотрела целая орда незнакомых мужчин своими нечеловеческими глазами, она начала по-настоящему боятся. Этот страх разрывал её сердце. Лия почти не могла нормально дышать, находясь в этом зале. Воздух в нем был обжигающе спёртым. Словно воздуха, как такового, и не существовало, только маленькие частицы чего-то инородного.

Чувства Лии были неописуемы даже для неё самой, она оказалась в настолько новом и враждебном мире, что просто не могла совладать с собой. Впереди шли её знакомые, и их невозмутимость поддерживала девушку в здравом рассудке. Несколько раз, она останавливалась на небольшой белой тропинке, что ввела куда-то в далёкий, зловонный и пустой коридор, но каждый раз, сзади её подталкивали остальные участницы шествия. Их лица были более спокойные: на них читалось безразличие. Будто куклы, они продолжали свой путь несмотря ни на что. Лия осталась одна, единственно здраво-живая в этом мире ужаса.

Десятки царапин на стенах и их общий облезший вид многое говорил о том, через что ему пришлось пройти за свою долгую службу. Это длинный коридор напоминал те, что были в родном корпусе девушек, но в отличии от тёплого и светлого дома, здесь виднелась сплошная серость. В углах был заметен зеленый пух неизвестного происхождения, загадочные тёмные полосы застыли на некрасивых стенах и тянулись с потолка вниз. Вдоль всей правой стены располагались почти такие же двери, что и дома. Смотря на небольшое различие в цвете, возникало сильное ощущение, будто эти двери очень хрупкие, слово сделанные из бумаги. Шествие продолжало свой путь.

Первая девушка, что была уже многолетней матерью остановилась у самой дальней двери, вторая последовала её примеру, но встала ближе к Лии. Сама же Лия поняла эту лёгкую схему и остановилась у третьей двери. Её примеру последовали остальные девушки. После окончания столь неясного действия, Лия начала ощущать некую неприветливую загадочность со стороны стоящего перед ней входа. Страх начал расти, ноги тряслись, в горле пересохло… Что-то было за этой дверью, что-то неуловимое ни одним из человеческих чувств. Некая суть или эмоция пропитала собою всё помещение. Его загадочный смрад ощущался самим подсознанием. Сильнее всего, он проник в голову Лии, начал множится и поглощать её словно поздний и короткий сон.

- Заходите! – раздался голос справа. Такой громкий, грубый и незнакомый. Он звучал словно крик, высокий, как скрип дверных петель, враждебный и неприятный. Как свет от ламп, он прошелся по стенам, достигая конца коридора. Это эхо пело вместе с источником голоса, повторяя властную команду.

За зловещей дверью находилась комната, к чему изначально и была готова Лия. Маленькое помещение в пару квадратных метров являлось аналогом спальни. Девушка не смогла бы даже и близко назвать это помещение спальней. Из всех возможных видов мебели, что можно было-бы установить в комнате, была только кровать. Тяжелая на вид конструкция из поставленных рядом друг с другом каменных блоков и досок. Всю эту гору хлама украшало только покрывало, сделанное из нескольких слоёв ткани и ошметок чей-то мягкой шкуры. В одном месте слабо наблюдалось высохшее чёрное пятно. Оно было настолько блеклым, что казалось, будто бы появилось, пропитавшись через все слои ткани.

Сзади из коридора раздался громкий писк, словно грудной ребёнок начал плакать от голода, взывая к материнской груди и ласке. В отличии от привычных звуков плача маленьких детей, этот звук быстро исчез. После него, всё вокруг снова ушло в пустую тишину.

Лия осторожно села на край кровати. Прикосновение к ткани вызывало только новый наплыв плохих мыслей. Вся поверхность под ней, которая должна была служить чтобы сделать мебель мягче, казалась нереалистично твёрдой и неприятной. Будто под ней лежало большое количество столовых приборов и твёрдых детских игрушек.

Комната была полутёмной. Единственный источник света, в виде маленьких и медленно потухавших ламп красного цвета на длинной верёвке, создавал мрачны тени в углах комнаты. Девушка начала вспоминать старые кошмары, что мучили её в возрасте шести лет. Это были единственные воспоминания из её далёкого детства. Помимо этих самых мыслей, до девяти лет, её сопровождали непрекращающиеся потоки ночных кошмаров.

Писк из коридора повторился, такой же неприятный, как и в первый раз. Через несколько секунд со стороны начала коридора стали разноситься звуки грубой и тяжелой ходьбы по полу. Два из них прошли дальше, один остановился совсем рядом. Кто-то подошел к двери спальни, оставаясь на месте и ожидая чего-то. Девушка начала нервничать, ведь чем дальше заходила процессия «ночи продолжения», тем сильнее она себя чувствовала напуганной и брошенной. Небольшая потеря концентрации, и Лия забыла всё, чего хотела достичь. В голове всплыло лицо Дарьи. Лицо девочки, что не сможет за себя постоять, совершенно одинокая и беззащитная. Лия не должна быть матерью ради неё, её защиты и дальнейшего благополучия. Пытаясь собраться с силами, девушка сжала свои кулаки, приготовившись к чему угодно.

Другие комнаты начали открываться. Это было хорошо слышно через тонкие стены, сделанный будто из бумаги. Слева, справа, комнаты отворялись снова и снова, закрывая вход в комнаты и запирая внутри тех, кто оказался там ранее. Человек, стоящий перед комнатой Лии не спешил. Он мешкал, нервничал и был напуган. Послышался скребущий звук по двери, будто кто-то трогает её рукой, водит по дереву вверх-вниз, гладит, словно голову послушного ребёнка.

Дверь медленно начала открываться. За ней показались рука, плечо, голова с туловищем и ногами. В дверном проёме стоял молодой парень. На вид он почти никак не отличался от любой девушки-одногодки Лии. В отличии от других мужчин, что она смогла увидеть в толпе большой комнаты, этот выглядел более светлым, щуплым и отличался гладкой кожей на лице; он мог похвастаться лёгкими чертами лица, губ, скул и разрезом глаз. Он почти был похож на девушку, даже несмотря на то, что у него были короткие волосы. Войдя внутрь комнаты, он сразу же дал понять, что он не один из девушек. От него сильно несло неким неприятным запахом, едким и

тошнотворным. Юноша сильно нервничал, на его одежде были заметны мокрые пятна в районе подмышек и шеи.

Адам дышал очень тяжело. Его дыхание даже заглушило треск мерцающих лампочек. Он подходил ближе к кровати и каждый шаг эхом разносился по комнате. Он казался оглушительно громким, настолько, что от него начала болеть голова. Закончив сокращать дистанцию, он своим взглядом сверху вниз сверлил девушку насквозь. Она ощутила на себе обильную гамму неприятных и весьма ощутимых эмоций, таких как страх, сомнение и неприязнь. Каждая мысль читалась за остекленевшими и большими глазами. Они оба были почти одинакового роста, но в положении сидя она выглядела маленькой, и эта иллюзия казалась реальной.

- Ты… ложись, – сказал сквозь зубы юноша. Он говорил с большими паузами, нервно заглатывая каждое слово как ребёнок, отчитывающийся перед суровой матерью.

- Я не… - Лия начала говорить, надеясь подробно объяснить стоящему напротив мужчине всё, чего она хочет добиться. Несмотря на резкий контраст жизни мужчин и женщин, в который она была выброшена вместе с остальными девушками, она надеялась, что сможет объяснить свою мысль и добиться компромисса.

Она остановилась в самом начале фразы, – её перебил нервный звук того, как Адам пытается расстегнуть свой ремень, освобождая плотно сидящие брюки. Он всё ковырялся и ковырялся в пряжке, безжалостно при этом подёргивая язычок, доводя весь процесс до нелепого абсурда.

- Постой, я хочу поговорить. – Лия попыталась остановить юношу. Она взялась рукой за его запястье, надеясь прервать театральную нелепость.

- Раздевайся! – Юноша толкнул девушку на постель. Он проговорил своё слово, сочетая в нём дрожь и звук нервного глотка излишне выработанных слюней.

Лия упала. Она полностью лежала на грубой кровати. Слегка ударившись головой, она начала боятся ещё сильнее; пришло осознание того, что вошедший человек не намерен вести диалог. Он хочет только одного, и пытаясь этого добиться, не прекращает возиться с поясным ремнём.

Не дождавшись логического окончания трудоёмкой подготовки, юноша кинулся к распластавшейся на кровати девушке. Заметив данный ход, Лия увернулась от прыгающего Адама. Она перекатилась в бок и рухнула с кровати на пол. Адам же ударился лбом о изголовье любовного ложа. Вместе с грубым падением, по всей комнате пролетел глухой звук удара. Он начал подниматься, его лоб покраснел, а на лице было выражение недовольства. Но он решил не отступать от своего замысла.

Лия начала подниматься. Подняв свой взгляд с каменного пола, она обнаружила, как агрессивно настроенный Адам смотрел на неё с презрением и ненавистью, возвышаясь на несколько голов словно взрослый над ребёнком. Он, пригнувшись, крепко вцепился руками в одежду девушки и начал тянуть на себя. Лия понимала, что, если она будет сопротивляться, то её лёгкое и хрупкое платье начнёт рваться, и она останется нагой и беззащитной. Возможно, именно этого и хотел бы юноша. Пришлось действовать быстро, адаптироваться под ситуацию. Единственное что пришло ей на ум – ударить ладонью по щеке, также, как бьёт непослушного ребёнка мать, пытаясь успокоить того и отвлечь от дурных мыслей.

Удар был произведён вслепую. Отсутствие опыта в пощёчинах сказалось на том, что девушка, не рассчитав силы всадила свои ногти в лицо Адама. Инстинктивно юноша оттолкнул её, когда начал испытывать боль, принесённую объектом сильного вожделения. Совокупность их действий привело к тому, что от резкого толчка ногти прошлись по щеке юноши, разрезая плоть и обнажая мясо. Ноготь безымянного пальца остался на лице.

Лия снова очутилась на полу. Холодный, твёрдый и грязный, но такой знакомый. Девушка начала подниматься на ноги. Она постепенно стала понимать плачевность своего положения: она никак не способна противостоять представителю противоположного пола. Она заметила, как такой на вид слабый и хрупкий юноша, мог на самом деле оказаться очень сильным. Страх начал пожирать её, как начали бы питаться вечно голодные мальчики, что покинули материнский корпус. Юноша встал колом. С его лица исчез весь азарт их прелюдии. Адам не до конца осознал, что произошло. Параллельно всем действиям, с его свежей раны стекала кровь, медленно пачкая серую майку. Прикрыв рукой щеку, он в панике покинул комнату,

полностью позабыв о девушке и своей обязанности. Лия осталась снова одна.

Девушка начала ощущать боль от вырванного ногтя только тогда, когда смогла успокоиться и осознать, что в данный момент находится в частичной безопасности. Маленькими каплями кровь падала на пол, сливаясь с множеством других высохших багряных пятен. Оставаться дальше в таком ужасном месте Лия никак не хотела. Она направилась к закрытой двери, в надежде как можно скорее вернуться в родную и тёплую комнату.

- Вернись назад! – раздался крик мужчины, что стоял в коридоре со стороны большого зала. Он со злостью смотрел на девушку. От него так бурно струилась агрессия, что, Лия испуганно вернулась обратно в обитель ужаса. На большее она уже не была способна, ей оставалось только ждать.

Время тянулось крайне медленно, и, Лия не знала, чем себя занять. Оторвав часть слегка чистой ткани, она обвязала свой больной палец, который в скором времени пропитает кровью повязку. Царящий вокруг смрад мешал думать и все силы уходили только на то, чтобы не замечать окружающее зловоние. Уши начали улавливать звуки, исходящие из других комнат. Достаточно тонкие стены позволяли пройти звуку практически напрямую из комнаты в комнату. Девушка улавливала странные звуки, слабые вдохи и выдохи, стоны, всхлипы и плач. Лия начала жалеть девушек, что пришли с ней в это ужасное место. Она хотела бы ворваться в другие комнаты, толкнуть находящегося там мужчину, прекратить весь происходящий там кошмар, но она боялась, всего. Она боялась всех.

Почти через двадцать минут начали разноситься новые звуки. Тяжёлые шаги, и даже целой группы. Толпа приближалась к двери в комнату с Лией. Сопутствующее эхо, исходящее от походки гостей, демонстрировало их уверенность. Дверь в комнату открылась. На пороге стоял странный неизвестный мужчина в бело-сером халате. Желтоволосый, в маленьких и разбитых очках, которые слегка прикрывали синяки под глазами, демонстрировали его усталость и безразличие. За спиной вошедшего, стояло трое людей, они были более крупными и более злыми. В руках они держали странные предметы похожие на прилипшие друг к другу столовые приборы. От

них веяло опасностью. Охранники держали их так крепко, будто так они выглядели очень важными.

- Почему вы сопротивляетесь? – спросил у Лии человек в бело-сером. – Как же ваши обязанности?

- Я не могу стать матерью, от этого зависит жизнь моей подруги. – Девушка бодро ответила, воодушевившись тем, что нашелся кто-то, кто способен вести диалог с ней. Врач не набросился с порога на девушку, а стал говорить спокойно и учтиво. Он выглядел дружелюбно.

- Вы вскоре вернётесь к себе и с вашей подругой ничего не случиться. Позвольте случиться тому, чему суждено случиться здесь и сейчас.

- Вы не понимаете, мне нельзя…

- Это ты не понимаешь. Ты обязана *это* сделать. Хочешь ты того или нет, мы тебя заставим, и *это* обязательно произойдёт. – Мужчина перебил Лию, изменив форму обращения к девушке. Он продемонстрировал свой настрой и нежелание вести переговоры. Убрав руку в карман, он сильно напрягся.

- Нет… - тихо произнесла Лия, она всё сильнее осознавала свою беспомощность в новом мире.

- К сожалению, у меня нет выбора... – Человек в бело-сером халате достал из кармана стеклянный шприц с прозрачной жидкостью внутри. – Держите её!

Двое мужчин крупного телосложения перешли через дверной проём и вошли в комнату. Обойдя кровать с разных сторон, они крепко вцепились в руки и ноги Лии, не позволяя ей двигаться. Девушка начала сопротивляться так сильно, как только могла. Крепкая хватка становилась жёстче, образовывая синяки на мягкой коже. Лия начала извиваться и кричать, никто не мог ей помочь, никто и не хотел. Она постепенно начала глохнуть от собственного вопля, что, отражаясь от стен, становился только громче. Мужчины, что крепко держали беззащитную девушку выглядели довольными, ведь они получали удовольствие от своей работы. Эти верзилы явно вошли в азарт.

Человек в бело-сером одеянии подошел ближе. Нацелившись иглой шприца в руку Лии, он вонзил его. Медленно надавливая на поршень, он впрыснул жидкость. Врач внимательно осмотрел свою пациентку и начал отходить назад. Он встал у двери и смотрел на

завершение своей работы. Третья же фигура, что явилась вместе с врачом, не входила в комнату, – она оставалась в пределах коридора, и, с довольным выражением лица, следила за происходящим.

- Продолжайте держать её, пока не успокоится, – приказал мужчина в бело-сером, продолжая наблюдать за состоянием девушки.

Лия начала ощущать на себе странные последствия после действий незнакомого мужчины. Всё тело начало неметь. Появилась резкая усталость, зрение мутнело, голова кружилась. Былая агрессия в попытке вырваться улетучилась. Лия будто быстро погружалась в глубокий сон, при этом оставаясь по-прежнему бодрой. Тело почти не слушалось её, любая попытка действовать выходила крайне нелепой и медлительной. Двое держащих её мужчин отошли в сторону, обнаружив отсутствие в сопротивлении. Человек в бело-сером халате тихо выдохнул и удалился в коридор. Все начали покидать комнату, а Лия осталась в ней одна. Она надеялась, что этим всё и закончится, и, что её просто вернут обратно домой. Она испытывала чувство опасности даже в одиночестве.

В комнате послышалось хриплое дыхание. Закрылась хрупкая дверь, и затем прозвучала тяжелая поступь ног к твёрдой кровати. Лия попыталась поднять свою голову, но мышцы с большим трудом выполняли свои функции. Она увидела молодого юношу, что ранее стоял в коридоре. Он остановился у кровати, смотря в глаза девушки с загадочным предвкушением своей победы. Его лицо озарялось улыбкой, которая отвратительно растянулась вширь. Заметив, что привлёк внимание, он облизнул губы. Сердце начало биться быстрее, было ощущение, будто кровь в теле кипит, как на раскалённой плите. Лия пыталась что-то сказать, но из рта вырывался лишь почти беззвучный хрип, растворяющийся в сырой комнате.

Встав одним коленом на край кровати, юноша наклонился к девушке. Возвышаясь над беспомощным человеком, он получал большое удовольствие от происходящего. В его глазах Лия видела себя, и своё испуганное лицо. Лицо жертвы. Она будто смотрела в зеркало из тёмной комнаты. Вокруг была только тьма, а в центре она одна, в окружении незримых опасностей.

Нависший над беззащитной девушкой юноша начал наклонятся всё ближе и ближе к её лицу. Медленно его голова принялась менять курс и скрылась за левой щекой. Лию охватил новый поток страха. Она

никак не могла понять зачем кому-то наклоняться к ней так близко. Ответом ей было ощущение тёплого и мокрого языка, прошедшего по мочке уха. Это было так резко и отвратительно, что девушка ненамеренно взвизгнула. Мокрый холод начал распространяться по щеке. Юноша довольно захихикал. Поднявшись над девушкой, он продолжал смотреть в эти просящие о помощи глаза, с хищной улыбкой на всё лицо.

Лия впала в отчаяние. Она не знала, как ей поступить. Её тяжёлый путь ради подруги окончится здесь, где она никак не сможет противостоять злому року. Слёзы накатывались на глаза и моментально стекали вниз. Её опьянило собственное желание исчезнуть из этого мира, навсегда забыться, перестать быть собой, превратится в бездушную куклу, лишь бы не быть здесь, в этом страшном месте с этим человеком.

Юноша начал наклоняться в другую сторону от девушки. Почти машинально Лия вытянула свою голову вверх. Ей ничего не оставалось. Время для интеллектуальной беседы окончено, никто не шёл и никогда бы не пошел на переговоры с ней. Разум юной девушки поддался к самым старым знаниям и привычкам, к природным инстинктам. Открыв рот, она вцепилась зубами в нос юноши так, что его половина оказалось зажатой в крепкой хватке. От такого неожиданного нападения жертва начала кричать больше от удивления, нежели от боли. Чем сильнее он пытался отодвинуть от себя нападавшую, тем плотнее сжималась её челюсть, разрывая кожу на носу.

Терпение молодого человека закончилось. В гневном порыве освободившись от своих оков, он вслепую нанёс удар кулаком туда, где надеялся добиться максимального. Сжатый кулак соприкоснулся с лицом Лии. Юноша ударил чуть ниже глаза, из-за чего девушка оторопела и упала в направлении удара. Вместе с ней отлетел и кусок откушенного носа.

По всей комнате, и далеко за её пределами, разнёсся резкий крик боли. Он больше походил на вопль умирающего животного. Переполненный отчаяния и заразный своими звуками, этот крик не мог оставить никого равнодушным. Юноша молниеносно вскочил на ноги, и, нащупав свежую рану, поспешно удалился, громко хлопнув дверью. Его крик был слышен даже тогда, когда он издавал его будто

бы за огромное количество комнат от Лии. Девушка начала успокаиваться, а чувство боли придавало ей желанного спокойствия. Она одиноко лежала на враждебной территории, а в нескольких сантиметрах от неё лежал кончик носа её неприятеля. Всё лицо болело. Тело не слушалось, но она начала чувствовать себя чуточку спокойней.

Окружающая обстановка казалось настолько безопасной и умиротворяющей, что под действием таинственного укола, девушка начала впадать в сон. Кровать, на которой она лежала, постепенно становилась необычайно мягкой, даже мягче той, что была в родной комнате, в которой Лия спала сколько себя помнит. Каждый раз, когда она смыкала глаза, комната становилась всё темнее и темнее, несмотря на то что лампа освещала с той же силой, что и раньше. В какой-то момент, девушка не смогла открыть глаза. Она впала в глубокий, оздоровительный сон, в котором ей нужно было отдохнуть и восстановить силы.

Никакого сновидения не было, девушка, будто просто моргнула на мгновение, которое на самом деле длилось не одну минуту. Она чувствовала себя всё также беззащитной, но слегка отдохнувшей. Оттого что во сне не появился желанный фиолетовый круговорот, она ощутила только большую тоску и одиночества. Когда она мечтала о своей любимой вещи, она не соизволила появиться, точно весь мир отвернулся. Палец и лицо по-прежнему болели. Вытекшая кровь засохла, превратив мягкую тряпку в твёрдую алую ткань. Часто моргая, Лия хотела, как можно быстрее прийти в чувства. Она продолжала осознавать собственное плачевное состояние. Эта комната, полутёмная и зловонная, всё ещё казалось враждебной, и девушка даже не поняла, когда успела привыкнуть к этой обстановке. Возможно, она привыкла к роли жертвы.

- Они были другого цвета, – прозвучал мягкий голос со стороны двери.

Лия подняла свой взгляд. Она в полутьме видела незнакомого юношу, что, стоя в полутьме наблюдал за ней. Он говорил также тихо и спокойно, как врач. Если в первый раз это принесло положительный эффект, то сейчас Лия очередной раз напряглась. Она не могла поверить, что её не собираются оставить в покое, даже после многих провальных попыток. До этого юноша стоял практически бесшумно.

Лия не сразу начала прислушиваться чтобы услышать, как в комнате было слышно только быстрое и громкое сердцебиение гостя. Чем-то он отличался от остальных. Хотя его лицо и было скрыто за тенями и мутным зрением Лии, она смогла увидеть в нём доброту и сочувствие. Они смотрели друг на друга, не решаясь что-либо сказать или сделать.

- Твои волосы, они раньше были тёмными. Сейчас, они белые. Почему? – Юноша начал выходить из полутьмы. Свет окутал его с головы до ног. Теперь Лия могла разглядеть его.

- Пожалуйста, не надо. Я не хочу проходить через это, я хочу просто вернуться домой. – Лия начала жалобно говорить с вошедшим человеком, пытаясь повторить свою отчаянную попытку, договориться с *этими* людьми.

- Я не… - юноша запнулся. Выдвинувшись вперёд, он подошел вплотную к Лии, продолжая смотреть в её глаза. – Я тоже не хочу этого…

Увидев своего гостя поближе, Лия не сразу смогла понять, кто перед ней стоит. Он выглядел так, как и другие мужчины, что приходили к ней, но что-то в нём всё же отличалось. На его шее висел странный шарф фиолетового цвета. Обычная цветная тряпка проникла в самое сознание девушки. Она видела тот самый живой круговорот, что всасывал её внутрь себя, создавая прекрасную картину. Именно тот круговорот, что преследует её уже долгие годы. Даже в таком ужасном месте, где она смогла оказаться, этот вид нагонял на неё тепло и спокойствие. *Он* всё же не бросил её. Увидев этот простой предмет, она почувствовала уверенность и прониклась доверием к этому человеку.

- Ты… - тихо проговорила она.

- Ты меня помнишь?! – радостно удивился Томас, надеясь вернуть себе недавно утраченное душевное спокойствие.

Девушка никак не ответила на этот вопрос. Она облегчённо вздохнула и прижалась плотнее к твёрдой кровати. Теперь ей было спокойно. Рядом находился человек, который сможет её защитить, за которым она будет как за каменной стеной. Она не сомневалась в его мотивах и способностях, он – тот самый. Самый сильный, самый лучший. Он был олицетворением всего светлого и приятного.

- Я тебе доверяю… - тихо прошептала Лия, стыдясь за собственные мысли. Если этот юноша что-то и сделать, то после этого не будет никаких проблем, никакого предательства.

Томас опешил. Он ожидал многих вариантов развития событий, но то, что его старая знакомая будет убеждать его принять участие в «ночи продолжения», как и многие другие, казался просто абсурдным. Том подумал, что всё это злой рок или недопонимание. Ему будет просто необходимо переступить через все свои принципы. Юноша будто был единственным во всём убежище, который отказывался от варварских обычаев, и хотел просто быть, как многие жители других лагерей. Свободными и равноправными, старым и цивилизованным.

- Я не могу, - проговорил Томас, представляя, что его может ждать за очередную допущенную ошибку.

Лия не понимала, что это значит. Она слышала раньше, что это необходимо, а сейчас на её глазах юноша просто отказываются от того, ради чего они оба здесь. Ей было полностью безразлично то, что с ней будет делать этот мужчина, с ним она чувствовала себя в полной безопасности. Он не только имел при себе таинственно успокаивающий предмет, но и сам выглядел максимально спокойным и дружелюбным.

- Я спасу тебя от всего этого ужаса, – прозвучал наконец-то сомневающийся голос Томаса. Единственное, что он знал, так это то, что он не собирается идти на поводу у отцов и их правил. Его манил старый мир, когда они только начинали жить в убежище. Также и жил Сайк. Томас будет стремиться к такой жизни, к такому будущему, и не только он сможет этого добиться. Даже если объединиться со стариком, ему потребуются и помощь со стороны девушек, и как раз одна из них была перед ним. Именно она станет первой, кто вступит в прекрасное будущее.

Юноша подошел к девушке и посмотрел на неё поближе. Он пытался оценить её состояние, надеясь, что они смогут пойти к отцам, чтобы объяснить сложившуюся ситуацию.

- Можешь встать? – спросил он.

- Нет… - девушка только сделала небольшое движение вверх и тут же рухнула обратно на кровать.

Томас был сильно напуган. За всё время проведения «ночей продолжения», все впервые столкнулись с тем, что девушка сопротивлялась и на неё потратили успокоительное. Том мог предположить, что и раньше возникали схожие проблемы, но он никогда об этом не слышал. Хоть юноша и жил вместе с другими

мужчинами почти всю жизнь, он начинал опасаться их возможной решительности и жестокости. Томас осторожно взял Лию на руки; ему не составило труда поднять её. Она была худой и лёгкой, как и большинство людей, живущих в бункере. Повиснув на плечах юноши, её конечности безжизненно свисали вниз. Том вспоминал как нёс на руках мёртвое тело своего боевого товарища, но только сейчас вся ситуация отличалась тем, что тело, которое он держал, было тёплым, и ощущалось слабое дыхание этого человека. Теперь он может спасти хоть кого-то. Тогда его ввело горе, сейчас – страх и надежда. Замедленное сердцебиение проходило по всему телу девушки, и Томас легко ощущал его. Он стал ловить себя на мысли, что сейчас он спокоен, как никогда раньше, и ещё были странные желания оберегать эту девушку. Такое он не ощущал долгие годы. В голове начали всплывать собственные воспоминания о детстве.

Томас вынес Лию из комнаты. Осторожно обходя стороной твёрдые углы коридоров, он вышел в зал. Девушка никак не реагировала на всё происходящее. В какой-то момент она взялась свободной рукой за шарф юноши и сжимала его изо всех сил что у неё оставались. Закрыв свои глаза, Лия надеялась, как можно скорее забыть весь случившийся сегодня ужас, и то, что с ней происходило в течении последнего часа.

- Стой! Куда идёшь? – возразил охранник, который увидел Томаса вместе с девушкой на руках. Ему впервые пришлось увидеть подобную картину, и даже на инструктажах никогда не слышал о том, что может случиться что-то подобное.

- Я уношу её подальше отсюда, – сказал Томас. – Она не вернётся обратно.

- Чёртов приватизатор, - сказал себе под нос охранник, с легкой ноткой зависти.

Охранник в конечном итоге промолчал. Он был готов сорваться со своего поста и отправиться к отцам или Нейту. Ему требовалось сообщить им обо всём случившимся, но ещё он боялся последствий за брошенный им пост, ведь эта «ночь продолжения» оказалась самой дикой. Так, Томас покинул место преступления безнаказанно. Он направился в самое безопасное место, где можно было оставить человека, за которым придёт разъярённая толпа. Хотя девушка и является ценным ресурсом для большинства людей, именно Лия была

единственна в своём бунтарском поведении. Такая потеря будет не существенной по сравнению с другими девушками.

Томас зашел в свою комнату. Больше там никого не было. Он знал, что Адам будет сидеть в кабинете ветеринара, заштопывая свои раны. Юноша положил девушку на свою койку, а другой забаррикадировал дверной проём. Сомнение и страх будоражили его. Он нервничал, как никогда раньше. Только нежное поглаживание родной винтовки успокаивало его. Он начал ждать, когда за девушкой придут другие.

Глава 5. Валькирия

Лия долго не могла прийти в себя. Несмотря на то, что Томас забрал её из ужасного места в другое, более безопасное, он надеялся, что как можно скорее она придёт в себя. Единственное, что он смог получить от неё, так это то, что она пыталась что-то сказать ему, но вместо слышимых слов, лишь издавала странные всхлипы, стоны и слабый шепот. Девушка, в которой он увидел свою давнюю подругу, не отпускала маленькую тряпку на шеи юноши, из-за чего ему пришлось снять её. Обняв её, словно спасательный круг, Лия лежала на койке со своим фиолетовым круговоротом из снов, слабо мурлыча себе под нос.

Лёгкий страх прошелся дрожью по рукам и спине Томаса. Ему пришла в голову мысль, что к нему придут обозлённые друзья; что в сговоре с кем-нибудь они просто накинуться на юношу и избавившись от него, займутся девушкой.

«Нет. Я никому не позволю даже войти сюда» - решил Томас. Он перешёл ту самую черту, за которую вернуться уже будет невозможно. В одночасье он стал врагом для всех. С каждой минутой он придумывал новые способы выкрутиться из сложившейся ситуации, сделать так, чтобы всё обошлось меньшей кровью.

Со стороны коридора послышался топот ног. Целая толпа приближалась к комнате юноши. Слышался громкий разговор множества людей, который смешались в единый неразличимый шум. Звук был всё ближе и ближе. В какой-то момент он замер, – его оглушительная громкость остановилась, прямо по ту сторону баррикады, в метре от Томаса. С двух разных сторон металлической преграды происходила подготовка штурма и обороны.

- Не входить! – закричал Томас. В подтверждение своей угрозы, он взвёл затвор винтовки, достаточно громко чтобы его было слышно всем гостям.

- Томас, объяснись нам в своих поступках, – прозвучал недовольный голос Нейта.

Этот факт ещё сильнее напугал обороняющегося юношу. Он был готов встретить Адама, Джейка, Сайка, отцов, но никак не Нейта. Никто из всех живущих в бункере, не хотел бы стать жертвой

«дракона». Ведь только он единственный будет стоять на своём, не рассматривая идеи компромисса.

- Я… - начал Томас. – Я хочу поговорить с отцами!

На предложение юноши никто не ответил. Только через минуту послышался голос Нейта.

- Верни девчонку обратно. А затем, сможешь говорить с отцами так долго, как захочешь.

- Только попробуйте войти! Я буду обороняться! – вслед за своими словами Томас направил дуло своей винтовки прямо на баррикаду.

- Мы не настроены враждебно, Томас. В начале, нам следует поговорить и решить эту проблему.

«Проблему? Она ведь такой же человек, как каждый из нас. Она даже заслуживает право выбирать где ей жить, больше чем некоторые из наших. У неё может быть большое будущее вне убежища. Она может быть бойцом, врачом, управляющим, но не одной из тех, кому достаточно жить, как какому-то однотипному механизму» - думал про себя Томас. Он всё решил окончательно, остановившись на той позиции, где нет возврата.

- Перекиньте через кровать всё ваше оружие. Лишнее движение и я открываю огонь, – проговорил Томас, нервно касаясь спускового крючка винтовки.

- Ладно, нам не нужно кровопролитие, – сказал Нейт. После очередного минутного молчания, он добавил, – Кидаю.

Над установленной в качестве баррикады койкой показалась рука. С её помощью кто-то начал медленно наклонять кровать, чтобы создать подходящего размера щель. Как только образовавшийся зазор достиг подходящего размера для оружия, в него просунулась чёрная рука, крепко держащая короткий обрез. Она зависла над полом и отпустила оружие. В течении нескольких минут, это действие повторялось несколько раз. Пистолеты, автоматы, дробовики и винтовки - почти всё огнестрельное оружие, которое когда-либо видел Томас лежало на полу в его комнате. Юноша мог даже определить людей, находящихся за дверью. Он хорошо знал ружья всех своих друзей. Так же хорошо, как и своё собственное.

- Мы закончили, теперь нам нужно поговорить.

Поднявшись со своего стула, Томас положил винтовку на пол. Он понимал, что в случае необходимости, он не сможет орудовать ей в

тесном коридоре, тем более в плотном кольце людей. Выйти безоружным также не было желания. Юноша взял с собой небольшой нож, самостоятельно сделанный из металлолома.

В коридоре находился Нейт, по бокам его окружал Джейк и Скай с другими юношами, что были вовлечены в это дело, или просто оказались в нужном месте в нужное время. Нейт осторожно стоял напротив комнаты Тома, открыто демонстрируя свободные, ничем не занятые руки. Остальные стояли по бокам, крепко прижимаясь плечами или спинами к стенам. Они все выглядели встревоженными и удивлёнными, кроме Нейта. В его глазах читалась привычная злость и высокомерие. Томас прятал обе руки за спиной.

- Томас, эта девчушка нужна нам. Отцы дали ей последнюю попытку исправиться. Она на грани изгнания. – Нейт говорил, не смотря в глаза своему собеседнику. Он тщетно пытался посмотреть за отодвинутую баррикаду, надеясь увидеть объект проблем.

- Она не хочет участвовать в «ночи продолжения», она хочет себе другого будущего. – Томас шагнул в сторону баррикады, закрыв последнюю щель от взора Нейта.

- Мы давно решили все неувязки. Мы выбрали себе этот путь, и считаем его самым важным. Другого пути нет. Вдобавок, ты был во «Второй восточной», а там они все были свободны, и к чему это привело? Том, женщины не способны драться как мы, они слабы и безвольны, глупы и наивны, они бы нас всех погубили, если бы не решение отцов.

- Она… Другая… - Томас надеялся оперировать вескими доказательствами способности девушки, пытаясь спрятать личные чувства к ней. - Разве ты не заметил, что она сделала с Адамом и Кайлом?

Услышав это, Нейт слегка съёжился. Ему не понравились слова Томаса. Слегка помявшись, он окинул взглядом остальных присутствующих. Как один из старших, он должен держаться достойно и показать юнцам, что значит знание и сила.

- Это была случайность, она женщина и это ничего не меняет. Не будь глупцом, нам нужны сильные люди, а не они.

- Дайте ей по… - фраза Томаса оборвалась. Неожиданно для него самого, он почувствовал сильный удар в челюсть. Нейт одним ударом отправил юношу обратно в комнату, из которой он недавно вышел. Это

было достаточно быстро и ловко, но Томас лишь потерял концентрацию на долю секунды.

Когда Томас приземлился на пол, то выставил перед собой нож, готовясь пролить кровь. Когда он поднял голову, то увидел ошарашенный взгляд всех остальных, кто смотрел в его сторону. Впервые на лице Нейта Том видел неподдельное удивление. Повернув голову в сторону общего взгляда, юноша сам увидел картину, что так сильно шокировала всех. Сгорбившись под весом тяжелой винтовки, на стуле сидела худая девушка с белыми волосами. Половину её лица обвивала тёмно-фиолетовая тряпка, признанная всеми как старый шарф Томаса. Несмотря на слабость женского тела, она уверенно держала винтовку на весу и целилась прямо в чернокожего мужчины. Поглаживая спусковой крючок, она демонстрировала свою догадливость в работе полученного механизма. Больше всего пугали её глаза: стеклянные как у мертвеца, и, болезненные как у страдающего бессонницей человека. Это были глаза того, кто видел всю возможную жестокость в своей жизни и его не пугала перспектива увидеть ещё одно новое шокирующее зрелище.

- Мне надо поговорить с главным… - тихо проговорила девушка, почти бубня себе под нос.

Нейт недовольно повернул голову в сторону. Взглядом он поймал одного из молодых парней, что с предвкушением и азартом ожидали дальнейшего развития событий.

- Приведи сюда отца Николая. Он нам нужен.

Вслед за этими словами послышался шум, когда посыльный отправился за важной персоной. Нейт провожал взглядом удаляющегося юнца. Когда весь шум утих, он вернулся к девушке, что так сильно удивила его.

- Можешь отпустить оружие – ты добилась своего. Нам не нужны неприятности. – Нейт раздраженно смотрел на Лию. В его глазах по-прежнему улавливался лёгкий испуг и раздражение.

Томас осторожно начал подниматься с пола, продолжая пристально наблюдать за девушкой, в надежде, что она не сделает какую-либо глупость или не свалится без сознания на твёрдый пол. Несмотря на их близость и почти незнакомую обстановку, Лия доверяла Тому. Она продолжала пристально следить за Нейтом изо всех сил, что у неё остались.

Медленно юноша забрал у девушки свою винтовку и положил её на пол. Облегчённо выдохнув, девушка закатила глаза и начала заваливаться на бок. Том смог её подхватить и спасти от падения на твёрдый пол. Её вернули обратно на мягкий матрас, где та снова съёжилась в комок и уснула.

- Мне плевать, что ты задумал и какие цели преследуешь. Тебе придётся самому отчитываться перед отцом Николаем, а там, твою судьбу уже решат они. Скажу общее мнение: сегодня – твой последний день в стенах бункера. Нам не нужны такие самовольные люди. Поэтому, никто не станет тебе сейчас помогать и заступаться за личное мнение. – Нейт властно говорил из коридора, гордо сыпля угрозами в сторону юноши. Периодически он осматривался вокруг себя, точно проверяя чтобы среди его паствы не было инакомыслящих.

Быстрым движением, чернокожий мужчина остановил кого-то, кто приближался к двери. По небольшому фрагменту лица, Томас узнал Адама.

- Там мой друг!

- Наш друг тот, кто поддерживает нас и наши идеалы. Томас же, ополчился против всех. Он предал нас. Пока что, он не друг никому. – Нейт держал руку у стены, мешая Адаму пройти дальше в свою комнату.

Так, образовалось лёгкое оцепление вокруг Томаса и Лии, без какой-либо надежды на побег. Все, кто пытался пройти мимо, были отправлены другими путями в обход. Зайти в живой круг мог только званый отец Николай. Он явится сразу, как узнает о случившемся. Том даже не мог себе представить, как отреагирует этот человек на происходящее. На памяти юноши, он сам является первым, кто выкинул подобную выходку. Поэтому последствия невозможно было предугадать.

Томас продолжал сидеть на стуле у койки с девушкой. Она спала крепко, даже лишние шорохи и разговоры не могли её разбудить. Том думал, что она сможет проснуться в любой момент, поэтому следует быть рядом с ней. Обстановка в коридоре никак не менялась, все присутствующие оставались на своих местах, с интересом ожидая конца всего представления. Вскоре послышались торопливые грубые шаги. К ним шел отец Николай.

Это был человек, для которого не существовали запреты и преграды. Отец Николай прошел через оцепление комнаты так же легко, как проходит рука через чистый воздух. Вместе с ним пришел отец Оскар. Нейт уважительно расступился перед этими людьми. Томас не раз видел подобную картину, и только сейчас он начал сомневаться в уважении чернокожего коллеги к отцам, скорее всего им повелевал страх.

- Я вижу, у вас тут необычная ситуация. – Отец Николай зашел в комнату и остановился. Он внимательно посмотрел на спящую девушку на кровати. – Решил её себе оставить?

Нейт заметно удивился такой реакции отца Николая. Однако к крикам и упрёкам пришел второй отец:

- Почему не взял штурмом комнату? Такой важный ресурс в руках какого-то самоучки! Минута, и от проблем остался бы только пепел.

- Оскар, спокойней. Рисковать девушками неразумно. Нейт правильно поступил, что решил выждать. Если бы аналогичные обстоятельства произошли на поверхности, то твои слова были верны. Раз мы здесь, давай узнаем то, что думает сам Томас.

- Я… - Томас был готов расстаться с жизнью, настолько отец Оскар пылал огнём, но, похоже, отец Николай держал инициативу в своих руках. – Она не хочет участвовать в «ночи продолжения».

- Томас, правила есть правила. Все женщины из женского корпуса должны проходить через *это* без исключений. У тебя не должны быть к ним личные чувства, ибо они именно к этому и приводят. Ты ведь понимаешь, для чего всё делается?

- Да, отец. Ради восстановления популяции людей.

- Верно. А что делать с человеком, что препятствует этому?

- Отстранить его от этой работы? – поинтересовался Томас, надеясь, что его слова помогут отцу Николаю взглянуть на суть происходящего под другим углом. Но отец вспомнил недавний разговор с Томом, и подумал, что тот таким жёстким способом собирается навсегда доказать своё нежелание участвовать в «ночи продолжения».

- Засранец! С самого начала планировал! – Отец Оскар собирался с голыми кулаками пойти на Томаса, но отец Николай успокоил друга и товарища.

- Нет, Томас. Слишком высокий риск тратить ресурсы на содержание человека не способного помочь нам и человечеству. Такие люди являются только помехой на пути нашего будущего. – Отец Николай начал намекать Тому на его последнюю операцию, после которой тот не смог ничего привести с собой. Юноша создавал слишком много проблем в последнее время.

Томас начал нервничать. Он не ожидал, как смотря в его глаза будут говорить о том, что кого-то выгонят из убежища, и, тем самым, отдадут на верную смерть. У Тома не было идеи, что он мог бы сказать отцам, чтобы те пожалели бедную девушку, и все оказались в выигрыше. Если отец Николай и выглядел спокойным, то стоящий рядом с ним отец Оскар был готов разорваться от злости. Посмотрев на спящую Лию, Томас увидел засохшую кровь вокруг её рта. Этот знак напомнил ему то, что она совершила перед тем, как он смог её забрать к себе в комнату.

- Отец Николай, отец Оскар, не нужно ничем рисковать. Она – боец. Такой же, как и я, Адам, Джейк или Скай. Спросите у всех, кто был с ней или слышал об этом. Спросите всех что она сделала с Кайлом или Адамом. Она может драться, и она будет драться не хуже любого из нас. В ней есть сильный инстинкт самозащиты и дух прирождённого бойца. – Поддавшись бурному всплеску эмоций и чувству собственной правоты, Томас поднялся со стула, оказавшись выше двух мужчин.

- Инстинкт значит... – Отец Николай почесал свой подбородок, устремив взгляд на окровавленный рот девушки и маленький синяк у глаза. Он думал о возможных последствиях. По нему было заметно, что он не хотел соглашаться с юношей, но, с другой стороны, жалел упустить возможность заполучить ценного солдата. Каким бы не было решение отца Николая, он отвечал только за порядок и правила. Вылазки и стратегия – удел отца Оскара. – Что думаешь, Оскар? Ей можно дать месяца на подготовку.

- Месяц? Долго. Здесь она покажет свою пользу за пару часов.

- Помнишь Алису? Она оказалась бесплодной, и “пару часов” ни о чем не говорили.

Не зря отцы ходили парами. Они могли приходить к конечным решениям в ходе обсуждения, допуская минимальное количество

ошибок. Совершая такой ритуал на публике, они только доказывали свою важность и умения.

- Нет, не позволю ей вернуться назад в корпус. Не хочу рисковать детьми и матерями. Оскар, она может оказаться действительно хорошим бойцом. Дай ей две недели на подготовку.

- Неделя, - поставил точку Оскар.

Это был окончательный вердикт. Отец Оскар покинул комнату, не желая задерживать на дальнейшую дискуссию. По нему уже было видно, как он с силой согласился на такие условия. На выходе отец Николай посмотрел на Адама и с легкой грустью в голосе сказал: «прости, приятель. Теперь это уже не твоя комната». Мужчина удалился так же быстро и властно, как и пришел. Вслед за отцами отправился Нейт.

В течении часа Адам собирал свои вещи. Он даже не смотрел на Томаса, – его друг ощущал обиду в свою сторону. Сосед, недавно погибшего на одной из последних вылазок мальчишки, стал новым товарищем по комнате для Адама. Томас представлял, как сильно вся эта новость не понравилось его другу. Ему ведь заново придётся адаптироваться под новое окружение, строить планы с новым человеком и многое другое. На протяжении всех сборов старый хозяин комнаты ни на шаг не отходил от девушки, что теперь стала его ученицей и соседкой. Впервые именно она пугала Томаса. А точнее то, что она за собой приведёт.

Теперь юноша остался один со своими мыслями в полупустой комнате. Он помнил, как тренировали его самого. Как он тренировал других людей, но не знал, как тренировать эту девушку. Телом она походила на любого другого юношу, не считая худобы. Но её воспитание, мысли и воспоминания о старой жизни сильно могли подпортить любую тренировку. Она была для него полна загадок: «сможет ли она справиться?», «чего сможет достичь?». Томас мрачно смотрел на Лию опасаясь, что своими поступками он сломал её жизнь. Он начал жалеть, что позволил всему этому произойти. Если он не справится, то её выгонят. Ему самому придётся её выгнать. Он подарил ей жизнь и будет вынужден забрать её обратно. До места задания они смогут добраться на машине, это самое безопасное и лёгкое. Но, что дальше? Он, к примеру, может сбежать вместе с ней, но их будет ждать ужасный мир, полный опасных созданий и новых условий. «Может…

Всё-таки сделать её матерью? Как того требовали отцы» - раздался собственный голос в голове. Томас вернулся в первоначальную точку, где он разрывался от множества противоречивых мыслей, где он мог совершить с девушкой то, что от него хотели, тем самым подарив ей безопасность и свободную жизнь, или дать ей равные права, и шанс каждый день ощущать, как последний.

Томом овладело чувство вины за то, что он решает судьбу другого человека. Ещё пару часов назад он находился с ней в одной комнате, где она возражала против всего что с ней происходило, но потом, дала своё согласие. Она ведь будет ему благодарна, а через год они снова могут встретиться. Юноша поднялся со стула и подошел поближе к кровати. Опустившись на колени, он навис над спящей девушкой. Упираясь на вытянутые руки, Томас смотрел в закрытые глаза Лии. Он почувствовал свою вину, так, будто не он командует собственным телом. Что-то внутри него било тревогу, призывая все чувства и действия к порядку. Чем ближе юноша был к тому, чтобы совершить затеянное, тем наиболее отдалённо он ощущал самого себя, испытывая сильное отвращение ко всему происходящему.

Медленными движениями Томас направил руку к ногам девушки. От прикосновения к мягкой коже по рукам и спине пробежал озноб. Сердце билось с невыносимой силой, эти удары отдавались по всему телу, и сильнее всего по голове. Юношу будто били по затылку гаечным ключом. Его зрение мутнело, сердце сжималось и болело, лёгкие горели от быстрого дыхания, горло пересохло. Он зверь. Чудовище! Он навис над невиновной жертвой апокалипсиса. Он становится тем, кого ненавидел каждой клеткой своего тела.

- Ненавижу… - прошептал Томас себе под нос.

Непривычное ощущение мягкой кожи сводило его с ума. Он прекрасно знал какая может быть кожа: грязная и липкая его собственная, грубая у животных, дублённая, но не эта. Это было что-то из другого мира, что-то невозможное. Тёплая, упругая, источающая тепло; как вода она прогибается под пальцами, желая облечь их. Маленькое, сводящее с ума сокровище. А этот запах… Томас только сейчас заметил этот непривычный коктейль из высохшей крови, слёз и пота. Это был какой-то ужасный наркотик, собранный из множества неприятных сочетаний, такой одновременно сладкий и солёный. От

путаницы в голове юноша начал медлить не зная, что он делает и что он должен сделать.

- Что ты делаешь? – раздался чей-то голос.

Томас поднял взгляд в сторону изголовья кровати. Девушка по-прежнему спала. Странная галлюцинация атаковала юношу и вернула его в реальный мир. Замерев на несколько секунд, он решился вернуться обратно на свой стул, продолжая ожидать того, как девушка очнётся. Томас начал корить себя за слабость духа.

Через пару часов Лия проснулась. Она не до конца осознавала то, где оказалось и в какое необычное направление свернула её жизнь. Собственной одежды у неё не было, только тонкое платье с самого прибытия. Старая одежда Томаса пришлась ей как раз. В ней девушка выглядела совершенно иначе, как худой и слабый юноша. Сильнее всего её пол выдавала выступавшая грудь и лицо, которые сильно выделялись на фоне других. У девушки не было застывшей физиономии жестокости, – она имела безобидный и добрый вид, а также мягкие и осторожные черты лица. Тома смущала её внешность, поэтому он сделал небольшую повязку вокруг живота, чтобы скрыть сильно выступавшие детали фигуры. Задумываясь об этом он начал осознавать, что информация о Лии настолько быстро обойдёт всё убежища, что необходимость в маскировке отпадёт.

Томас не знал, как лучше говорить с представительницей противоположного пола. Последний раз ему доводилось делать это только десять лет назад. Поэтому он не стал объяснять ей, что она лежит в его кровати и пытаться вернуть привычное место. Томас лишь смиренно переселился на старую койку Адама. Юноша продолжал смотреть на девушку не представляя, как он поможет ей адаптироваться под новые для неё условия.

Мысли о том, как Тому доведётся жить дальше при новых обстоятельствах, казались ему по-настоящему сложным испытанием. Несмотря на быстрое распространение слухов в стенах убежища, Томас уже представлял, как и сам будет скрываться и стараться не попадаться большому скоплению людей опасаясь, что все, кто заметит его, будут пристально следить за ним с понятной завистью.

- Что происходит? – поинтересовалась Лия, когда полноценно пришла в себя.

- Я… Я уговорил двух влиятельных людей оставить тебя здесь, - тихо проговорил Томас, пытаясь деликатно подобрать слова.

Лия не ответила. Её глаза расширились от удивления и страха. Она не помнила, что происходило, поэтому была сильно шокирована тем, чем окончилось её путешествие.

- Мне нельзя оставаться! Я должна вернуться обратно! Там Дарья, она без меня не справиться!

- Тебе нельзя возвращаться. Если ты откажешься от предложенных условий – тебя выгонят.

- Выгонят куда? – спросила Лия. Своим вопросом она смутила юношу, ибо он никак не мог усвоить одну простую истину - она ничего не знает не только о другом корпусе бункера, но и о самом внешнем мире. Новые сомнения нахлынули на него. Мысли, что девушка не справится с тренировками и её жизнь окончится под ночным небом и каменными многоэтажными домами начали грызть Тома с новой силой.

- Туда, где опасно, где ты не сможешь выжить.

- То есть, если я откажусь от такой жизни, я умру? Даже нельзя вернуться обратно домой?

- Да.

После этого разговора Лия была вынуждена измениться. В этот день, когда она прибыла в корпус мужчин, она слушала от своего спасителя всё, что ей следовало знать. В течение нескольких часов Томас рассказывал, как у них всё устроено, какие здесь обязанности, что где находится, с кем можно общаться, а кого стоит опасаться. Только при этом разговоре, ему удалось узнать её имя, которое никак не могло всплыть в его памяти. Теперь у него была возможность получше приглядеться к девушке: почти ничего из её внешности не напоминало ту маленькую девочку, которую он когда-то спас, но всё же смотря на неё, он ощущал какое-то сильное и жгучее чувство в груди. Она была выше Томаса, почти на целую голову, но вела себя и думала, как ребёнок, из-за чего её грозный вид рушился, стоило ей сделать хоть что-то. Том хотел бы всё рассказать Сайку, попытаться заручиться его поддержкой, ведь только в нём он сейчас видел своего друга, как в единственном человеке, что высказывался против текущий управленческой системы, хоть давно и на бумаге.

Томас регулярно отправлялся в столовую, где брал с собой еду и приносил её в комнату к Лии. Ветеринар создал особую питательную систему для девушки, почти как для новых мальчиков – наполненную различными добавками и витаминами. В целях собственной безопасности и безопасности девушки, Томас запретил ей выходить за пределы помещения, пока он не посчитает это необходимым. С каждым часом голос Тома хрип. Лия жаловалась на условия комнаты, еды и высказывала страх перед предстоящей опасностью. Всё это раздражало её учителя, ему это всё напоминало обучение маленьких мальчиков, что приходили из женского корпуса, но Лия была другой. Обучение и объяснение ей давалось гораздо тяжелее, ибо она сильно привыкла к старым и лёгким условиям жизни. Но несмотря на весь этот негатив, Тому было приятно и интересно.

В какой-то момент, дабы сгладить всю ужасную обстановку нового мира, девушка уходила в собственные воспоминания о доме. Она рассказывала Томасу о том, как она со своими подругами и матерью жили в женском корпусе. Слушателю ничего не оставалось, как дивиться необычайному миру, в котором ему не суждено побывать. Он слышал о ярком свете, о тепле и поддержке, о радости и играх, вкусной еде и доступной медицине. Условия матерей и их дочерей были в разы лучше, чем те, в которых жил его корпус. Тому даже казалось, что девушка говорит о совершенно другой общине, которая находится на другом краю земли... но она была лишь за огромной железной дверью, всего в паре десятков метров.

При общении с Лией, Томас пользовался множеством слов, которые выучил ещё до заселения в бункер. Он заметил, как она не понимала их значения. Том понял, – Лия ничего не знает и не помнит о старой жизни. Дальнейшие расспросы привели его к мысли, что девушка – наивный неуч. Такая же, как и говорил Нейт. Только юноша знал, что причиной этому был не пол его собеседницы, а условия, в которых она росла, в которых её растили, где её обучали только на роль инструмента для восстановления популяции людей. Время прошло быстро. Лия начала чувствовать сильную усталость и захотела спать. В Томасе же бурлили различные эмоции. Он боялся уснуть. Боялся, что придут люди и перережут ему горло во сне. Он сам для себя создал страх, что эта ночь станет для него последней, из-за того, что рядом с ним находится объект вожделения большинства, кому не

повезло с текущей «ночью продолжения». Вдобавок к ним, мог быть Адам с Кайлом, который захотят отомстить девушке за позор и раны.

Вместо былой баррикады, Том был вынужден повесить на дверной проём тряпку, чтобы хоть как-то скрываться от любопытных глаз. Девушка не сразу смогла уснуть. Поначалу она долго ворочалась в кровати, пытаясь найти удобное положение. Она говорила, что ей не нравится запах, твёрдость и сам звук койки. Томас же игнорировал её надеясь, что она как можно быстрее успокоиться. Ему довелось привыкнуть к храпу Адама, а тихое сопение Лии сводило его с ума. Оно словно разносилось громким эхом по комнате, привлекая к себе сильное внимание. Юноше казалось, что его слышат все. Хотя на самом деле, он сам едва мог его уловить.

Первый день обучения был самым простым. Томас начал со знакомства девушки с миром и убежищем. Он рассказывал всё, что знает о его доме и внешнем мире, не вдаваясь в подробности о том, что там тоже жили люди. В какой-то момент, пассивность Лии сменилась активным расспросом обо всём, что говорил Томас. Юноша уже не сравнивал её с ребёнком, она даже задавала больше вопросов чем дети. Обязанности, опасности, броня, ресурсы, оружие, медицина, еда, иерархия, отношения. Лия слушала всё, что приходило Томасу в голову. Некоторые вещи он повторял с предыдущего дня, рассказывая о них более подробно.

Иногда Том замечал, что его комната стала более популярным маршрутом среди остальных жителей убежища. Всё чаще он слышал, как кто-то останавливался у прохода, будто прислушиваясь к обстановке внутри. После проведения Лии краткого инструктажа о её новых условиях жизни, у неё начала болеть голова и она не смогла корректно воспринимать полученную информацию. Томас увидел в этой паузе возможность поговорить с ней о детстве, когда он принёс её в убежище, чтобы спасти от надвигающейся на мир угрозы.

- Что ты помнишь из детства? – интересовался юноша.

- Ничего. Я помню только как много времени жила вместе с сёстрами и матерями.

- Я принёс тебя сюда двенадцать лет назад, на мне была эта футболка. – Томас указал пальцем на новый фиолетовый шарф Лии.

- Я ничего этого не помню, но этот цвет... Он снится мне с самого детства. Каждый раз он окружает меня теплом и радостью.

Юноша слышал, как девушка пытается изложить свою мысль, но говорит глупо, как маленький ребёнок. Она также не знает многих слов, которые использует Томас и остальные. Том предположил, что с другими девушками в корпусе Лии ситуация обстоит аналогично.

Томас пытался рассказать всё что узнал из дневника Сайка, осторожно следя за обстановкой в коридоре. Он надеялся, что никто их не подслушивает. Он хотел бы рассказать Лии всё, что знает сам, прибегая при этом к помощи от другого человека. Лия же посчитала моменты из дневника Сайка самыми страшными. Вскоре Том заметил, как тёплый взгляд Лии перешел с шарфа на него самого. Ему от этого становилось не по себе.

Во-второй день, Томас был вынужден действовать в обучении Лии более решительно. Она впервые вышла из его комнаты, после чего они направились в тренировочный зал. Ни один человек не сводил взгляда с девушки, но Томас был готов ко всему. У него на поясе демонстративно свисал ручной нож, которым он смог бы воспользоваться при острой необходимости.

Физические показатели девушки были в худшей форме, особенно учитывая её возраст. Её ровесники отправлялись на задания регулярно, и имели широкий опыт продолжительностью в девять лет. Томас начал опасаться за безопасность Лии, её хрупкость и слабость были главной проблемой, что мешала ей активно тренироваться. Шанс того, что её выгонят был выше предполагаемого опасения. Не пробежав и ста метров, девушка начинала задыхаться от спёртого воздуха и изнеможения. Вместе они проходили через многое: отжимания, подтягивания и прочие силовые упражнения. Лия ничего не смогла сделать даже для минимума. Она читала отчаяние в глазах своего учителя. В какой-то момент, она потеряла даже последнюю нить надежды.

- Я ведь просто хочу быть сильной, хочу помочь Дарье, – говорила она сквозь слёзы.

- У нас ещё есть время, только не сдавайся. – Томас пытался всеми силами приободрить девушку, опасаясь за её будущее.

Лия сдалась. После пары новых попыток, она в сопровождении Тома вернулась в комнату. Всё её тело мучил зуд, новые запахи раздражали. Том разочаровал её сказав, что у них нет чистой воды, тем

более чтобы помыться. Для особых целей, он ей приносил только ведро с грязной водой и, не лучшего вида, тряпку.

Перед тем, как они оба отправились спать, Томас пытался уговорить девушку продолжать её тренировки, обосновывая это тем, что если она докажет свои способности, то сможет помочь Дарье покинуть женский корпус. Несмотря на жестокость другого мира Лия одобрила этот план и обещала сделать всё возможное.

Третий и четвёртый день прошли с небольшим прогрессом. Томас начал замечать, как тело девушки начало медленно наращивать мышечную массу. Она по-прежнему становилась центром всеобщего внимания. Даже посетив впервые столовую, она никак не покидала пьедестал самой важной персоны. Томас же не прекращал нервничать и боятся за собственную безопасность и, безопасность самой девушки. Вся новая обстановка начала негативно складываться на нём, начиная с бессонницы и заканчивая общей слабостью. Пару раз ему доводилось слышать плач девушки перед тем, как она засыпала. Иногда она загадочно смотрела на него, смущая и заставляя отвернуться. Были ли в тех взглядах благодарность или осуждение, Томас никак не знал.

На пятый день показался Кайл. Он незаметно проник в зал и слившись с толпой наблюдал за ненавистной ему девушкой. Постепенно картина тренировок приелась большинству мужчин, но они не прекращали бросать быстрый взгляд на Лию и Томаса с ножом. Юноша даже спустя пройденный этап адаптации девушки не прекращал сомневаться в её безопасности. Адам на протяжении всех пяти дней не появлялся на глаза старого друга. Том боялся, что его товарищ отправился во внешний мир, где безызвестно погиб. Ему было достаточно поинтересоваться у любого другого человека, но он не хотел бросать Лию без присмотра. Даже Нейт иногда следил за результатами девушки, не скрывая надежды на её провал и дальнейшее изгнание.

Последние два дня тренировочной недели Томас потратил на ознакомление Лии с оружием дальнего и ближнего боя. Он был сильно удивлён тому, как его ученица быстро освоила управление огнестрельным оружием, но никак не могла разобраться в его конструкции. Ей было дано узнать, как перезаряжать смертельные механизмы и целиться. Учебная стрельба была запрещена в стенах

убежища, из-за чего оставалось только надеяться, что девушка не опешит в момент опасности и не забудет полученные знания.

Основные тренировки по наращиванию и укреплению мышц продолжались дальше, но к ним были добавлены новые условия. В качестве подарка, как новому бойцу, Лии была вручена тонкая железная броня, которая закрывала большую часть тела, но была слабой и непрочной. Новые пять килограммов веса изматывали девушку быстрее обычного, и Томас обратил своё внимание на неплохие, но всё же слабые показатели его ученицы. В ходе всех тренировочных дней Лия отдыхала и могла спокойно питаться, поедая еду из стеклянной банки Тома. Только после и перед сном они отправлялись в столовую, пока весь день был отдан тренировкам.

Ближний бой дался девушке сложнее всего. Получив короткую деревянную палку, она должна была участвовать в спарринге с Томасом, но боялась ему навредить. Медленными движениями учитель пытался объяснить Лии, как следует защищаться от надвигающегося удара. Он рассказывал, как можно определить его направление и цель. Тренировка была настолько медлительной, что, Лия начала воспринимать её как игру, нежели важное обучение. К большему сожалению Тома, только нападение никак не давалось Лии. Даже под длительными убеждениями она не нападала на своего учителя.

Неожиданно на ринг взошел Кайл, что был взбешён беззаботным отношением девушки к происходящему, или был зол из-за её веселого поведения. В гневе он быстро сократил дистанцию к своей жертве и, схватив её за плечи, опрокинул через себя на пол. Раздался глухой удар, вскрик боли и удивления.

- Это тебе не игрушки! Наши братья умирают снаружи, а ты тут веселишься со своим новым дружком! Твой враг не будет медлить при нападении! *Эти* твари бьют быстрее человека, тебе надо приложить все усилия чтобы справиться с ними! Поэтому нужно атаковать сразу, когда есть возможность! – Кайл начал задыхаться от собственных слов. Он почти кричал на лежащую на полу девушку. На месте его носа виднелась чёрная полукруглая маска с маленькими отверстиями для дыхания. Кожаный ремень держал косметический прибор на лице, обвивая и сжимая всю голову. – Позволь продемонстрировать, как ведётся настоящий бой.

Закончив свою фразу, Кайл вынул заправленный в ботинок нож и молниеносным движением провёл лезвием позади себя. Проведённый удар прошел в нескольких сантиметров от груди Томаса, который спешил помочь своей ученице. Этот удар был предупреждением к началу нового боя, к которому Том был не готов. Резко, с тренировочной палки он перешел на острый и опасный нож. Лезвия рассекали воздух в миллиметрах от незащищенных участков брони. Кайл не пытался сдерживать себя, он хорошо знал своего противника, чтобы быть уверенным в его способностях. Они оба постоянно меняли свои позиции, перебегая с места на место, сливаясь в едином танце смерти. Томас осознавал, что вся эта затея – хитрый план Кайла, чтобы выгнать Лию из убежища. Хитрец пытается запугать девушку или «случайно» вывести Тома из строя. Его также устраивала перспектива получить опасное ранение, из-за которого можно было бы обсудить изгнание не только девушки, но и самого Томаса.

Помимо уклонений и установки блока, Томас пытался выловить момент чтобы сбить противника с ног и отбросить его нож в сторону. Чем дольше длился их танец, тем больше юноша боялся, что его собственный нож сломается под гнётом сильных ударов. Только выбрав рискованную стратегию, Том смог выйти победителем. Совершая очередной атакующий выпад, Томас целился в глаз своего оппонента. Точный удар убил бы любого на месте. Не желая умирать раньше положенного срока, Кайл поступил так, как рассчитывал его соперник – подставил руку для парирования удара и смещения направления клинка выше, чтобы он прошелся по лбу. Томас заранее предсказал данное действие, он перехватил незанятую руку своего соперника и выбил быстрым ударом кулака нож Кайла. Через долю секунды, противник Томаса лежал на грязном полу.

Нож улетел в сторону. Поверженный боец лежал без малейшего движения, к его горлу, в качестве доказательства его поражения, подставили нож. Кайл пытался отдышаться. Его бой с Томасом длился дольше любого спарринга и настоящего сражения. Это был его первый опыт, и он ему не понравился. Томас держался более стойко, он тоже пытался восстановить дыхание, но делал это менее демонстративно.

- Я добьюсь, чтобы тебя выгнали вместе с ней, – сказал Кайл, достаточно тихо, чтобы его слышал только Том.

- Тогда я сам уйду.

Кайлу понравились эти слова, он широко улыбнулся и начал довольно и тихо смеяться в лицо своего противника. Маленький овал на месте носа судорожно дёргался под каждым смешком.

Томас подошел к сидящей на полу Лии и, взяв её за руку, покинул тренировочный зал. Это был последний день обучающей недели. Уже завтра они вместе отправятся во внешний мир, где девушка будет должна показать, на что способна. После удачного возвращения, она сможет получить возможность жить в безопасности и спасти свою подругу. Находясь в собственной комнате, Томас прокручивал у себя в голове все возможные события, которые могут произойти. Он надеялся, что им предоставят операцию в «зелёной» зоне. Самые первые задания происходят без какой-либо ранней оговорки; это происходит так же спонтанно, как и со всеми остальными. Но Том не сомневался в том, что кто-то из отцов сможет подстроить что-то тяжёлое и опасное, а отец Оскар осуществит задуманное. Юноша молча смотрел на грязный пол, представляя на нём различные схемы и картины возможного будущего. Девушка сидела на своей койке пытаясь найти поддержку в глазах своего учителя, но не получала необходимого внимания. Она чувствовала себя виноватой во всём. Услышав слова Томаса ей казалось, что она погубит и себя, и его.

- Это правда, что ты убежишь если меня выгонят? – спросила она тихо, не отводя взгляда от задумчивого юноши.

Томас резко посмотрел на Лию, будто забыл о её присутствии в комнате. Он был ошарашен тем, что потерял чувство времени и реальности. Девушка жалостно смотрела на него, также смотрели и дети, когда хотели получить утешение и внимание. «Бедолаги» - подумал Томас. Ему пришла в голову мысль, что в отличии от Лии, малыши, что приходили новобранцами в мужской корпус, никогда не ощущали на себе любви другого человека. Они растут четыре года в ужасных условиях, а выбравшись оттуда тренировались на ровне с остальными, никогда не ведая заботы. У них нет симпатии, любви, милосердия и многих других чувств, которыми была наделена Лия. К сожалению, Кайл и Джейк были одними из таких машин убийств. Хоть они и не родились в стенах бункера, но воспитывались соответственно стратегическим нуждам.

Томасу не хотелось врать девушке. Он не собирался облегчать её тяжкую ношу. Только не тогда, когда она должна быть готова ко всему,

особенно к самому худшему. Он присмотрелся к сгорбленной фигуре, пытаясь выявить заметные изменения с первого дня. Её волосы стали более жесткие; она немного набрала массу, и были заметны окрепшие мышцы. Возможно, она набрала десяток килограмм. В былое время это было бы практические невозможно без стимуляторов и добавок, но сейчас в этом была необходимость. Прошедшая нагрузка на организм могла плохо повлиять в будущем, но Томас надеялся, что организм девушки быстро найдёт баланс.

Отбросив мысли и страхи, юноша вернулся к детальному осмотру девушки. Грязная кожа, по-прежнему закрытая и неуверенная поза. Надетая броня не давала ей желанного чувства безопасности. А её взгляд будто и не изменился. Из него сочились мольба и слабость, и возможно, благодарность, за что-то приятное и непонятное Тому. Он ощущал странный магнетизм, исходящий из этих двух кругов. Что-то в этом взгляде было странное, из-за чего сердце билось быстрее, и Томас поперхнулся. Прилив боли от сжатой диафрагмы напомнил ему о том, что есть у каждого из мужчин – страх смерти. Его не было у девушки, но даже смотря на неё, Том ощущал это знакомое чувство. Смотря в её глаза, он видел бессильного труса, будущего мертвеца и запутавшегося в жизни человека. Так себя видел он, но не она. Она была готова войти в этот жестокий и мрачный мир.

- Да, – наконец-то ответил Томас, поддавшись чувству, преследующему его с первого дня их воссоединения. Он всё ещё хотел её защитить, ту самую девочку, с того самого момента, когда принёс её в убежище.

Глава 6. Ужас ночи

Лия ощущала в груди теплоту от услышанного признания Томаса. Ей было приятно то, что он не бросит её на произвол судьбы. С другой стороны, она не могла себе простить то, что своим существованием обрекает своего спасителя на смерть. После последней тренировки он выглядел печальным. Возможно, даже более печальным, чем сама девушка. Лия видела, как Том пытается совладать в своей голове с бурным потоком мыслей и эмоций. Он действительно хотел уберечь её, помочь ей.

К сожалению, она не могла полностью полагаться на возможности юноши так же, как и произошло на тренировке. В любой момент может возникнуть ситуация, где он будет не в силах защитить Лию. Она должна быть готова к тому, что ей самой придётся брать всю инициативу в свои руки. После того, как безносый парень опрокинул её, рука Лии по-прежнему болела, около плеча появился большой синяк. Она начала ещё сильнее ненавидеть того агрессивного юношу; она желала ему всего возможного зла за то, что он сделал с Томом, и за то, что он сделал с ней.

- Нам надо поспать – нас могут отправить на задание в любой момент; будет лучше если отправимся спать, как можно раньше, – сказал Томас спустя несколько минут очередного молчания.

Он забыл повесить обратно на дверной проём тряпку, и Лия подумала, что так надо. Она вместе с Томом отправилась спать. Укутавшись в тонкое одеяло, она смотрела на юношу, что, наблюдая за потолком, очевидно, продолжал думать о предстоящей миссии. Девушка так толком и не смогла понять, что может её ожидать во внешнем мире. По словам Томаса, она знала только одно - там опасно.

Лия не могла уснуть. Прошел ни один десяток минут, – она засекала время по интервалам, когда мерцала лампа в коридоре, издавая соответствующий этому звук. Посмотрев на Тома, она видела, как тот продолжает бодрствовать, уставившись в потолок. Он мог бы шумно переворачиваться с одного бока на другой, как обычно делает, когда спит. Но сейчас он был полностью обездвижен. Лия беспокоилась за него, а он беспокоился за неё. Чем дольше девушка

смотрела на своего друга, спасителя и учителя, тем тяжелее становилось ей самой. Она начала корить себя за то, что его ждёт последнее изнурительное испытания, без какого-либо отдыха. Теперь она и сама не сможет уснуть из-за таких мыслей.

- Можно я прилягу к тебе? – спросила девушка.

Эти слова дались Лии с большим трудом. Она была вынуждена вцепиться ногтями в фиолетовый шарф чтобы набраться решимости. Несмотря на то, что в своей голове она считала это чем-то обыденным и даже наивно детским, что-то всё же кричало ей о совершенно противоположном. Томас удивлённо и медленно повернул голову в сторону соседки по комнате. Он только открыл рот чтобы переспросить её, но понял, что всё расслышал правильно.

- Зачем? – прошептал он, будто опасаясь, что в данный момент их подслушивают. Ведь это было то самое мгновение, те самые слова, которые могли сработать как рычаг для начала катастрофы. В его голосе слышалось понятное возбуждение.

- Мне не спокойно, тебе тоже. Я всегда обнимала Дарью, когда нам было не по себе.

Эти слова сыграли ещё сильнее на паранойи Томаса. Он начал судорожно бегать глазами по комнате, пытаясь выловить что-то лишнее в окружающей обстановке. Он мыслил о том, что ему снится дивный сон, созданный подсознательными желаниями. Несколько раз он пытался дать ответ, но каждый раз ловил себя на мысли, что никак не может подобрать подходящие для этого слова. Лия видела, как Тому дискомфортно. Она осознавала, что ей ничего не остаётся, кроме того, как успокоить его самым проверенным способом, как и успокаивала свою любимую подругу. Поднявшись с койки, она медленными шагами подошла к Томасу и приподняв его одеяло, залезло под него.

Юноша явно не ожидал такого напора со стороны Лии и в начале даже не понял, что происходит. Он медленно отодвинулся в сторону стены за своей спиной, предоставив девушке достаточно свободного места. Он был зажат между гипсокартонном и тёплым телом. Лия осторожно обняла Томаса просунув свою руку за него. Другую руку она разместила на груди юноши, где могла проверить его сердцебиение и дыхание. Томас никак не мог расслабиться, его сердце начало биться ещё быстрее чем до этого, а над головой девушки начало доносится его тяжелое дыхание. Как и с Дарьей, Лия начала монотонно

поглаживать Томаса, внушая ему чувство спокойствия и безопасности. Несмотря на добрые помыслы девушки, юноша всё время был напряжен. Его мышцы окрепли, и он старался не двигаться ни на миллиметр. Постепенно, его сердце начало возвращаться к спокойному состоянию, вскоре оно вернулось уже в привычный темп.

Веки становились тяжелее, и девушка медленно погружалась в сон, наконец-то удостоверившись что и сам Томас уснул. Волшебный сон с гигантским фиолетовым круговоротом снова появился перед ней, но на этот раз он был больше обычного. Лия ощущала настоящий бодрящий жар, исходящий из центра величественного гиганта. Казалось, будто знакомый уже много лет цвет и сон, медленно менял свой вид, постепенно принимая форму человека. Чувство приятного тепла, сопровождал спокойный, почти мелодичный звук, такой тихий, едва достижимый из центра круговорота. Девушка ощутила, как по её руке медленно прошелся холод. От самого плеча, минуя локоть он достиг бёдер. Он был ощутимо будоражащим, враждебным и посторонним. Ощутив чужое присутствие, девушка очнулась ото сна. Её сердце билось в бешеном темпе, а за спиной кто-то стоял и поглаживал её, именно так, как и передвигался холод.

Лия ощущала отвращение каждый раз, когда пальцы незваного гостя возвращались к плечу и снова стекали вниз, словно капли воды. Это пугало, морозило и нагоняло тревогу. Лия сжала левую руку, вцепившись тонкими пальцами в грудь Томаса. Раздался резкий хрип. Девушка услышала, как испуганный юноша открыл глаза и с удивлением посмотрел на таинственного гостя.

- Что происходит? – прошептал Томас.

Фигура у кровати ничего не сказала. Проснувшийся юноша заметил незваного гостя, и явно был не рад вторжению.

- Уже? – продолжал задавать вопросы Томас. – Дай нам несколько минут.

После этих слов, таинственная фигура удалилась, так же поспешно, как проснулась Лия. Томас ещё пару минут смотрел за спину девушки, не собираясь куда-то подниматься или выступать. Тихим шепотом он попытался разбудить Лию, которая уже давно проснулась самостоятельно. Она умолчала про то, что знает о госте. Ей не хотелось ещё сильнее пугать Томаса. Она, как-никак, должна

хотя бы иногда решать свои проблемы сама и, по возможности, помогать Тому.

Когда Лия уже полностью оделась для выхода, Томас был только на половине подготовки. Девушка заметила, как медленно и вяло вел себя юноша. Он, тоже осознавая свою медлительность попросил Лию отправиться в столовую, чтобы она взяла с собой еду.

Юноши в столовой так же молча встречали девушку, как и раньше. За каждым действием Лии они пристально следили, стоя за плитами и сидя за столами. Девушка наполнила банку уже привычной коричневой массой с комками и отправилась обратно в комнату. По пути к выходу, она начала слышать активные шепот поваров. Возвращаясь в комнату, она встретила Томаса, что, одевшись выходил с оружием Лии, а его собственная винтовка висела на плече.

Указывая путь, Том направился с Лией в ангар, где девушка осматривала высокие потолки и большие бронированные машины. Они были расставлены одним рядом в центре ангара. Для девушки они были похожи на горы слипшихся кусков металла. Где-то вдали ревела пила и шипела сварка. Громкое шипение незнакомых инструментов звучали так же враждебно, как и действия тайного гостя. Лия в страхе прижималась к Томасу.

Свободными шагами они сократили дистанцию до группы людей, что стояла у одной из машин. Люди внимательно рассматривали опаздывающих бойцов и больше всего – саму Лию. Томас всё время смотрел куда-то в сторону и, когда они оба достигли точки встречи, не сразу начал говорить с чернокожим мужчиной.

- Что на сегодня? – спросил Том.

- Сегодня у нас разведывательно-спасательная операция, - проговорил под диктовку Нейт. – На прошлой вылазке один из наших рекрутов потерялся. Мы попытаемся его найти и вернуть. Надеюсь, мы не найдём его безжизненный труп, разорванный на части. – В последней части отчёта Нейт подчеркнул возможное состояние погибшего товарища, параллельно пристально уставившись на Лию. Так он пытался её запугать ужасающими образами.

- Нейт! – грозно и недовольно проговорил Томас, надеясь образумить мужчину от умышленной попытки деморализации собственного боевого состава. Мужчина только недовольно покосился на вспыльчивость юноши. – Хватит.

- Заходим, – сказал Нейт, пробираясь вглубь бронемашины.

Томас был сильно удивлён составу собравшегося отряда, ведь и сам Нейт отправляется на вылазку во внешний мир, впервые за последние пару месяцев. Вместе с ним был только Адам и Скай. Всего на вылазку отправлялось пять человек. Нейт с Адамом и Скаем уселись, с одной стороны, Томас с Лией заняли другую. Девушка сильно нервничала в незнакомой компании и прижалась к Тому ещё плотнее.

- Мы здесь, чтобы проследить за её испытанием и оказать поддержку, если это будет необходимо, – сказал Скай, когда пассажирский отсек машины начал закрываться. Он улыбался и хотел предстать перед девушкой дружелюбным. – И будем судить её результаты.

Томасу не понравилось то, какая компания собралась на решающее испытание. В таком выборе он подозревал отца Оскара, который выбрал большим числом людей, относящихся к Лии негативно. Испытуемая всё продолжала молчать. Ей было страшно говорить перед сидящими напротив неё людьми. Она опасалась, что своими словами сделает только хуже. Лия даже имён их не знала, но чувствовала в их взглядах все мысли.

Том не долго смог выдержать неприятно неудобных сидений. Через несколько минут пути он поднялся на ноги и по своей любимой привычке смотрел в амбразуру. Лия видела, как этим начал заниматься только Томас. Вскоре она также поднялась к нему, и тоже смотрела через зазор в броне.

Весь путь машины для Лии был наполнен загадочными образами. Для неё, всё окружение никак не изменялось, но она чувствовала нутром, что вокруг неё что-то происходит, что она никак не могла объяснить. Все вокруг неё были спокойными, но внутри Лии было ощущение движения. Наблюдая вслед за Томом в амбразуру, она видела только темноту, которая создавала больше вопросов. Это продолжалось очень долго, и, непрекращающаяся гнетущая обстановка начала сильно действовать на нервы. Лия ощущала каждый взгляд сидящих рядом с ней мужчин. Она чувствовала, как они проклинают её и надеяться на скорое поражение. Сердце билось быстро от ощущения стыда, страха перед присутствующими и странного внутреннего чувства движения. Это вызывало тошноту и

головокружение. Девушка была вынуждена взяться за руку Томаса, чтобы успокоится и не упасть.

Присутствие Тома успокаивало девушку. Она почувствовала себя бодрой и спокойной. Она знала, что именно он сможет разделить с ней всё хорошее и плохое. Он был словно собран из самых приятных вещей, которые когда-либо можно найти. Лия доверила бы ему всё что угодно. Он её не подводил, и она верила, что никогда не подведёт. Томас чувствовал, как крепко девушка сжимает его руку, вместе с этим он ощущал невидимую хватку Нейта, вцепившуюся прямо в шею. Дракон только и думает, как избавиться от главной угрозы убежища. Даже Скай и Адам начали сомневаться в верности и здравом рассудке своего товарища. Они смотрели на него, как на предателя, что находится на краю пропасти. Свалившись в её чертоги, Том ни за что не выберется, и никто ему не поможет.

Томас стал гадать, как может окончится их операция. Нейт будет груб и не зачтёт испытание Лии, если только не случится чудо. У Адама к девушке личные счёты. Сейчас на его щеке красуется повязка, закрывающая рану. Он может отомстить ей, к тому же она забрала его комнату. Если у кого-то и есть веские причины ненавидеть Лию, то только у него. Скай держит нейтралитет. Если что-то и говорит в нём «нет», так это только то, что он привык к обществу парней и может просто опасаться перемен. Он может пойти на поводу Нейта и Адама, и делать то, что скажут они. Никто из этой компании не будет на стороне Лии.

- Как выглядит внешний мир? – поинтересовалась Лия, наклонившись к Томасу.

Все люди сидели не далеко друг от друга, и девушку было превосходно слышно всем кроме водителя. Услышав вопрос Адам усмехнулся.

- Это место откуда люди были изгнаны. Наш родной дом куда мы хотим вернуться в будущем. – Адам говорил максимально нейтрально, не пытаясь своими словами запугать девушку. Он поступал, как любой сдержанный взрослый, наблюдая за всем молча и подкармливая голодных на знания новобранцев. Но его интонация звучала, будто через железную маску, что имитировала лицо живого человека. Вместе с ней его голос был холоден и мрачен.

«Дом…» - подумала Лия, представляя длинную и высокую комнату, с огромным количеством кроватей и ламп. Уставив взгляд дальше через амбразуру, она видела лишь темноту, но это ей только помогало представить, насколько комната большая. Ночь снаружи только и доказывала, что в этой комнате никого нет, поэтому свет и выключен.

Томас надеялся, что его старый товарищ не сильно обозлен на девушку за то, что она сделала с самого первого дня своего пребывания среди мужчин. Она лишила его многого. Начиная от любимого спального места, заканчивая уважением среди собственных собратьев. Несмотря на это, он не пытался вести себя с ней как враг. Он выглядел человеком, что выполняет обычную роль наблюдателя, и Том был рад этому.

Вскоре, когда в кабине снова воцарилась мёртвая тишина, машина начала замедлять свой ход. Том и остальные поднялись и начали смотреть в амбразуры. Лия всё ещё смотрела в одну точку, но она ничего не видела. Прошла пара минут перед тем, как начало происходить хоть что-то.

- Открывай, – раздался голос Томаса, когда он повернул голову в сторону кабины водителя.

Ничего не произошло.

Недолго выжидая, юноша повторил свою команду. Подойдя вплотную к кабине водителя, он увидел, как тот никак не реагировал на поступивший приказ, даже не посмотрел на Тома.

- Тебя понизили, Томас, как и ожидалось, – сказал Нейт, не отвлекаясь от оценки внешней обстановки через амбразуру.

- Как это понимать? Я её учитель и обязан экзаменовать.

- Понимай как хочешь. У тебя больше нет прав, ты снова рядовой боец. – Нейт отошел от смотрового отверстия и повернувшись к Томасу, он смотрел на него пытаясь внушить последнему чувство беспомощности в проведении всей операции. – На заданиях надо относиться к людям, как к солдатам. Опустить трап!

Только после этого приказа трап начала опускаться. Без какой-либо оборонительной расстановки солдат, все начали медленно выходить наружу. Лия последовала за всеми, но была остановлена рукой Томаса, который, выбравшись из машины, начал оглядываться.

Девушка наблюдала за тем, как юноша нервно осматривался вокруг. Движением руки он подманил к себе затаившуюся девушку.

Лия медленными шагами начала выходить во мрак за пределы бронемашины. Выбравшись наружу, она никак не могла увидеть хоть что-то. Она могла видеть только слабые очертания людей с маленькими светящимися цилиндрическими формами и сам транспорт, в котором она приехала.

- Подожди, пусть глаза привыкнут к темноте, – сказал Томас, опустив руку на плечо девушки.

Лия послушно оставалась рядом с тем, кому доверяет больше всего. Она смотрела вдаль темноты выжидая, когда сможет различить хоть что-то новое.

Медленно на глазах девушки начали появляться новые узоры и предметы, которые раньше она просто не замечала, потому что те были скрыты в непроглядной тьме. Некий позыв изнутри её сердца твердил ей: «посмотри вокруг, выше, оглянись». Детское любопытство взяло вверх. Физически взрослый человек взглядом ребёнка решил осмотреть новый мир. Мир, который раньше принадлежал ей, и таким же, как и она.

Немыслимо огромная комната расширялась настолько далеко, что девушка не могла увидеть дальние стены. Её высота поражала самое богатое воображение. Маленькие точки вверху казались схожими с люстрами и лампами из родного корпуса. Вдалеке от себя девушка видела дома выше её в сотню раз. Они все уходили далеко к потолку. У каждого дома было много небольших отверстий, в которых Лия видела стены и потолки поменьше, а также мебель и рамы. Ориентировочно, девушка смогла предположить, что каждое такое пустое отверстие является одной комнатой более маленького размера, нежели та, в которой она находилась в данный момент. В них могли жить два человека, так же, как она жила с Дарьей или Томасом.

Они все пустовали. Они беззвучно смотрели на шокированного гостя. Не было слышно отдалённого смеха или бодрого разговора между людьми, нигде не горел свет, в воздухе не витал запах еды или чего-то ещё, что мог воссоздать человек. Вся эта гигантская комната... вся она была пустой, тихой и мёртвой. Десятки, сотни, тысячи комнат. Картина вокруг Лии напоминала ужасный памятник былому человеческому величию. Неизмеримого размера монумент

исчезнувшим людям. Заполненное именами до неразборчивости надгробье. Их количество сводило с ума, проникало в самые далёкие корки сознания, заставляя ощутить собственную беспомощность, и всех остальных, кто был рядом с ней. И это были только дома. Одно небольшое многоэтажное здание повергло Лию в шок. Она осмотрела его и убедилась, что только небольшую часть этого гиганта могли занять все женщины её корпуса. Но их было мало. Мужчин было ещё меньше, в отличии от всех комнат самого дома и многих других зданий. Словно только маленькая часть людей смогла выжить. Настолько маленькая, что, в глазах Лии, она была просто несущественной.

Во всем этом хаосе старого мира царило мёртвое молчание. Если люди и вернут свой дом, то их всё равно не будет слышно на этой огромной территории… настолько жалко было их количество. «Восстановление популяции людей», - так говорил один из мужчин, походила на фантазию маленького ребёнка на фоне этих зданий и неизмеримо огромного неба. Здесь нет детей, их родителей, одиноких стариков, подростков и всех остальных. От них остались только грязные и серые куски мусора. Маленькие коляски размером с младенца намекали на то, что случившееся со всеми людьми, не пожалело даже столь маленьких и невинных созданий. Всё это было ужасно... всё это было бессмысленно.

«Наш родной дом», - в голове Лии повторились слова Адама. Девушка уже никак не могла смириться с ужасной судьбой, настигшей всех людей. Они были как в бункере одной большой семьей: матери, братья, сёстры и отцы. Их больше нет. Больше никогда и не будет. Начали появляться и новые вопросы: «как быстро всё это произошло?», «Когда это случится и с нами?». Размышление на подобные темы только сильнее вгоняли девушку в отчаяние и страх.

Грудь начало сжигать изнутри от самих мыслей, что мучают девушку. Она потеряла самоконтроль – именно то, что должна была возвести до совершенства за короткий срок, когда на протяжении семи дней тренировалась вместе с Томом. Лия упала на колени. Скорчившись, она пыталась дышать. Она только сейчас начала трезво осознавать, как пахнет этот мир, какой в нём отвратительно непривычный запах, обжигающий ноздри. Это был запах смерти, запах миллиона погибших людей. Её всю трясло от одной лишь мысли

бессмысленной борьбы целого человечества. А их старый дом нёс в себе запах светлого прошлого, и, вместе с тем, угрюмого настоящего и трагичного будущего. Если все они в такой большой комнате исчезли навсегда, то как быстро исчезнут люди в маленьком убежище? Горло пересохло от быстрого дыхания, шею начала сжимать незримая сила, всё тело горело. Начался приступ болезненного кашля, напоминая с каждым вздохом то, как девушка слаба и одинока.

- Что происходит? – подбежал к ней Нейт. Его голос звучал разгневанным тоном, нежели обеспокоенным.

- Я не знаю, она только вышла, – встревоженно ответил Том.

Они оба склонились над девушкой, пытаясь её поднять и отнести обратно в машину. Без каких-либо усилий они смогли посадить Лию на свободное место и пристегнуть ремнём.

- Ты в порядке? – поинтересовался Томас.

Девушка ничего не ответила, она лишь подняла голову и извиняясь смотрела на юношу. Из глаз стекал непрекращающийся потом слёз. Их немой диалог длился уже по знакомому сценарию, где девушка просила прощение перед парнем за её слабость, а он взамен прощал её.

- Том, у нас задание!

Юноша начал уходить. Вслед за ним Лия подняла взгляд, провожая того, кто пытался её защитить, но не сможет защитить самого себя от этого жестокого мира. Снаружи машины она видел Нейта, что держал на своём лице слабую и довольную улыбку. Он был рад. Ему давно всё было известно. Он с самого начала был прав. Вслед за ними поднялся трап, что отделял девушку от внешнего мира. Она словно опять оказалась в той комнате со слабым красным светом, снова чувствую себя беспомощной и одинокой.

После пары минут выжидания, Лия начала ощущать, как медленно успокаивается её тело, а дрожь постепенно угасала. Воздух стал более привычным и прохладным. В голове осталось чувство слабости, зрение всё ещё было размытым и не четким. Она не могла себе позволить сдаться, она не могла себе позволить проиграть, после столь долгой борьбы и подготовки, после стольких падений и ударов. Она ведь подводит не только себя саму, но и Томаса, – юношу, что готов отречься от своего будущего и настоящего, чтобы быть с ней. Даже Дарья будет страдать от того, что Лии не станет. Расстегнув

ремень от кресла, девушка поднялась в полный рост. Каждый новый шаг к закрытому трапу давался тяжело. Её клонило в разные стороны, ноги были ватными. Она часто запиналась. Но даже так, она была способна к ведению боя. Лия не зря училась у Тома всему, что может ей пригодиться в этом опасном мире. Трап не опустился даже после слабого толчка со стороны девушки.

- Откройся! – громко проговорила Лия, вспоминая, что только так трап открывался в прошлый раз.

Девушка ударила ногой по железной поверхности. Наклонившись вбок, она вцепилась руками в поручень, чтобы не упасть.

- Открывайся!

- Заткнись! Не открою, – раздался крик с противоположной стороны машины.

Девушка в удивлении обернулась. Она увидела выглядывающего из дальнего окна мужчину, что недовольно смотрел на неё.

- Садись на место.

Лия не собиралась садиться обратно. Она в ответ также недовольно смотрела на водителя транспорта. Для неё он был словно маленьким боязливым ребёнком, что сидел в безопасности, пока его друзья и братья выходят в опасный и враждебный мир, где рискуют своей жизнью ради таких трусов, как он.

- Боишься? – поинтересовалась Лия, размышляя, что возможно, она просто не всё правильно поняла.

- Пожалуйста… - сделав небольшую паузу после оскорбления девушки водитель нажал на необходимую кнопку, впоследствии которой трап в пассажирском отсеке медленно начал открываться.

Поток прохладного воздуха окутал Лию. Она чувствовала, как в нём летает уже привычный запах металла и сажи, вдобавок к этому был сильный и неизвестный ей сладкий аромат, что ощущался на кончике языка.

Вокруг не было никого, только пустые улицы и большие стены, уходящие далеко вверх. Девушка отправилась туда, куда велела ей интуиция – в стоящий неподалёку небоскрёб, в который, как она чувствовала, ушли остальные мужчины. Подходя ближе к тёмному строению, Лия начала понимать, насколько большая комната в которой она оказалась. Она осознавала, что исчезнувших людей становилось всё больше и больше, чем могло показаться ей изначально. Комната

была не только огромная в высоту, но и в длину и ширину. Находясь на первом этаже здания, она смотрела на пустые коридоры не представляя, насколько много здесь можно было разместить кроватей. Их было больше сотен, сотен тысяч.

Где-то в дали коридоров перемещались цветные блики. Отражаясь от различного мусора и стен, они слабо освещали путь вдаль. Дополнительно к приятному на вид свету, эхом разносились знакомые шаги. Лия смогла услышать знакомую медленную и осторожную походку Томаса. Она пошла за ним, чтобы сказать ему, что с ней всё хорошо. Поведать, что она готова действовать дальше, ради него, ради Дарьи и ради себя самой.

Чем дальше Лия уходила вглубь выбранного коридора, тем сильнее ощущала новый сладковатый запах, и запах крови, к которому уже успела привыкнуть. Иногда она теряла блики от света, и ей приходилось несколько раз сворачивать в случайно выбранные коридоры. Пытаясь увидеть слабый свет, исходящий от Томаса, она продвигалась в полной темноте. Каждый шаг становился всё осторожней и осторожней, под ноги стали попадаться стальные прутья и камни.

Покинув тесные помещения, девушка вышла в большой зал, где, потеряв на ощупь холодные стены, начала медленно уходить вглубь новой комнаты. Именно здесь запахи ощущались сильнее всего, словно именно отсюда они и исходили. Дополнительно к ним разносились слабые звуки, доносящиеся из глубины непроглядной тьмы. Что-то похожее на чавканье, слабое рычание и то, как чем-то острым скребут по каменному полу, издавая тихий и пронзительный скрип.

- Томас? – спросила девушка у пустоты.

Нечто из пустоты не ответило. Оно отреагировало только тем, что все издаваемые звуки резко исчезли. Лия продолжила идти дальше. Протянув вперёд руку, она надеялась наткнуться на привычное плечо нужного ей человека.

- Лия, стой, – раздался знакомый шепот со стороны.

- Томас! – девушка с криком развернулась в сторону, откуда донеся голос юноши.

- Лия, стой!

Из темноты откуда раньше звучали странные звуки, к которым в самом начале пыталась прийти Лия, знакомый скребущий звук начал раздаваться громче и ближе. Дополнительно к нему прибавились тихие шлепки. Темнота отступила из-за появившегося луча света. Девушка увидела длинную комнату, конца которой она даже не могла увидеть при свете. На полу, в середине освещённого участка, находилось пять неизвестных девушке существ. Три из них были светло-розового оттенка, последние были бледными, как кожа у Лии. Они чем-то напоминали девушке людей, но выглядели и вели себя совершенно иначе. Все их лица были странным образом искажены, кто-то имел при себе нарывы и большие шрамы, кто-то имел воткнутые в собственное тело штыри и металлические пластины. Каждое из созданий выглядело уникально, не похожим друг на друга. Несмотря на пары конечностей, знакомые глаза и общий вид, девушка никак не могла представить то, что эти существа раньше могли быть людьми. Для неё это был совершенно другой вид живых существ. Не люди, а странные создания, что вели себя как настоящие животные.

Из-за вспышки яркого света, существа начали щурить глаза и агрессивно шипеть. Одно из созданий стало приближаться к своим жертвам. Лия видела, как оно пристально смотрело на неё, передвигаясь всё ближе и ближе к ней. Она вспомнила, как на неё напал Кайл, и, как сильно опрокинул её на пол. Какой она была беззащитной, как её был вынужден защищать Томас, сражаясь со своим соперником не на жизнь, а на смерть. Всё происходило очень быстро. Лия побоялась воспользоваться огнестрельным оружием, и решила перейти на ближний бой. Вспомнив все учения, она достала нож, приготовившись к тому, что ей придётся защищаться.

Существо начало ускорятся, перейдя на бег. Оно было готово к бою. Лия тоже была готова. Её нож крепко держался в прочной двуручной хватке. Поза девушки была устойчивой и уверенной; она соблюдала прямой зрительный контакт со своей целью. Секунду спустя девушка уже находилась в полёте. Её снова опрокинули на пол. Твёрдая поверхность грубо встретила упавшую девушку. Боль знакомой волной обошла всё тело. Старый синяк взвыл с новой силой. Удар пришел с самой нежданной стороны. Том на бегу вытолкнул Лию с траектории атаки существа, тем самым спас её от нападения. Подняв глаза от серых плит, девушка видела, как в нарукавник Томаса

вцепилось острыми зубами существо. Был слышен хруст зубов и костей, металл скрипел, прогибаясь под давлением крепких челюстей.

- Нет! – протестовала девушка. В её крике было осуждение юноши за то, что он помешал ей защитить себя самой. Она ощущала горечь от недоверия Томаса, страх перед тем, что он сам пострадает или погибнет.

Лия поднялась обратно на ноги и ринулась на помощь юноше. Нож по-прежнему находился в её руке. Ударом вслепую она попала в грудь создания. Взвыв от боли, оно отпустило свой захват и начало проклинать своим воем девушку, демонстрируя наличие небольших стальных игл, расположенных внутри ротовой полости. Зловоние, доносящееся из модифицированной пасти, заставило девушку ослабить хватку из-за нового приступа тошноты. Томас ударил кулаком по макушке существа, вдавив кости черепа и образовав солидную вмятину. Томас всё же был сильным, но не настолько, чтоб легко ломать кости. Причина такой зрелищной травмы была в ослабевших телах сборщиков.

Перехватив висящую за спиной винтовку, Том начал стрелять по нападавшим противникам. Лия впервые слышала выстрелы вблизи, – сейчас они разрывали её чувствительные уши своим агрессивным и враждебным грохотом. Она могла на своей коже ощутить исходящую от них мощь.

Не успела девушка опомниться от грохотов и воплей боли, как после потери ножа она сразу заметила, что является целью для очередного создания. Набрав допустимую для мощного прыжка скорость, мясник набросился на Лию. После прыжка они скрылись в темноте коридора, откуда пришла девушка. До того мрачного прохода не дотягивались даже лучи осветительной палки. В этом исчезновении девушка ни оставила после себя ничего, кроме скрипа железной брони по каменному полу и исходящих из-под него искр, животного рыка и напуганного вскрика.

- Лия! – перепугано начал кричать Томас. Он надеялся услышать скорый ответ, но ничего не доносилось до его ушей, кроме грохота винтовки и воплей от боли, подстреленных им же сборщиков и мясников.

Юноша пытался как можно скорее добраться до коридора, в котором исчезла его подруга, но частые попытки повернуть голову и

смотреть куда он отступает только усугубляло его положение. Из-за отвлечения внимания и сильной усталости Том стрелял менее точно. Некоторые выстрелы попадали рядом с существами, некоторые проносились на недопустимом для опытного стрелка расстоянии. Твари хитро отпрыгивали в стороны, маневрируя между своими собратьями, пытаясь запутать человека. Одно из созданий добралось достаточно близко чтобы укусить Томаса за ногу. Стальные болты вместо зубов разорвали защитную пластину на ноге юноши, и погрузились в плоть. Том начал шипеть от боли и упал на колено. Ему казалось, что его конец неизбежен.

Томас ударил прикладом вцепившуюся в него тварь, но после бессмысленной попытки избавиться от существа, голову которой защищала стальная пластина, решил действовать иначе. Он продолжал стрелять из винтовки, не позволяя остальным созданиям приблизится ближе. Один из выстрелов разнёс голову сборщика в клочья. Вместо половины лица что была стёрта до черепа, осталась массивная дыра, сквозь которую наблюдалась плитка пола. Томас почувствовал лёгкий толчок со стороны ноги, вместе с ним активные попытки разорвать человеческую конечность прекратились. Агрессивно настроенное существо притихло и замерло. Томас уже потерял всю надежду выбраться живым из этого злосчастного здания. Он ожидал, что с секунды на секунду увидит на периферии своего зрения острые стальные зубы, метящие в шею.

Не успев повернуть голову, он заметил, как рядом с ним прошел Адам, что, держа дробовик на уровне груди, стрелял в сторону последнего видимого существа. После нескольких точных выстрелов, мясник с большим количеством шрамов и волдырей перестал двигаться и издавать звуки. Даже тот, что зубами вцепился в ногу юноши, лежал с пробитой спиной. Скай подошел к своему раненному товарищу и начал осторожно высвобождать его ногу от крепкой посмертной хватки монстра. Как напоминание об этом нападении у Томаса осталась разорванная броня и торчащий из ноги гвоздь.

- Где девчонка? – подходя, спросил Нейт. Он бегло осмотрел помещение удостоверившись, что её нет нигде поблизости. – Мы слышали её. Где она?

Томаса накрыла волна страха. Он вспомнил, как минуту назад её откинул в сторону один из нападавших мясников. Они вместе

скрылись в темноте откуда до сих пор никто не выходил. Поднявшись на ноги и не позаботившись о свежей ране, он направился к проёму, где последний раз видел девушку. Остальные последовали за ним. Они знали, что Том приведёт их к ней.

Осветительные цилиндры отряда разрезали тьму коридоров. Они бродили по коридору, в попытке найти девушку или следы, что могли остаться от неё. Вскоре, каждый луч остановился на одном и том же месте. Они все были загипнотизированы открывшейся картиной: на освященном участке в бликах света выделялась большая лужа крови, в центре которой девушка сидела на поверженном враге. Она продолжала наносить удары ножом в его грудь несмотря на то, что создание было мертво ещё после первого удара.

Даже угрюмый и сомневающийся в ней Нейт, испуганно наблюдал за сильной метаморфозой девушки. Слабачка, что десять минут назад падала на колени в ужасе и плакала, выглядела сейчас словно живое воплощение самого страшного кошмара. Ни свет, ни голоса знакомых людей, ни даже то, что лезвие ножа проходило сквозь всё тело существа и соприкасалось с камнями не останавливало девушку. Глядя на неё все вспоминали ужасные события и неприятные встречи, в которых им ранее приходилось быть свидетелями. Они вспоминали самый настоящий ужас, когда только-только начинали жить в этом новом мире.

Адам с Томасом и Скаем направились к девушке. Только с помощью совместных усилий они смогли остановить её и вернуть в чувства. Она ослабла и упала в обморок. Юноши отнесли её обратно в машину, несмотря на то что Нейт не давал на это разрешение. Темнокожий мужчина никак не отреагировал ни на что, продолжая вкушать остаточные эмоции после увиденного события. Девушка была без сознания, но даже в таком состоянии она продолжала крепко сжимать нож в руке. Присмотревшись к нему, Томас узнал клинок, от которого недавно уклонялся в драке с Кайлом.

Увиденное было действительно шокирующим. Том даже забыл о том, что где-то поблизости могли находиться другие противники. Но он верил, что запах гнева и смерти, исходящий от Лии, напугает любое создание, и таким образом Томас и Скай были в большей безопасности, чем кто-либо другой.

Весь путь назад был спокойным. Скай с хромым Томасом усадили девушку на сидение и зафиксировали ремнями. Нейт с Адамом остались внутри здания. Они продолжали искать главную цель миссии. Том был вынужден остаться с Лией, которая доказала, что способна за себя постоять, и юноша знал, что она успешно прошла испытание. Он был рад за неё и одновременно обеспокоен. Не прошло и часу как вернулись остальные бойцы. Они нашли погибшего, забрали его оружие и броню. Тело оставили там, где оно и было найдено. Всё прошло так же, как и всегда, когда находят погибшего. Девушка сидела бессознательно в кресле, не слушая жестокие размышления мужчин о произошедшем. Даже Нейт уже сомневался в её возможностях. Вспоминая увиденную им картину, он мрачно улыбался, глядя на девушку, что всё ещё сжимала нож.

Глава 7. Друг

Весь отряд благополучно вернулся домой. Никаких новых происшествий не происходило. Лия так и не пришла в сознание. По возвращению в бункер Нейт отправился к отцам, чтобы предоставить отчёт об операции. Адам зря время не терял и нашел некоторые важные вещи, которые сразу отнёс Сайку, Томас со Скаем отнесли девушку в комнату. По дороге они ловили на себе любопытные взгляды остальных людей. Том заметил, как Скай смотрел на Лию: в его глазах читалось уважение и страх. Сам Томас по-другому начал воспринимать Лию. Он теперь не смотрел на неё как на человека, который стал заложником ситуации. Она теперь была среди похожих с ней людей – среди бойцов.

- Я ничего не успел сказать Нейту, но как ты думаешь? Она ведь прошла? – поинтересовался Скай наблюдая, как беспомощно на койке лежит девушка.

- Прошла. Я знаю.

- Том, это знаменательный день. К нам в ряды солдат вступает девушка и теперь она будет работать с нами плечом к плечу. Мы сможем быть копией Граунд-Хилла. – В интонации Ская проглядывалось волнение и радость.

Томас решил промолчать о том, какой раньше была жизнь в убежище, которую он сам когда-то забыл. Ему довелось увидеть положительные изменение в поведении и мышлении своего друга, но он всё же боялся того, что тот может неправильно себя повести, если узнает о том, чего хочет Томас. Ему самому хотелось бы, чтобы их бункер был копией Граунд-Хилл, где все живут бок о бок: женщины и мужчины выполняли равные друг другу обязанности, без приказов, без ограничений; там каждый мог сказать и сделать всё, что думает, там девушки могли объединиться в семьи с юношами, родить детей, и не потому, что это нужно, а потому, что этого им хотелось.

Раньше это была мечта Сайка, но из-за того, что многих это не устраивало, он просто замолчал и начал забывать о ней. Сейчас он жалеет о том, что сдался, жалеет и Томас. Им обоим следует всё

обсудить, ведь то, что случилось с Лией, является важнейшим шагом для всех людей в бункере.

- Может быть наступит день, когда дверь в женский корпус откроется. Они все выйдут к нам, и мы будем жить помогая друг другу. Сменим роли господ и рабов на друзей. – Скай сделал небольшую паузу. Он наклонился и пристально уставился на Лию. – Я помню свою первую «ночь продолжения», тогда мне попалась девушка, что уже проходила через это. Она просто лежала на кровати, вся сжавшаяся в простыни, сверлила меня ненавистным взглядом. Мне даже казалось, что я ненавижу сам себя больше, чем она меня. Я уважаю тебя, Томас, за твою твёрдость, и за то, что ты не побоялся идти наперекор воле отцов. Ты сделал то, чего не смог я, и многие другие.

Томас молча смотрел на откровение Ская. Ему были понятны и близки его слова. Он уже видел в своем напарнике большего союзника, чем раньше. Ободрительно похлопав друга по плечу, Томас не смог ничего сказать в этом же ключе, только то, что могло бы помочь юноше не нажить себе новых врагов.

- Не говори только об этом при всех, ведь тебя могут услышать те, кто против таких перемен. Сам знаешь, как ко всему относится большинство наших братьев. Они видят в этой обязанности развлечение, и только рады повторять всё снова и снова…

- Том, Кайл думает убить её. Если она останется, боюсь, он перейдёт к выполнению своего плана.

Эта фраза уничтожила всю былую атмосферу надежды на светлое будущее. Том боялся за жизнь Лии, а Ская тревожила мысль, что внутри стен убежища хотят совершить умышленное убийство человека. Томас ожидал на своей койке врача, который прибудет для того, чтобы помочь ему с полученной в бою раной. Никто из тех, кто был на задании не позвал врача – у каждого появились свои важные дела. Не поняв сразу что с раной надо что-то делать, Скай отправился в медицинский кабинет сам. Томас послушно ждал на своей койке. Уже привыкнув к боли в ноге, он смотрел на торчащий из металлической пластины гвоздь.

Том уже сбился со счёта, сколько раз он встречал монстров, и скольких он уже убил. Но он уже долго не получал ранений, очевидно, его полоса везения иссякла. Если раньше ему доводилось держать всех мясников и сборщиков на расстоянии, сейчас он даже с трудом смог

защитить самого себя. Отсутствие нормального питания и длительного сна уничтожало его изнутри, делая вялым и слабым всё тело. Последнюю неделю он отдал на то, чтобы дать жизнь Лии, причём жертвовал своей. Дальнейшее развитие событий и жизни Лии в убежище не предвещало никакой надежды на скорый отдых. Наоборот, пока Кайл враждует с девушкой, она каждую минуту находится напротив дула ружья или лезвия ножа. От всех этих мыслей голову начала раздражать мигрень.

На колено юноши нежно упала чья-то рука. Томас поднял взгляд и увидел Лию, что, стояла на коленях и нежно смотрела в его глаза. Боль сняло как ветром, и, юноша почувствовал себя бодро и уверенно. Он в ответ улыбнулся девушке.

- Ты ранен, – осторожно произнесла она, разглядывая торчащий из ноги гвоздь.

- Сейчас придёт ветеринар и поможет мне.

К большому сожалению, во всём убежище был только один человек с медицинским образованием – ветеринар. Во время заселения гражданских и военных в бункер в списке числился целый десяток специалистов. Часть погибла во время переворота, другая из-за попыток изучить монстров.

Девушка продолжала смотреть на рану юноши, не представляя какую боль ему приходится терпеть. В спокойном состоянии рана Томаса только немного жгла, больнее всего ощущения поглощали его ногу, когда он пытался ходить. Тогда, он ощущал каждой клеткой, как гвоздь двигается в мясе, продолжая то просачиваться дальше, то немного выдвигаясь назад.

Лия всё же поступила так, как посчитала правильным: пока Томас размышлял о различных вещах, которые ему стоит привести в исполнение, он даже не заметил, как девушка сняла металлическую пластину с его ноги. Осознание пришло только тогда, когда он услышал звук упавшей детали его бронированного костюма. Это было так незаметно, так филигранно и быстро, что Том никак не мог поверить в то, что произошло. Он ещё не всё узнал про эту девушку, ни её мышления, ни способностей. Она может оказаться самым способным человеком во всем бункере. Всё, о чем они говорили по большей части было то, что Томас что-то говорил о мужском корпусе и мире за пределами бункера, и Лия говорила о своём доме. Всё это

были истории, которые никак не могли поведать о том, кем всё же является Лия. В комнату вошел долгожданный врач.

- Отойди от пациента, девочка, – сказал он, находясь ещё у дверного косяка.

Лия подняла взгляд и увидела знакомую фигуру в бело-сером халате. Она узнала того самого человека, что неделю назад сделал ей инъекцию, после которой она стала слабой и беззащитной. В её глазах пролетела искра ненависти, а на лице отразилось неприязнь. Вместе с видом врача, она вспоминает вкус крови во рту и пульсирующую боль у глаз.

- Чего ты так смотришь на меня? Ты должна быть благодарна, ведь из-за моей системы питания и набрала массы.

- Я просто хочу помочь, – ответила девушка, не продолжая отходить от Томаса.

- Том… – предупредительно сказал врач, намекая на то, что неучи не должны попадаться ему под руку.

- Всё в порядке, она справится, – спокойно произнёс Томас, кивая в сторону мужчины.

Вошедший человек сел рядом с окровавленной ногой юноши. Разрезав штанину, он начал разглядывать полученную в бою рану. Содранная кожа, потёртости, несколько режущих ран и одна колотая из которой всё ещё торчал гвоздь. Ему довелось видеть множество повреждений, от самых незначительных до более критичных. Рана Тома была самой распространенной, и врач мог залатать её даже с закрытыми глазами.

- Говоришь, хочешь помочь? – Ветеринар вопросительно обернулся к Лии. Та лишь одобрительно кивнула в ответ.

Мужчина положил перед ней небольшой ящик, и раскрыв его, продемонстрировал весь ассортимент необходимых медицинских принадлежностей. Он подробно сообщил девушке, что делать с ногой Тома, как это нужно сделать и, что для этого нужно использовать. Лия слушала наставления внимательно, перемещая свой взгляд с ящика на ногу пациента.

- Медленно или быстро? – прозвучал вопрос Томасу.

- Быстро.

Почти сразу по получению ответа, ветеринар одним движением вырвал гвоздь из ноги Тома. Из-за возникшего нового болезненного

ощущения, юноша взвыл сквозь сжатые зубы, крепко вцепившись пальцами в матрас. Лия не получила никакого предупреждения о том, что они уже начинают лечить Тома, поэтому, после осознания происходящего, она была вынуждена сразу по возможности обеззаразить рану и наложить бинт. Она почти всё сделала самостоятельно, кроме того, что узел на бинтах завязал уже врач.

- Поздравляю Том, теперь у тебя есть напарник с опытом в оказании первой медицинской помощи. – Врач приободрил своего пациента и его напарницу, параллельно собирая все вещи обратно в ящик.

Томас лежал на койке, пытаясь отдышаться от нахлынувшей волны боли. Рядом сидела Лия. Она внимательно следила за состоянием юноши. Врач сразу покинул помещение, не дожидаясь того, как пациенту станет легче. У ветеринара всегда было полно забот и мыслей. Его было тяжело выловить хотя бы ради дружеского разговора о пустяках.

Томас в предвкушении ожидал того, как за ним с Лией придут с предложением встретиться с отцами, где будет оговорен вердикт проведённой операции и решена дальнейшая судьба Лии. Юноша с легким испугом вспоминал то, как Лия разделалась с одним из мясников. Несмотря на то, что с ней случилось в самом начале операции, она показала себя достойно, что сыграет хорошую роль в дальнейшем рассмотрении её способностей. Как по завету, на пороге комнаты показался Нейт.

- Девчонка, тебя ждут отцы, – произнёс гость.

- А Томас?

- Он ранен. Пусть отдохнёт. – Дополнительно к своим словам, Нейт посмотрел на Тома с ноткой злорадства. На его лице читалось, что он был разочарован в Томасе тем, что получил ранение вместо незакалённой девушки. Мужчина покрутил головой, демонстрируя курьёзность всей ситуации.

Лия посмотрела на Тома. Тот посчитал, что в сопровождении Нейта ей ничего не угрожает и одобрительно кивнул. Собравшись с силами, девушка ушла. Томас остался один. Настало время, когда он сможет поразмыслить в полной тишине, не ощущая на себе смущающего взгляда подруги. Мрачные перспективы того, как ему придётся уговаривать Нейта об отправлении Лии только с ним одним,

сопровождать её всегда и везде, найти время и силы для разговора с Сайком и Кайлом. Вся эта будущая рутина непосильно давила на плечи. По коридору проходили люди, такой же живой поток юношей, как и в любой другой день. Каждый, кто на мгновение показывался в дверном проёме, считал своей обязанностью посмотреть в комнату, в тайной надежде увидеть «ту самую девушку», что решила нарушить привычные устои.

Только один из этой огромной толпы решил остановиться в дверях. Томас глядел в потолок и никак не мог понять кто это. Только тихое сопение из созданного вместо носа аппарата смогло идентифицировать присутствующего. Они оба молчали. Томас ожидал, когда гость начнёт говорить. Ведь ему самому было не о чем говорить с Кайлом, по крайней мере тот должен так думать.

- Ах, я так надеялся, что она здесь, – прозвучал гнусавый голос Кайла.

- Какая тебе разница, где она?

- Большая – у неё мой нож.

- Не стоило его терять.

Тому показалось, будто Кайл недовольно зарычал, словно собака что водилась недалеко от его старого дома. Юноша не желал уходить, оставаясь на своём прежнем месте. Это начало действовать Тому на нервы.

- Знаешь, я здорово с ней развлекся на тренировке. Только мне мало.

Томас услышал в этой фразе азарт и предвкушение чего-то неприятного. Легкий намёк на то, что хочет воплотить в жизнь Кайл. Повернув голову, Том успел уловить быстро угасающую хитрую улыбку гостя, которая окончательно скрылась за гримасой безразличия и отрешённости. Том сделал вид, что не заметил её и молча смотрел на юношу. Через минуту он решил поинтересоваться тем, что греет сердце Кайла.

- И что же ты хочешь?

Погрузившись в глубокое раздумье, Кайл чесал собственный подбородок, устремляя взгляд в полоток, на котором в его воображении проецировались собственные желания.

- Я может быть и забуду про обиду, если ты позволишь мне побыть с ней несколько минут.

- Успеешь в следующую «ночь продолжения», - не особо радостно произнёс Том. Ему не хотелось пользоваться этим *праздником*, как отговоркой, он просто хотел заткнуть Кайла.

- Не в этом дело. Я думаю о большем… сломать пару костей, отбить все внутренности, или что-то более интересное…

Наблюдая за горящими от желаний глазами Кайла, Томас также видел эти ужасающие картины. Эту нечеловеческую жестокость, это настоящее воплощение ужаса, что обычно встречается только за пределами их бункера. Том держался, чтобы не продемонстрировать на своем госте те действия, что сам увидел перед глазами.

- Ты хотел нас выгнать, – сквозь сжатые зубы проговорил Томас.

- Как видишь, не вышло. О её успехе уже все говорят. Новость от Адама о том, что она убила одного из нелюдей распространилась достаточно быстро. В первый же день… - Кайл прошел в центр комнаты, и остановился напротив Томаса, наблюдая как тот беззащитно и доверчиво лежит на койке перед ним. – Я бы на твоём месте гордился ею. И как её хозяину, именно тебе решать, как всё окончиться. - Он уселся на противоположную от Тома кровать, дожидаясь возвращения Лии.

Оба юноши замолчали. Томас настолько сильно ощущал давление, царящее в комнате, что ему казалось, будто он способен дотронуться до него без единой помехи. Из огрызка носа Кайла доносился противный свист, похожий на скрежет металла о камень. Юношу всё не покидали догадки и страх: кто же первый сделает свой шаг в этой жуткой войне? Стоит ли самому Томасу взять инициативу в руки и преподать урок горе-мстителю? Или же ему следует предупредить Лию, окунуть её глубже в новый и жестокий мир и позволить ей жить самостоятельно... Касательно реакции отцов на личные расправы в рядах бойцов всё было менее однозначно. Остальных ещё можно было понять, но Нейт, или отец Николай и другие, они все могли среагировать самым необычным и странным для Томаса способом.

Присутствие Кайла начало действовать Тому на нервы. Дополнительно к своему непроизвольному свисту, он начал громко скрипеть пружинами матраса, продолжая показывать, что он всё ещё в комнате.

- Может, ты уже уйдёшь? – не выдержал Томас.

- Без ножа не уйду, – Кайл ожидал от своего собеседника другую, более радостную для него фразу.

Они продолжили ждать. Том надеялся, что Кайлу наскучит длительное ожидание, и он покинет комнату. Но даже через полчаса, он никак не уходил. Наконец, вскоре явился сам виновник торжества. В начале, девушка была в приятном расположении духа, пока не увидела Кайла, что сидел на её кровати. В ту секунду настроение девушки резко изменилось в противоположную сторону.

- Вот она! – радостно вскрикнул Кайл, точно увидел старого друга. Поднявшись на ноги, он подошел к Лии.

Протянув руку к девушке, он молча смотрел на неё, надеясь, что она сама догадается о том, чего он хочет. Получив в ответ только вопросительный взгляд, он намекнул: «нож».

Лия внешне никак не отреагировала на то, что сказал юноша. Без какого-либо промедления, она вынула нож из ножен и быстрым движением отдала Кайлу. Этот жест выглядел достаточно агрессивным, по крайней мере, так показалось Томасу. Девушка резко приблизила нож к груди собеседника, – точно собиралась ударить, позволив тому слегка прикоснуться к броне.

- Держи его всегда при себе, – сказала девушка, выдавая слегка нервную улыбку.

- Ты тоже.

Несмотря на возвращение желанного инструмента, Кайл выглядел более озлобленным, чем тогда, когда только пришел. Томас направлял свой взгляд с девушки на юношу, пытаясь определить какие чувства сейчас завладели ими, ибо данная картина ему казалось недоброжелательной. Она была аналогично тем, как выглядит группа людей перед спаррингом. Лия выглядела спокойно, однако, её лицо отображало лёгкую напряженность и отрешённость от происходящего вокруг. Она явно недолюбливала Кайла, но не считала его кем-то опасным. Кайл напрягся из-за слов и поведения девушки. Он уже не видел в ней слабого и наивного противника. Теперь он поверил во всё, что говорили о ней: она боец; она убийца.

Забрав своё оружие, Кайл в спешке удалился из комнаты. Томас наблюдал, как юноша при выходе крепко сжимал нож, будто готовился к тому, что сейчас воспользуется им.

- Что сказали? – поинтересовался Томас, когда девушка уселась на койке.

Лия начала рассказывать всё, что с ней произошло, от того самого момента, когда она вышла вместе с Нейтом. Томас вслушивался в её слова и, внимательно вглядываясь в мимику девушки, пытался определить её настоящее мнение и чувства.

Лия вслед за чернокожим мужчиной направилась по длинным коридорам, что выглядели и пахли для неё привычно, и уже не вызывали никакого дискомфорта. Она видела, как постепенно все помещения становились более чистыми и опрятными. Жилые комнаты закончились, сбоку пролетела дверь в медицинский кабинет и пара узких коморок со стеллажами и ящиками. Открылся светлый коридор, в конце которого находилась большая дверь, почти что, похожая на ту, которая разделяла мужской и женский корпус. Наверху железного гиганта была установлена табличка с неизвестными закорючками.

- Имена, - тихо прошептал Томас. – Там написано: «отцы: Николай, Евгений, Бернард и Оскар». Они хотят, чтобы их так называли, но по факту, никому они не приходятся настоящими отцами. Они, руководители, советчики, ответственные за всё, что здесь было и есть. Их слова – закон, поэтому, не советую делать что-то, что может им не понравится.

Нейт открыл большую дверь и пропустил девушку вперёд, и сам вошел вслед за ней. Лии открылось широкое и длинное помещение, по разным сторонам которого находились двери, что выглядели схожими с теми, которые были в корпусе Лии. В центре всего зала стоял длинный стол, собранный из нескольких столов поменьше. На нём были расставлена посуда и бумаги. За ним сидело четыре человека, что радостно смотрели на девушку, ожидая того, как она подойдёт ближе.

- Девочка моя! – поднялся один из них, радостно раздвинув руки в стороны. Это выглядело так, будто он надеялся обнять девушку, но этот мужчина не покидал пределов стола, оставаясь на своём привычном месте. – Я так рад тебя снова видеть!

Лия остановилась перед столом на достаточно далёком расстоянии, чтобы никто из сидящих людей не смог сделать ей что-либо плохое. Она никак не знала их, и не могла представить, что они могут сделать. Учитывая то, в каких разных условиях живёт эта четвёрка, и, какие условия жизни у обычных юношей, эти мужчины

имели более высокую значимость для всех. Нейт остался у входа в помещение, молча контролируя происходящее, готовый ворваться в любой момент. Девушка готовилась к самому страшному, так же, как и в заброшенном здании на улице. Она боялась, что всё может пойти не так хорошо, как ей хочется. Сжавшись в сильном напряжении, она прямо смотрела на лица главной четвёрки.

- Нейт, расскажи, как она? – поинтересовался отец Оскар.

- Достигнув улицы Бэйкер мы покинули БТР. Снаружи ей стало плохо, и мы вернули её обратно в машину. После мы вошли в здание и начали осмотр помещений и коридоров. Все разделились на четыре группы, потом со стороны Томаса послышались крики и выстрелы. Добравшись до места боя, мы помогли ему отбиться от мутантов. В соседнем коридоре была эта девушка. Она сидела на груди поверженного противника и кромсала его труп ножом.

- Прямо «кромсала»? – удивился отец Бернард.

- Да, по телу было заметно, что оно умерло сразу, ещё до нашего прихода.

- Считаешь ли ты, Нейт, что она способна вступить в ваши ряды?

От этого вопроса Нейт неприятно съёжился, не желая произносить тот вердикт, к которому успел прийти: «Безусловно. Несмотря на сложность задания, она показала себя вполне достойно. Должная сноровка и опыт позволят ей достичь лучших результатов».

- Замечательно. Значит, решено. Девушка Лия прошла испытание и способна жить бок о бок с нашими парнями, заняв пост первой девушки-бойца.

Эти слова успокоили Лию. Она была рада тому, что дни тяжелых и изматывающих тренировок прошли не зря. Она больше не будет зависеть от Томаса, не будет подвергать его опасности и гнетущим мыслям. Часть её плана по изменению собственной жизни и жизни её подруги приближался к своему логическому завершению. Лия предложила отцам ещё одну кандидатуру, которая идеально подойдёт в роли нового бойца.

Отцы начали бурно обсуждать друг с другом эту идею, её перспективы и возможности. Их общение проходило тихо, шепотом. (Девушка ничего не могла услышать.) В конечном итоге, отец Николай высказал вердикт: Лия отправится с одним из охранников в женский корпус, где сможет обсудить дальнейшие действия и отбор кандидата с

назначенной матерью, чтобы получить нужного человека, привести его, адаптировать и обучить. Они предупредили, что теперь эта ноша ляжет на плечи Лии, ведь она сможет более грамотно обучить знакомого человека нежели Том, что с трудом мог совладать с полной его противоположностью.

- Завтра этим и займёшься. Найдёшь нужного тебе человека, но не более трёх. Нам нужно держать популяцию максимально стабильно. Если при обучении будут проблемы, можешь обратиться к любому другому солдату для получения совета и поддержки. После тренировок они будут отправлены на своё первое задание, где и будут испытаны как бойцы. Понятно? – дополнил общую информацию отец Оскар.

- Да.

При выходе из яркого зала, Нейт протянул девушке нож, что был выдан ей ещё на тренировках, который она благополучно потеряла во время нападения на себя и Томаса. Увидев слегка погнутое лезвие, она резко вспомнила ту волну накатившего на неё ужаса, когда она увидела лысых и враждебных созданий, что бросились на неё в надежде убить. Познакомившись с обитателями внешнего мира, она поняла, что действительно не смогла бы выживать в таком ужасном месте в полном одиночестве. Даже находясь под плечом Тома, она сильно сомневалась, что даже он смог бы хоть что-то сделать. Лия должна быть сильнее, чтобы защитить его. Она смогла переступить через свои страхи, откинуть все сомнения, выступить против тех, кого все боятся.

Так девушка и вернулась в комнату. Она рассказала Томасу всё, кроме момента, как сама размышляла о его слабости по отношению к внешнему миру. Её молчание было знаком того, что она дорожит мнением Тома, его чувствам к ней и себе. Юноша смотрел на неё с легким счастьем и сомнением. Он знал, что переселение нескольких девушек, станет приятным дополнением в обществе бункера и позволит быть ближе к жителям столь сказочного и желанного Граунд-Хилла.

В голове Томаса всплыла картина лежащей на земле Лии, когда на неё накинулась паника и ужас от вида разрушенного мира людей, от осознания обречённости всего человеческого рода, его неведомого будущего и мрачного настоящего. Чем больше будет новых рекрутов среди женщин, тем чаще будут происходить схожие события; больше мучающихся и страдающих людей, больше боли, криков и слёз.

«Иначе, мы не сможем построить себе рай» - подумал Томас, осознавая, как только через кровь и страдание, можно построить лучший мир.

- Кайл хочет навредить тебе. – Том перешел от мыслей о желанном обществе к тем, что являются более приоритетными в данный момент.

- Он меня убьёт?

- …Нет. Но, лучше не поворачивайся к нему спиной. Я никогда не видел его таким озабоченным и не знаю, на что он способен. – Томас не знал, что сказать, не знал, что посоветовать, и не знал, чем помочь. Словами он бы не добился от Кайла никакого решения, никто бы не смог отговорить этого слепого безумца от собственных мыслей, избиение бы только раззадорило его, а убийство уничтожит что самого Томаса, что Лию.

Следующий день начался с привычной рутины. Это был день отдыха для Лии и Тома. Закончив утреннюю обязательную тренировку, они отправились на переговоры с отцами, чтобы обсудить план вербовки девушек. Они встретили отца Бернарда, который специально ожидал Лию в зале, в стене которого была дверь, ведущая в женский корпус.

- Для общей безопасности пройдёт только Лия. Она сама перейдёт через коридор, за которым договорится с матерями и заберёт с собой кого считает нужным. Матерям мы дали все необходимые указания, главное, чтобы никто не видел тебя, Том.

- Почему меня?

- Не только тебя, но и любого другого мужчину. Кто знает, как эти чувствительные создания поведут себя, и, какие мысли появятся в их светлых и девственных умах, стоит им увидеть что-то за пределами их невинного мира. Чтобы избежать смуты, мы должны оставить детали нашей жизни в секрете.

Услышав это, Том притих. Он прекрасно понимал, о чём идёт речь. Он хотел бы максимально легко провести все необходимые приготовления, но никак не собирался расставаться с Лией. Кайл мог подстроить любую уловку для того, чтобы подобраться поближе к своей цели, но отца он не смог бы впутать в собственный план, если только это изначально не был план тех, кто стоит выше всех.

Девушка скрылась за большой железной дверью. Предварительно перед уходом она разулась и оставила обувь у входа. Томас мельком увидел длинный коридор, пол которого был усеян огромным количеством различных тряпок. Весь этот пол просаживался под весом девушки, создавая картину того, что она утопает в ткани. Это было настолько завораживающее и гипнотизирующее зрелище, что ноги юноши невольно пошатнулись. Его мозг создал приятный и реалистичный образ, в котором он сам ступает по столь мягкому покрытию, что утопает в нём.

Лии уже не было несколько минут. За ним прошел ещё один десяток. Томаса начали поглощать сомнения во всей проводимой операции. Он озирался на каждый шорох, пролетающий за его спиной. Семя напряжения, страха - то самое семя, что было вложено ещё Кайлом давало свои плоды. «Может, это всё часть хитрого плана, чтобы убить мою бдительность?», «Давно сюда пришли другие люди?», - разного рода мысли грызли юношу. Он смотрел на всех присутствующих. Зал был даже на четверть не так заполнен, как в «ночь продолжения». Происходящее представление привлекло внимание только нескольких человек, кто не привык и не устал от того, что теперь среди них живёт женщина. Ко всему этому, само настроение окружающих медленно начало меняться.

С тяжёлым скрипом открылся коридор с тряпками на полу. Медленными шагами из него вышли две незнакомые Томасу девушки. Они шли в сопровождении с Лией. Босыми ногами они ступали по светло-серому полу, но потом перешли на всепоглощающий чёрный. После их шагов оставались чистые следы. Эта встреча успокоила Томаса, – он был рад возвращению Лии. Радость и страх об осознании дальнейшего будущего боролись в его груди. Вся эта картина вдохновляла его. Мир вокруг Тома и его друзей готовится к переменам, и ему суждено измениться. Ничто это не остановит. Новоприбывших девушек пожирали голодные глаза зевак, под беззвучный для всех аккомпанемент быстрого биения сердца Томаса.

Глава 8. Ссадина

Пришедшие из женского корпуса девушки шли вместе, крепко держа друг друга за руки. Новоприбывшие смотрели в пол, наблюдая за черной, непривычной и въевшейся в пол грязью, что была везде. Они не поднимали взгляд, их провожатая строжайше запретила смотреть по сторонам, для их же блага. Лия была словно матерью, что вела своих дочерей в безопасное и тихое место. Опыта у неё почти никакого не было. У неё теперь никогда не будет опыта матери. Она выбрала для себя другой путь, другую жизнь. Эту жизнь она хотела бы подарить Дарье и другим, кто желает жить по-настоящему. «Мы живём изо дня в день, опасаясь за себя и других, ощущая холодное дуновение ветра на своей шее. Мы каждое мгновение что-то чувствуем: боль, страх, радость или горечь. Так, мы понимаем, что по-прежнему существуем, а не находимся в безликом забвении», - так говорил Томас, когда перед сном он ощущал вдохновение на философские темы.

В этих загадочных словах и сложном для анализа контексте, Лия видела более яркую и свободную жизнь, нежели то, что происходило в её родном корпусе. Она понимала всю опасность и риск такой жизни, понимала, что в её старом доме никому ничего не угрожает, ни голод, ни смерть. Только Дарья была другой. Она отличалась от остальных девочек, из-за чего к ней зачастую было приковано лишнее негативное внимание, которое за собой несло только ненависть. Этот ребёнок мучился бы следующие пять лет в жестоких и недружелюбных условиях, где у неё никогда бы не было замены Лии.

Вернувшись в родные коридоры и помещения, Лия рассказала Дарье всё, что ей нужно было знать, что ей нужно будет ожидать. Вслед за ними пошла и ещё одна девушка, которую Лия почти не знала, но увидела в её глазах огонь решимости, и согласилась на её кандидатуру. Кристэн была довольно общительной всё время, что попадалась на глаза Лии, она даже не понимала, почему та хочет покинуть безопасные стены. Она была на год старше Лии; знала, что её старая жизнь будет продолжаться, пока не состарится. В словах Лии она услышала много волнительного и необычного, что точно никогда

бы не ощутила в монотонности женского корпуса. Теперь и Кристэн выбрала для себя другую жизнь.

«Ещё два новых человека. Наверное, отцы будут рады» - думала Лия, вспоминая слабую радость в глазах старого мужчины, что разрешил ей заняться подобным отбором новых бойцов. Посмотрев назад через плечо, Лия видела идущего за собой Томаса, что, осторожно ступая следом, пытался не привлекать к себе большего внимания, особенно внимания впечатлительных новичков, что могут сильно испугаться и смутиться новым обществом. За спиной юноши исчезали любопытные взгляды, провожающие образовавшийся конвой. По телу Лии пробежали мурашки. Она вспоминала свой первый день в этом корпусе, когда её слабостью попытались воспользоваться против её воли, когда силой хотели подчинить её и сломать. Как каждый встречный смотрел на неё глазами полными жадности и внутренней пламенной страсти.

Томас переживал за новоприбывших так же сильно, как и сама Лия. Когда они переглядывались между собой, между ними возник беззвучный диалог, в котором они говорили только одним лишь взглядом:

- Я справляюсь?

- Справляешься.

Взгляд юноши успокаивал девушку, надвигая на неё знакомое чувство безопасности и тепла. Он медленно кивал каждый раз, когда Лия всё снова и снова смотрела на него, в надежде получить поддержку и понимание. Для неё Томас был вездесущ, он был словно всем тем, что окружало её. Его вид возникал перед ней каждый раз, когда девушка закрывала глаза, а благодаря отданному им же шарфу, его родной запах всегда сопутствует ей, где бы она ни была.

Новоприбывшим была отдана соседняя с Лией и Томасом комната, такая же грязная, такая же зловонная и слабоосвещённая. Лии даже вначале показалось, будто некоторые вещи просто переставили местами и назвали совершенно другим местом. Всё было аналогично уже привычной для неё комнате, за исключением менее мягких матрасов на койках.

Томас отлучился сообщить отцу Бернарду об успешном выполнении задания. Лия же завесила входной дверной проём большой тряпкой, как раньше делал сам Томас, и начала более открыто

говорить со своими подругами, отвечая на их вопросы и рассказывая всё необходимое. Девушки вели себя аналогично Лии в её первые дни: они интересовались столь сильным различием между обоими корпусами, также немного их смутила вся таинственность их перемещения по грязному полу и фокус с занавеской вместо двери. Лия отвечала не на все вопросы, только на те, что будут менее психологически опасны и неприятны для девушек. Она знала, что вскоре им предстоит всё постичь самим, так же как это довелось сделать и Лии, только для этого нужно своё время и место.

Как все и ожидали, вскоре явился один из отцов мужского корпуса. Седоволосый отец Николай прибыл вместе с Томасом. По пути они о чем-то разговаривали, что не смогла расслышать Лия. Мужчина прошел под вывешенной тряпкой и оказался внутри комнаты молодых девушек. Они встретили гостя с привычным удивлением, но успокоились, заметив, как спокойна была Лия. Отец Николай расспрашивал девушек об их решении, говорил, к чему это может привести, и, к чему это точно приведёт, давал им советы, объяснял некоторые вещи, а вскоре удалился без лишних слов. Томас ушел вместе с ним.

- Что нам нужно делать? – спросила Дарья.

- Я расскажу всё, что вам необходимо знать. А завтра, мы с вами начнём подготовку к вашей новой жизни.

- Что это за подготовка? – интересовалась Кристэн.

- Упражнения и обучение. Я научу вас драться, как стать сильной и ловкой. Если что, нам будет помогать Томас.

- Томас? – хором спросили девушки.

- Да, тот парень, что шел с нами. Он мой хороший друг, именно благодаря нему я стала такой сильной.

Лия не знала, какими словами ей стоит обозначить Томаса. Он был для неё не просто «другом», ведь другу можно довериться в некоторых вещах, попросить о помощи и помочь самому, но только Том был другим. Для него Лии хотелось сделать всё что угодно (даже то, о чем он не станет просить, и, чего уж точно не станет требовать); сделать всё беспрекословно, увидев только один его взгляд. Она бы доверила ему любой секрет, любое знание или дело, она бы доверила ему свою жизнь, своё будущее, себя саму. Это уже был не друг, это была она сама в чужом теле, тот, кто понимает и знает её, как себя

самого, словно родитель, что видел взросление своего ребёнка с самого рождения. Лия не знала, как это объяснить своим подругам, считая, что они не поймут её сомнительных попыток объяснить этот хаотичный поток мыслей.

Лия продолжала беседовать с подругами, говорила с ними обо всём подряд, что сразу всплывало в голове. Начиная с самого известного и банального, и заканчивая их будущим испытанием. Новой информации было много, девушки стали слабеть и терять интерес к происходящему. Лия замечала, как их зрение постепенно становилось стеклянным и не выразительным. Они уже ничего не слушали, что им говорят, просто сидели и ощущали безмятежное течение проносящегося мимо времени. Сделав паузу, Лия поддалась порывам собственного любопытства, поинтересовавшись, как проходили дела в её родном корпусе.

- Когда наши сёстры вернулись без тебя, матери никак не отреагировали на твоё исчезновение. Только я начала интересоваться и задавать вопросы. Потом, они мне сообщили, что так и надо, хотя сами ничего не знали о том, что с тобой случилось, - говорила Дарья. – Они выглядели напуганными и сами были шокированы случившимся, но никак не могли или не хотели что-то делать.

- Меня спас Томас. Он забрал меня в свой мир, который теперь стал и моим миром. Вскоре и вы будете ощущать тоже самое. – Лия тепло улыбнулась подругам, которые мгновенно подхватили её настрой.

Девушка вернулась в свою комнату поздно. Около семи часов она разговаривала с подругами, и теперь уже ученицами. Томас тогда уже как пару часов пытался уснуть, но никак не мог расслабиться от осознания того, что рядом с ним нет Лии. Девушка могла бы оставаться в комнате подруг, пока проходит вся подготовка, но те настаивали на самостоятельности, чему Лия не стала перечить.

- Ты вернулась… - прозвучал уставший голос Томаса после длительного ожидания. Девушка уловила в его словах облегчение и радость несмотря на то, что в голосе можно было перепутать все чувства с раздражительностью и неприязнью.

Лия молча прошла к своей койке по дороге прикоснувшись к плечу Томаса, доказав, что это действительно она. Её кровать находилась у смежной с соседней комнатой стеной. Из-за этого, Лия

могла слышать каждый шорох у своих подруг. Она уже успела хорошо запомнить звук колеблющейся ткани на двери, и, надеялась не услышать то, что кто-то может войти в комнату к подругам.

На протяжении всего времени пока Томас спал и восстанавливал свои силы, Лия никак не могла уснуть, вслушиваясь в то, что происходит у Дарьи и Кристэн. Каждое нервное дыхание, скрип кровати или просто случайный шорох, заставлял девушку нервничать, опасаясь за всё, что может или не может произойти. Вскоре, Лия взяла своё ружьё с пола и положила под одеяло. Так она ощущала себя более спокойной, потому что понимала, что в любой момент может сорваться с места и ринутся помочь подругам.

Осознание того, что закончилось время сна, наступило только тогда, когда Томас начал просыпаться. Он громко ворочался в своей кровати, пока не слез с неё.

- Тебе помочь с девочками? – спросил он, заметив, что, Лия не спит.

- Да, было бы неплохо. – Лия ответила сразу, не пытаясь притвориться, будто ещё не проснулась. Она была сильно удивлена проницательностью Томаса; она ценила его слова, ей был мил этот заботливый жест. Вместе они направились к девушкам в соседнюю комнату.

Лия никак не удивилась тому, что Дарья и Кристэн тоже не спали. Они встретили пришедших гостей с большими тёмными пятнами под глазами, что в совокупности с бледной, – как стены их старого дома, – кожей многократно увеличивало размер их глаз. Перед Лией и Томасом сразу возник вопрос, до которого они никак не могли добраться со вчерашнего дня: девушки не питались более пятнадцати часов. Сейчас им требовалась пища, как никогда раньше.

- Первый день будет у вас – адаптацией. Мы пойдём с вами в столовую, где вы будете есть, - прозвучал голос Томаса из-за спины Лии.

Лия начала нервничать. Она вспоминала своё обучение, и ясно помнила, как в столовую она пришла далеко не в первый день, но Том уже предлагает девочкам отправится туда. От мыслей о такой не состыковке, Лия хотела возмутиться, но посмотрев на Томаса, она промолчала и признала, что он знает, что делает. Она доверилась ему, по-другому быть и не могло. Недолго думая, все направились вслед за

юношей, что выступил в роли вожатого. Даже Лия, забыв, что успела адаптироваться под новые условия и выучить помещения, брела следом за юношей, внимательно озираясь по сторонам, будто в первый раз.

Прием пищи в столовой проходил более тяжело, чем раньше. Лия надеялась, что местные люди успеют привыкнуть к нововведениям в коллективе, что среди них теперь есть женщины. Но она по-прежнему продолжала ловить на себе удивлённые и сомнительные взгляды. Сейчас, данное посвящение проходили Дарья и Кристэн. Увы, для них это событие далось с большим трудом, даже Лия в самом начале своей жизни испытывала меньше стресса и переживаний на счёт происходящего. Томас только внимательно смотрел на девушек, наблюдая, чтобы они не забывали питаться. Параллельно самостоятельно осматриваясь по сторонам, он высматривал что-то в проходах и толпе.

Приём пищи закончился, и девушки вернулись в свою комнату, где продолжали говорить о том, что их ждёт и что им предстоит делать. По большей части в разговоре участвовала только Лия, но и Томас иногда помогал ей, дополняя её слова или поправляя в нужных местах.

- Ты нам уже об этом говорила до того, как мы покинули наш дом, но сейчас я всё сильнее и сильнее начинаю осознавать то, насколько это тяжелое испытание. – Дарья сделала собственные выводы из всей ситуации, с которой она столкнулась вместе со своими подругами.

- Мы выбрали этот путь, и, мы должны справиться с этим, - вступила в диалог Кристэн. – Лия сильная, и мы вместе с ней.

Время летело быстро. Когда закончилась очередная тема для разговора, Лия заметила, что прошло уже достаточно много времени. Томас иногда отходил по своим делам, но всегда возвращался обратно. Он ничего не говорил о своих походах Лии, но она догадывалась, что он это делает ради неё. В определённый момент разговоров, Лия показала Дарье и Кристэн своё автоматическое ружьё и нож. Перед тем, как послушницы могли самостоятельно ознакомиться со всем вооружением, Лия продемонстрировала им все возможности инструмента выживания, чтобы те не попали впросак и сэкономили время на последующем обучении.

Очередной день подходил к концу. Пока Томаса не было рядом, Лия осторожно подсунула нож Кристэн, ибо та была взрослее своей

подруги, и более ясно осознавала окружающую обстановку.

Теперь Лия наконец-то смогла выспаться, даже несмотря на то, что её подруги были не обучены самозащите и банальным принципам ведения ближнего боя, что сама Лия благополучно смогла изучить на своем первом задании. Временный подарок в виде ножа стал настоящей отдушиной для девушки. Что-то в глубине её сердца верило в то, что если с Дарьей и Кристэн что-то случиться, когда Лии не будет рядом, то у них хотя бы будет возможность постоять за себя.

В первый день физических тренировок, Томас также не покидал компанию девушек, в основном, как наблюдатель, и всегда находил место, где мог вставить своё слово и совет. Лия обучала Дарью и Кристэн по примеру Тома: в начале следовали стандартные тренировки, благодаря которым девушки только закрепляли полученную массу, преобразуя всё в мышцы. Для Томаса картина тренирующихся девушек была столь же привычной, как и первые тренировки Лии. Он уже видел некоторые сходства и закономерности. Теперь он сам начал понимать, что без труда сможет обучить и других девушек. Лия же смотрела на своих подопечных, понимая насколько она сама была слабой и неуклюжей. Даже классические, для тренировочного зала, зеваки не покидали свои привычные позиции, с любопытством и жадностью наблюдая за тем, как резвятся новоприбывшие.

Такое монотонное течение жизни продолжалось ещё два дня. Дарья и Кристэн смогли быстро привыкнуть к новому окружению, и у них уже не возникало никаких проблем и неурядиц. К большому для Лии сожалению, только она была освобождена от вылазок за пределы убежища. В пятый день обучения новоприбывших, Томас был вынужден покинуть их общество. За ним, как и раньше, явился Нейт, сказав, что тому пора отправляться. Юноша перечил старшему по званию, пытался договорится с ним и подкупить, но ничего не вышло. Он был вынужден покинуть стены бункера, чего он явно не желал. Лия не присутствовала при отправлении и не знала, куда и зачем отправляется Том, но надеялась, что он вскоре вернётся, чтобы снова быть с ней. Перед тем как покинуть родные стены, юноша только сделал небольшое предостережение Лии, порекомендовав ей быть начеку. «Извини, что так вышло, но будь осторожна, – Кайл может воспользоваться моментом моего отсутствия» - говорил Том.

Тренировки постепенно начали затрагивать тему самообороны. Лия получила на руки две тренировочные палки, что предоставлялись для неё и её подруг. Боевое же оружие они получат позже, только перед их первым заданием. Когда Томаса не было рядом, Лия ощущала, что находится в меньшей безопасности, чем тогда, когда он был с ней. Теперь она постоянно оглядывалась по сторонам, высматривая что-то, что так сильно желал не увидеть Томас. Она заняла место Тома в плане обороны, и понимала, как сильно это напрягало и мучило его. Она сама начала думать, что вокруг неё все могут оказаться врагами. Страх Томаса стал её личным страхом. При обучении самообороны, девушка улавливала на себе взгляды уважения и страха, она знала, что другие мужчины видят в ней равного и опасного оппонента, но Лия надеялась, что в первую очередь, в ней видят друга.

- Какая может быть тренировка без спарринга? – раздался возглас со стороны одного из затемнённых углов зала.

Лия сразу узнала голос Кайла. Этот юноша создавал бурю негативных эмоций в ней, от гнева до жалости. Сейчас же его интонация и резкое вмешательство воскресили воспоминание о нападении на Томаса. В его словах был какой-то скрытый смысл, секретное предупреждение перед чем-то страшным.

- Только в настоящем спарринге можно понять, насколько ты хороший боец, - продолжал юноша.

Кайл медленно выходил в середину зала. Его провожали безмятежные взгляды зрителей, который были готовы к тому, что может произойти. Они хотели этого с самого начала, и, ожидали уже не первый день.

- Я занята. Если хочешь тренироваться, то приходи потом, - ответила Лия, пытаясь прогнать юношу.

- Бой нельзя отодвинуть! Я покажу тебе и твоим девкам, почему вам здесь не место!

Кайл медленно подошел к Лии вплотную. Он чуть-чуть возвышался над ней; его тело было расслабленным, спокойным, а глаза горели огнём и поглощали заживо стоящую перед ним жертву. Только небольшая полукруглая принадлежность на месте носа полностью выделялась на фоне всей картины, разрушая на корню пугающий вид этого воина.

- Я тебя уничтожу…

Сразу после своих слов, он схватил рукой девушку за плечо и толкнул её от себя. Параллельно этому действию он успел поставить ногу за Лией, создав ей препятствие на пути к отступлению, из-за чего девушка запнулась и упала на пол.

Эта атака была такой быстрой, такой неожиданной, что, Лия не успела и спохватиться, как сразу же оказалась в лежачем положении на полу. Её противник смог запутать Лию своим поведением, своим видом, своим спутанным сочетанием спокойствия и агрессивности. Она забыла о том, что её противник поступил идентично и при драке с Томасом, когда без предупреждения напал на него с ножом в руке. Лия допустила ошибку, за которую ей следует дорого заплатить.

В попытке подняться на ноги, Лия получила удар ногой в рёбра, из-за чего она перекатилась на другой бок. Металлический доспех смог бы заглушить большую часть удара и вызвать просто неприятные ощущение, но их отсутствие оказало полное воздействие удара на тело. По всей груди прошлась волна жгучей боли. Всё, что находилось внутри, сжалось в несколько раз, и болезненно возвращалось на свои прежние места.

Кайл нанёс ещё один удар, второй, третий. Он продолжал наносить удары ногой по Лии, постепенно перенеся место ударов ниже, к животу. Она каждый раз пыталась подняться и уйти от нового надвигающегося удара, но снова и снова возвращалась на пол. Четвёртый, пятый, шестой. В ударах Кайла и его жестокости не было никакой чести или дисциплины, была только дикая агрессия, росшая с той самой поры, когда он лишился части носа. Первые удары были показательными, юноша хотел указать девушке её место, вернуть её туда, откуда она вылезла. Седьмой, восьмой, девятый. Лия уже не пыталась уклоняться дальше, она свернулась калачиком, закрывая руками места ударов. Никто не приходил ей на помощь, Дарья и Кристэн стояли в ступоре от ужаса, не зная, что делать. Зеваки у стен и в углах стояли и наслаждались зрелищем. Лия путалась в собственных мыслях, она хотела что-то сделать, но отказывалась от каждой новой идеи. Она не могла собраться, не могла придумать план. Ей оставалось только надеяться на скорый финал, и желанное спокойствие давал тот самый фиолетовый шарф, что она носила уже не первую неделю. Несмотря на ужасные удары, которые Лия не смогла стерпеть, тряпка на её шеи была тёплой и мягкой. Она была единственным лучом в этой

непроглядной тьме. Десятый, одиннадцатый, двенадцатый. Жертва непрекращающихся ударов не ощущала никаких намёков на то, что её побои близятся к завершению, наоборот, Кайл вошел в азарт уничтожая своего врага. «Он сильнее, крупнее, быстрее. Чтобы его одолеть, нужно взять тем, чем он сам боится пользоваться. Нет никого, кто мне поможет, есть только я одна» - пронеслась мысль в голове девушки. Тринадцатый, четырнадцатый, пятнадца…

Шум последнего, привычного, монотонного и глухого удара, сменился на резкий звук того, как с треском ломаются кости и рвутся куски мяса. Несмотря на сильные и частые удары, под новыми и новыми волнами наступающей боли, Лия смогла достать из-за пазухи нож и поставить его под удар Кайла.

По всему залу разнёсся оглушительный вопль. Бивший лежащую на полу девушку юноша отпрыгнул назад и начал прыгать на одной ноге. Из стопы второй торчал нож, по рукояти которого на пол обильной струёй стекала кровь. Кайл поскользнулся на лужи и свалился вниз. Уже лёжа на полу, он продолжал держать свою ногу в воздухе, параллельно вопя от мучительной боли.

Никто из зрителей не стал подходить к Кайлу, они только продолжали смотреть, скованные страхом, как цепями. Из-за криков, Дарья и Кристэн вернулись в реальный мир и сразу же отправились помогать своей подруге.

Лия не спешила вставать. Она сопротивлялась, когда её пытались поднять две подруги. Каждая частица тела болела и ныла. Дыхание отзывалось дополнительными волнами боли, что разбредались по всему телу, концентрируясь в районе живота. Было сильное ощущение холода и неприятной влажности. Лия боялась, что у неё пошла кровь. Она не ощущала слабых прикосновений к её телу, только нестерпимое жжение. Она не испытывала никогда ничего похожего, но могла представить, что так ощущается самая страшная боль, которую кто-либо может испытывать. Всё тело онемело и потеряло чувствительность, и даже сама голова была опьянена болью. Её сознание было поглощено этим ощущением, она сама была этим ощущением. Одновременно наступало чувство тошноты и мысли, что, если Лию вырвет, она умрёт. Из-за этого с ней может произойти настолько ужасная трагедия, что ничего хуже уже не будет. Поэтому,

она должна держаться, должна подняться и быть сильной. Ради Дарьи и Кристэн, ради Томаса.

Медленными движениями Лия начала вставать. К ней сразу же пришли на помощь подруги. Они не пытались отговорить её от рискованных и необдуманных действий. Лия, наконец, оказалась на ногах, но никак не могла ими двигать. Две конечности беспомощно плелись по полу, девушку медленно уносили прочь. Проходя мимо своего противника, Лия без какой-либо эмоции смотрела на Кайла. После какого-то удара, который она уже позабыла, у неё просто исчезли все силы как-либо реагировать на то, что происходит вокруг. В дверях девушки встретили обеспокоенного врача и отцов Николай и Бернарда, они бросили беглый взгляд на уходящих людей и быстро направились вглубь зала. Даже оценив плачевное состояние девушки, они оставили её на произвол судьбы, посчитав, что там откуда идёт крик, ситуация ещё хуже.

Лия была спокойна, когда её несли в собственную комнату. Она начала привыкать к боли, и, никаких новых позывов очередных агоний не намечалось. Когда же её попытались усадить на кровать, каждое прикосновение в середине туловища было неимоверно болезненным. Её словно очередной раз били ногой в самое болезненное место. Каждая попытка выпрямить спину или согнуться была мучительной. Её словно брали за руки и ноги, и разрывали в разные стороны. В её теле был рождён словно всепожирающий огонь, который переполненный голодом уничтожал девушку изнутри. Дарья и Кристэн отлучились ненадолго, но вскоре вернулись с тряпками и ведром воды.

Лежащая на кровати Лия ничего уже не могла осознавать. Боль настолько сильно сковала её, что она ни о чём не могла думать. Ни о том, что её подруги копошатся где-то рядом, и что-то пытаются делать, ни о том, что делает Томас и где он находится в данный момент, ни о том, что происходят с Кайлом и к чему может привести их конфликт друг с другом.

Время вокруг потеряло какой-либо смысл. Лия закрывала глаза и просыпалась каждые несколько минут или пару часов. Она не переставала видеть рядом подруг, что продолжали ухаживать за ней. В какой-то момент она замечала приходящего врача и отцов. Они что-то обсуждали, исчезали и возвращались снова. Были и ещё какие-то люди, но Лия не узнавала их. Эти лица незнакомцев были

расплывчаты, они были как большие пятна. Все эти создания крутились вокруг Лии, словно готовились к нападению. В какой-то момент явился Томас.

Юноша сидел у кровати Лии и с ужасом смотрел на то, что стало с девушкой. Ему открылась картина полностью чёрного от синяков живота и нескольких больших ушибов со стороны рёбер. Некогда худое и гладкое тело изобиловало отвратительными вздутиями. Несмотря на то, что девушка испытывала сильную боль, она смотрела на своего спасителя с таким добрым взглядом, словно ничего страшного и не происходило, словно она извиняется за то, что с ней случилось. Эта картина была бы милой, если бы не пугала своими деталями. Лия смотрела на Томаса, ощущая те самые приятные чувства в глубине своего сердца, когда была с ним не первый раз. Вместе с этим она ощущала боль, которая стала с ней единым целым. Все эти чувства и эмоции заменяли друг друга, безостановочно кружили и соединялись во что-то единое и неестественное. Это была радость, жгучая, болезненная радость. Прокалывающее тело насквозь счастье и, безумное, паническое спокойствие. И в центре всего этого хаоса был Том.

- Не следовало мне уезжать… - корил себя юноша.

- Ты не виноват. Я защитила себя и стала сильной. – Лия говорила с трудом, она стонала и запиналась, иногда казалось, что она начинает задыхаться. Томаса пугала не только сама картина, но и вещи, о которых говорит девушка. Он не узнавал её, не узнавал свою подругу, которую более недели назад вернул в свою жизнь.

Лия говорила с такой слабостью в голосе, что даже Томасу было неприятно и болезненно это слышать. Он не решился больше с ней говорить; хотел дать ей отдохнуть, восстановить силы. Каждый взгляд на огромные синяки сжимали всё нутро Томаса. Он чувствовал, словно все эти удары начали падать на него, он ощущал ту же боль и то же страдание. Из-за неприятности этих ощущений, он осторожно прикрыл раны Лии одеялом.

- Как там девочки? – спросила она.

- …Они напуганы. – Том опешив от слов Лии. Она продолжала говорить несмотря на то, что ей больно. Она волновалась о других, когда сама нуждалась в том, чтобы за неё волновались.

- Когда будет задание неизвестно. Отцы дали небольшую поблажку по времени, пока идёт разбирательство о случившемся. Возможно девочек отправят через пару дней, и, если ты не поправишься, я буду сопровождать их. – Томас продолжил говорить, удовлетворяя интерес Лии. Он был вынужден так сделать, если бы он молча пытался скрыть что-то, Лия бы всё сильнее и сильнее волновалась, мучаясь от каждого нового слова.

- Я обязательно поправлюсь.

До конца этого дня Томас ни на шаг не отходил от пострадавшей девушки. Максимум он только отлучался в коридор, где о чем-то говорил с ветеринаром. Несколько раз к ней даже подходил сам врач, который делал некоторые проверки и ставил уколы. Почти так же, прошел следующий день.

Всё время, что, Лия находилась в прикованном к кровати состоянии, Томас кормил её с рук, из-за чего ещё сильнее заслуживал её уважения и признание. Ей советовали меньше двигаться и не говорить, чтобы лечение проходило без каких-либо осложнений. Но Лия никак не хотела прекращать разговоры с Томом. Ей казалось, что никакие лекарства не работали лучше, чем общение с ним. Когда зашла речь о дне, в который Том был вынужден покинуть её, она рассказывала, как приятно ей было наблюдать за девушками, как сильно она испытывала за них гордость. Она верит в их способности и в то, что они справятся с заданием, возможно, даже лучше, чем она сама. Потом же речь зашла о встрече с Кайлом, и о том, что он сотворил, что делали другие люди и, что было дальше. Томас просто молчал, он смотрел только в одну точку, и, Лия не могла видеть его лица, только напряженные руки, что вцепились в матрас у края кровати.

- Я знаю всё, - сказал тихо Томас. – Я убью его.

- Нет…

Осторожно положив на его плечо руку, Лия попыталась успокоить его, показывая, что с ней всё хорошо, и она рядом. Это сработало, Том начал успокаиваться. Он смотрел на неё с теплом в глазах, и казалось, что он извиняется перед нею.

- Мы с ним решили наш вопрос, теперь он не станет подходить ко мне. – Лия сама сомневалась в собственных словах, но была вынуждена соврать Томасу, чтобы он не натворил ошибок. Она сама

хочет и может за себя постоять, ведь теперь она знает – Кайл ей не друг. Он коварен и способен напасть в любой момент, когда сам будет к этому готов. А она уже будет готова защищаться, без каких-либо прелюдий будет стоять до последнего. Лишь бы Томас не рисковал своей жизнью.

Постепенно, благодаря помощи врача, компании подруг и вниманию Тома, Лия начала чувствовать себя намного лучше. Как напоминание о побоях, у неё остались лишь слабые болезненные ощущения в области живота и слегка тёмные пятна на коже. Под конец последнего четвёртого дня лечения, Лия смогла подняться на ноги. Опираясь на плечи Томаса, она ходила кругами по комнате, постепенно возвращая свою твёрдую стойку.

Всё медленно возвращалось на круги своя, кроме того факта, что никто, ни Томас, ни Лия, ни тем более Дарья или Кристэн не считали Кайла безобидным человеком. Каждую секунду пребывания в затишье, они ожидали какой-то тревожной новости или резкого скачка волнения, когда нужно будет что-то предпринять.

Лия упорно пыталась вернуться к тренировкам своих подруг, но Томас не отпускал её никуда. Вместо поиска другой кандидатуры учителя, он самостоятельно помогал девушкам достичь максимальных для них возможностей. К его большому сожалению, всё время они проводили в узкой комнате с Лией, недалеко от её собственной кровати. Каждое их движение и неосторожный приём сносил установленные у кроватей ружья и двигали мебель. Лия, как и Томас считала, что это лучше, чем ничего. Они даже и не задумывались о том, чтобы отпустить девушек обратно в тренировочный зал. Ни одних, ни даже под присмотром доверенного человека.

- Какое состояние девушки? – спрашивал интересующийся отец Оскар.

- Вижу, у вас тут всё просто замечательно. Вот бы все наши бойцы были такие же крепкие и красивые. – Пришедший с отцом Оскаром отец Николай не оставлял своего позитива.

- Что на счёт Кайла? – спросил Томас.

Отец Николай сделал паузу, он робко посмотрел на сидящую на кровати Лию и после небольшой паузы сказал едва слышимым шепотом:

- Отец Бернард занимается этим вопросом. Можешь и сам поговорить с доктором, когда вернётесь.

Лия смотрела, как Томас был недоволен, что остался без желанного ответа. Он опустошенно сел рядом с ней, и, она начала успокаивать его, обняв за широкие плечи. Ей было приятно, что за столь длительное время их совместной жизни и взаимопомощи, они оба становятся всё ближе и ближе друг к другу. В начале Томасу были непривычны её прикосновения, он даже пытался избегать их, но теперь он сам хочет ощущать себя в объятиях девушки, чувствовать её тепло, общую безопасность, ощущать её руки как новые слои своего доспеха, быть уверенным в себе и являться всем для неё.

Отец Оскар сообщил, что близится день первого задания для Дарьи и Кристэн. Лия нервничала так же, как и перед собственной операцией. Понимая, что она не может найти себе место и успокоится, Томас самостоятельно решил пустить её к себе, где они снова лежали в объятиях друг друга. Каждый из них ощущал эти мгновения, как самое наисильнейшее единение разума и тела. Они были одним целым, ощущали боль друг друга, мысли, страхи, волнение, спокойствие и радость.

Они лежали не двигаясь, пока за ними не пришел Нейт. С опозданием на пару дней, но девушкам дали оружие, дальше все направились в ангар, где погрузились в машину. Лия замечала, что Томас часто переглядывался с каким-то лысеющим стариком, которого она сама видела крайне редко. «Может это его отец?» - думала девушка.

Параллельно сборам общей команды отправления, во вторую бронемашину погружали детей с последних «ночей продолжения». Там были даже те, которых видела Лия. Все они выглядели более здоровыми, сытыми и бодрыми. Около двадцати мальчиков погрузились внутрь машины вместе с их охранниками.

Всем присутствующим сообщили о задании. «Зелёная» зона. Они все отправляются в один из живых лагерей, где им предстоит выступить в роли охраны для Нейта и детей. Всего девять человек: Лия, Томас, Дарья, Кристэн, Джейк, Нейт и три охранника в другом бронетранспортёре. Услышав о задании, Лия облегчённо улыбнулась. Она не раз слышала от Томаса, что это одна из самых безопасных операций.

- Не радуйся раньше времени, - сказал Нейт, увидев улыбку на лице девушки, – иногда, и на таких заданиях погибают.

Глава 9. Горечь

Переезд с одного места на другой складывался хорошо. Так же гладко и спокойно, как в прошлый раз. Томас надеялся, что сейчас в «зелёной» зоне задание будет лучше, чем в предыдущей, когда он приехал в «вторую восточную». Сейчас они отправлялись в тот самый Граунд-Хилл, место, что служило утопией для Томаса и Ская. Увы, Скай остался в бункере и не сможет увидеть в очередной раз столь любимое для себя место. Лия стояла рядом с Дарьей и Кристэн, подбадривая их, что всё складывается очень хорошо. Она вместе с Томасом смотрела за дорогой через амбразуру. Юноша мысленно соглашался с тем, что она говорила Кристэн и Дарьи, но знал, что Нейт своими словами не обманывал: «иногда, и на таких заданиях погибают». Всё что угодно может пойти не по плану, от самого отъезда, вплоть до возвращения домой. Новая засада, прямое нападение, поломка машины, непроходимый участок на дороге. Нельзя было предугадать наверняка, что случиться в следующую минуту.

Томас посмотрел на встревоженных девушек. Они пытались держать на лицах фальшивые улыбки, чтобы успокоить Лию, но за ними они прятали беспокойство. Это Томас прекрасно понимал. Пока они все находились за пределами стен убежища, ветеринар в бункере просматривал старые медицинские книги, пытаясь найти способ быстрее восстановить былое состояние Лии. Был бы он не один, поиски длились быстрее, а так, любой новый пострадавший человек станет приоритетом в его работе, ведь Лия жива и ходит, а значит – способна выполнять поставленные задачи. Том на протяжении всей поездки вспоминал рассказы Лии о её доме, о столь безопасном и приятном месте, где нет ужасов, с которыми она столкнулась за пару недель новой жизни. Она будет рада оказаться в Граунд-Хилле, узнает, как живут и другие люди, познакомится с кем-нибудь, отдохнёт от встречи с Кайлом и расслабится.

Нейт держал в руках небольшую записку, возможно, поручение от отца Евгения, только он и выдавал особые задания, которые относились ко всем прочим «зелёным» зонам. Граунд-Хилл выделялся среди остальных лагерей тем, что тут по большей части жили люди,

грамотно умеющие работать в инженерной и сварочной сфере. Всё, что касалось постройки или снаряжения, у них было на голову выше, чем у кого-либо другого. Проблема общины была в том, что она постепенно вымирала, из-за чего она просила поставлять им новых людей, которые будут продолжать поддерживать популяцию жителей. В этом плане Томасу стратегия выживания Граунд-Хилла казалось нелогичной, ведь, часть людей погибает за пределами высоких и железных стен, а его убежище, несмотря на любые потери, не только поддерживает общую популяцию, но и растёт. По такой логике, все жители Граунд-Хилла должны быть добрыми и милыми друг к другу, чтобы не повышать вражду внутри лагеря, что всегда могут себе позволить люди из дома Тома. Но даже в таком прекрасном поселении как это, можно найти крайне враждебно настроенных людей.

Второй бронетранспортёр находился на расстоянии около десяти метров позади первого, его нельзя было видеть через боковые амбразуры, но можно было прекрасно услышать рёв его двигателя. Смотря на слабые лучи света, исходящие от прожекторов второй машины, Томас гадал, какая судьба будет ожидать малышей внутри неё. Сам он никогда не интересовался тем, как происходит распределение детей в их новом доме, ему даже не доводилось встречать тех, кого привозили раньше. Быть может, всё в поселении не так уж и радостно, как кажется ему на первый взгляд. Даже сами гости из Граунд-Хилла, никогда не посещали других помещений, кроме некоторых залов и коридоров, что уж там, даже сами жители бункера были не во всех местах своего дома.

Жители обеих баз тихо недолюбливали друг друга, но считали взаимопомощь важной и жизненно необходимой. Но Томас знал, как только все увидят девушек-бойцов, то поймут, что подземный бункер стремится к лучшей жизни, а значит, в будущем это может привести к тому, что дом Тома станет подземной версией Граунд-Хилла, если они все не переселятся в один большой город, что станет первым настоящим населённым пунктом, который приблизит всех к цели возвращения власти человека над землёй.

Символично к его мыслям, где-то сбоку, между домами начали выступать небольшие просветы. Это был рассвет, не только нового дня, но и чего-то большего. Чем регулярней происходил выезд Томаса за пределы убежища, тем всё чаще он видел только ночное небо,

нежели тёплый свет солнца. Эта новость также тепло отдавалась в сердце юноши, он уже всем своим нутром ощущал нечто великое, стоящее на пороге его познаний. Это необъятное, светлое и живое будущее, что вот-вот придёт в его жизнь, и жизни всех людей, что живут вместе с ним на этой земле, которую неизбежно ждут перемены.

Весь отряд уже подъезжал к точке назначения, машины замедляли свой ход, пока не переехали по волнистым пластинам у въезда в «зелёную» зону. Смотря через амбразуры, Томас наблюдал за бытом открывшейся базы. Он любовался красотой высоких и широких стен, смотрел на бродящих туда-сюда людей. Бросив взгляд через плечо, он было хотел увидеть реакцию Лии, но она перестала повторять за ним и продолжала говорить со своими подругами, рассказывая им то, на что не хватило времени в бункере. Трап опустился, все неторопливо выходили из машины. Когда же очередь дошла до девушек, то они долго не могли сойти с края платформы, воодушевлённо смотря на открывшийся новый мир и стоя нежились под лучами солнца.

Нейт остановился недалеко от места, куда должна была встать вторая машина. Он бережно следил за тем, как проходит вся работа, рядом с ним стоял Джейк. Джейк чаще всех был в Граунд-Хилле. Он настолько прочно занял позицию местного, что смог подружиться с какими-то людьми. Благодаря такой связи, отец Евгений часто консультировался с этим юношей. Параллельно происходящей разгрузке, девушки покинули первую бронемашину и почти начали расходиться в разные стороны, влечённые сильной любознательностью.

- Какой план? – поинтересовался Томас у Нейта.

- Вы охрана при транспортировке. И, пока мы здесь, можете прогуляться. – Нейт говорил с Томом, не смотря на него. Он переводил взгляд то на машину, то куда-то вдаль маленьких одноэтажных строений. – Тут уйма работы для нас, но будь не далеко, если что – поможешь.

Как только Нейт закончил говорить, можно было услышать, как сзади группа девушек перешла с шага на бег. Они все побежали в закоулки Граунд-Хилла, желая поближе познакомиться с его обитателями. Томас же надеялся не потерять их из виду и отправился вслед за ними, встретив по дороге лидера гостеприимного поселения.

Том хотел было остановить девушек, чтобы те не попали в беду, но остановился, доверившись и им и самому поселению. Томас держался стороной от подруг, надеясь не отвлекать их от осмотра различных невиданных ранее вещей и наблюдением за бытом местных. Он больше любовался сильным удивлением в глазах девушек, параллельно обращая внимание на то, как реагируют на гостей жители Граунд-Хилла. К его большому ожиданию, люди, при разговоре с Лией, Дарьей и Кристэн, долго не верили в то, что девушки прибыли из бункера, даже открыто смеялись, не стесняясь демонстрировать своё недоверие к их словам. Том смотрел на счастливых и любознательных девушек, и радовался вместе с ними.

- Можно мы ещё погуляем? – поинтересовалась у Томаса Лия.

- Лучше не отходите от меня, здесь может быть опасно.

- Пожалуйста!.. – умоляюще смотрела она на юношу.

Том слегка покраснел от того, как сильно Лия прижалась к его броне, ребячески прося разрешение. Он переборол свой страх и позволил девушкам идти туда, куда им хочется.

Через час туристки успели устать и разойтись кто куда. Даже Томас не успел присмотреть за всеми сразу, он всё смотрел на них, параллельно углубляясь в собственные фантазии, где представлял, как перед въездом в бункер будет стоять аналогичный базар, по которому будут бродить мужчины и женщины, занимаясь своими обыденными делами. Отдавшись также любопытству и наивным фантазиям, он сам начал бродить в тенях навесов и металлических крыш. Теперь отряд полностью распался на единичные лица, в новой неизвестной для них обстановке. Сам же Том гулял между прилавками, наблюдая за тем, чем торгуют и как живут местные жители. Многие не знали его, и активно расспрашивали откуда он.

- Это правда, что теперь вы берёте себе в ряды и девушек? – спросил один старик у торгового прилавка.

Томас посмотрел через плечо и увидел старика, что вопросительно смотрел на него в окружении стеклянных банок, бутылок, фигурок и линз. Он большими и бледными глазами приковал Тома к месту. Юношу сильно удивила внешность незнакомца, тот выглядел на несколько лет старше самого Сайка, будто этому человеку было за восемьдесят лет.

- Да… - смущённо ответил Томас.

- Что ж, это плохо. Но, с другой стороны, вы станете более прогрессивными, более человечными. Какая ирония, что возврат к человечности, только позволит нам на корню уничтожить эту человечность. – Старик говорил будто сам с собой, он смотрел куда-то вдаль сквозь юношу, сквозь стены из стальных пластин.

- О чем вы говорите? – Тома начали интересовать слова мужчины, ибо, он сам хотел бы, чтобы всё шло так, как идёт сейчас. Он никак не ожидал встретить противника своей мысли, что вся эта идея крайне плохая, тем более, встретить его в стенах столь великого Граунд-Хилла.

- Видишь ли, у каждого из нас своя цель и, для каждой цели есть своя дорога, прямая или извилистая, она ведёт нас к нашей мечте. Иногда, наши дороги соединяются с другими, идут бок о бок или пересекают их. Если *ферма* прекратит свою работу, то мы все будем на шаг ближе к тому, чтобы исчезнуть навсегда.

- Какая ещё ферма? И причем тут мой бункер?

- Какой ты глупый… По голосу ты уже взрослый, я бы даже дал больше двадцати двух, но мыслишь, как ребёнок. Ваш бункер и есть ферма. Вы поставляете нам детей, чтобы они росли и плодились дальше, тем самым, сохраняя текущий баланс или вернуть общую популяцию в старое русло. – Закончив свои слова старик начал нелепо улыбаться оставшимися у него зубами.

Томас начал сомневаться в здравом рассудке своего собеседника, он пытался найти логику в его словах, но никак не мог это сделать. Мысли впустую давили на юношу и сердили его.

- Мы вам поставляем только мальчиков, но учитывая, что у вас равенство между полами, то никакого баланса и быть не может, когда все рискуют одинаково.

Улыбка исчезла с лица старика, он нахмурился и почесал свою макушку, прищурившись, смотря сквозь юношу.

- Почему ты думаешь, что вы нам поставляете только мальчиков?

Том оборвал свой диалог со стариком. Он медленным и тихим шагом покинул его компанию. Юноша начал бродить по улицам и коридорам, надеясь найти Нейта или Джейка, пытаясь посмотреть на тех самых малышей, что одинаково одето, брели внутрь большой бронемашины. Он прошел ни через одну дверь, посмотрел ни в одно окно, но никак не мог найти хоть кого-нибудь из тех, кто ему нужен.

Вскоре он встретил Джейка, что сидел в шатком баре и пил что-то, отдалённо напоминающее кофе.

- Джейк, где Нейт?

Джейк посмотрел на Тома с некой загадочной грустью. Он любил молчать и понял, что именно сейчас ему придётся заговорить, чтобы от него отстали.

- Где и должен быть.

- Я видел вашего босса, он был в медицинском блоке мэрии, - раздался незнакомый Томасу голос. Это был странный и грязный мужчина, что пальцем указывал сквозь дыру в полотке на большое здание в несколько этажей позади лачуги.

Не поблагодарив своего помощника Том отправился на поиски своего командира.

Охрана пустила Томаса внутрь без каких-либо расспросов, им достаточно было узнать, что тот прибыл из бункера. Нейт находился в одном из многочисленных коридоров, он стоял, облокотившись на стену и чего-то ждал.

-Где дети? – спросил Том, как только подошел к командующему.

- Их осматривают доктора перед тем, как отдать в новые семьи.

- Я хочу присутствовать.

- В этом нет необходимости. – Нейт говорил с Томасом безразлично, будто через силу отвечая ему.

Томас сделал небольшую паузу, поняв, что он никак не проработал в своем плане диалог с Нейтом. Он ни капельки не думал о том, что ему следует сказать и предпринять. Его мысли были только о том, что всю его жизнь у него под самым носом скрывали столь важную информацию.

- У меня плохое предчувствие… - пробубнил Томас себе под нос.

Нейт никак не развеял «плохое предчувствие» юноши, только внимательно посмотрел на его лицо.

- Там правда есть девочки? – Вслед за своими словами, Том поднял глаза на командира. Он был прав, старик также никак не ошибался. Это было понятно по реакции Нейта. Выпучив глаза, он бережно начал осматриваться.

- Откуда ты знаешь? – прошептал он.

- Ответь на мой вопрос. – Томасу никак не хотелось уходить от поставленной им же темы, он хотел добиться ответа, любого, даже

ложь имела бы хоть какую-то ценность.

- Не все, чуть больше половины. Так откуда узнал?

- Рассказал один старик, он торгует стеклом на базаре.

Нейт будто выругался про себя сквозь сжатые зубы, подавляя злость. После этого он укоризненно посмотрел на Тома.

- Об этом никто не должен знать.

- Почему? Мы ведь можем сделать второй Граунд-Хилл и жить бок о бок с женщинами, как одно целое. Нас не будут недолюбливать другие общины, и сами мы сможем жить с чистой совестью. Да даже если так, когда мы отвоюем поверхность, то нас не будут называть варварами.

- Ты не поймёшь, всё сложнее чем тебе кажется. Ты думаешь, что так будет лучше для всех, но ты ошибаешься. Многие голову положат на то, чтобы сохранить всё так, как сейчас. А если кто-то и узнает, - Нейт осторожно осмотрелся по сторонам и, медленно наклонился к Томасу. – За такое и убить могут.

Том ощутил явную угрозу от слов Нейта.

- Мы и так в полном замешательстве из-за Лии и остальных, нельзя позволить этому прогрессировать, но… Лучше закрыть эту тему. – Нейт выпрямился и перестал шептать на ухо Томасу. По нему было заметно, что он сильно нервничает.

Том получил все необходимые подтверждения, он осознал, что не только внешний мир полон тайн, но и его собственный дом, в котором он живёт уже множество лет. Перед ним выросла неизмеримо высокая стена таинственного заговора, или хитроумного и скрытного плана, о котором он мог только догадываться. Он знал не многое, только то, что параллельно с мальчиками из убежища в тайне поставляли ещё и девочек. Копошась в воспоминаниях и анализе новой информации, юноша начал разворачиваться, чтобы уединиться и подумать обо всём, что он узнал.

- Томас, держись подальше от Лии. Её не зря начинают бояться наши ребята, мы ведь до сих пор не знаем, как рождаются новые витумы. – Нейт говорил в спину Тома, надеясь, что тот смог его услышать.

Томас бродил по улицам погруженный в собственные мысли. Уже много лет он иногда, почти раз в пару лет тренировал маленьких мальчиков. Он хорошо знал, что там не могло быть ни одной девочки,

значит их отбирают ещё раньше. Дверь в женский корпус закрыта плотно и открыть её без шума просто невозможно. К тому же перед ней в зале всегда есть те, кому нечем заняться. Тренирующиеся были бы в курсе всего происходящего; если узнает один, то все узнают в тот же день. Значит, девочек пускали незаметно для всех со всем потоком, чтобы они слились с мальчиками. Такие группы были только в «ночи продолжения», когда дети, совсем маленькие и полностью прикрытые лохмотьями (под этими тряпками ничего не видно), неясно кто какого пола. Сразу после их прибытия врач даёт им пищевые добавки и витамины для ускоренного роста и набора массы. Ближе всего медицинский кабинет находится у зала отцов. Значит, именно там и происходила вся необходимая сортировка.

Томас долго бродил по Граунд-Хиллу, пока не наткнулся на Лию. Она сидела у какого-то ржавого стола и, молча смотрела на окружающих её людей. Юноша прошел бы мимо неё, если бы она не остановила его, крепко взявшись за руку. Повинуясь ей, Том сел рядом.

- Тут красиво, - заметила девушка.

Кружащие вокруг люди уже перестали интересоваться своими гостями, из-за чего активно вернулись в быт: торговали железом и хламом с улиц и домов города, готовили сытные лепёшки из самых разных ингредиентов и варили дефицитный чай.

Томас молчал. Он дальше думал о той тайне, что открывалась перед ним. Теперь он имел полную уверенность в том, что отцы скрывали у себя маленьких детей для того, чтобы их отсортировать и разбить на группы, которые будут или жить дальше в убежище или будут отправлены в виде пополнение для Граунд-Хилла и других общин. Но знают ли об этом девушки в женском корпусе? Так же ли они находятся в полном неведенье перед происходящим, или они тоже являются частью огромного заговора вышестоящих матерей?

Лия что-то пыталась говорить, пока Томас смотрел в невидимую точку перед собой, проворачивая в голове разные мысли и догадки. «Если эта информация откроется, то мы точно сможем придвинуться к тому, чтобы стать новым Граунд-Хиллом. Обвинив отцов в лжи и манипуляции, мы сможем перевернуть всё с ног на голову. Мы изменим власть, изменим структуру и быт, мы сможем быть людьми, быть как одна большая дружная семья», - Томас думал, что он сможет найти людей, которым легко доверит эту важную информацию.

- Я видела старого мужчину в зале с машинами, и видела, что ты говорил с ним. Скажи, он твой отец? – задала очередной вопрос Лия.

«Отец» - то самое слово, что вырвало Томаса из глубоких, словно болото, мыслей. Том будто, как избитый забыл обо всём, что его окружает. Когда он только начал догадываться о какой-то большой тайне, что могут хранить отцы, он начал опасаться всех вокруг, ожидая быстрого предупредительного удара в спину, который заставит его молчать. Но Томас должен был первым делом подумать о своём немолодом товарище, что мало того, что открыл некоторую опасную для его жизни тайну, так и был готов поделиться подтверждением своих слов с другим. Сайк рисковал всем ради того, чтобы Том знал правду, и Томас тоже должен отплатить ему.

- Да... В смысле нет, он не мой отец. Он просто друг, который помогает всем. – Даже потерявшись в собственных мыслях, Том попытался дать Лии ответ.

- Его все уважают, даже несмотря на то, что у него есть проблемы с речью и здоровьем. Я иногда думаю, что его вот-вот выгонят или он умрёт своей смертью. Пока от него есть польза, он живёт с нами, в прочем, как и все остальные, - продолжал Томас.

- Что за проблемы у него? У вас же есть врач.

- Он не совсем врач. Он бывший ветеринар, у которого есть небольшие познания для работы с людьми. Некоторые болезни он никак не лечит, потому что просто не знает. К тому же, он лечит и помогает только тем, кого считает более приоритетными. Иногда он это делает по приказам отцов, иногда сам решает, кому помочь. У Сайка же большие проблемы с речью и головой, он не выговаривает некоторые слова, из-за чего иногда его сложно понять.

Лия грустно посмотрела куда-то вдаль.

- А если я тоже стану врачом? – поинтересовалась девушка.

- Если у тебя получиться, - Томас тихо посмеялся, посчитав эту мысль забавной. Лия ответила ему невинной улыбкой. – Я тоже хочу спасать жизни.

Они сидели молча, наслаждаясь окружением. Девушка смотрела на всё вокруг, иногда наблюдая за юношей. Они уже ни о чем не говорили, им достаточно было просто сидеть рядом друг с другом, чтобы чувствовать себя нужными и в безопасности.

Томас пришел к выводу, что первым делом он расскажет всё Сайку, сделает это так же незаметно, как и старик дал ему личный дневник. Юноша мог бы рассказать и Скаю, но не знал сможет ли тот всё понять и держать язык за зубами. Придёт время и переворот случиться. Обязательно. У них будет план, будут сторонники. Им нужно только время. Нейт говорил: «нельзя позволить этому прогрессировать», значит, не все рады тому, что ряды мужчин пополняют девушки. Именно поэтому никто и не помогал Лии, когда на неё напал Кайл. Никто не стал его отговаривать от этого, если кто-то и знал. Может кто-то и вовсе *помог* ему. Томас даже засомневается в том, что Кайл получит наказание за свою выходку. Если же ему и пригрозят отцы пальцем, то другие бойцы будут только возносить.

- Отцы не хотят, чтобы *вы* были здесь.

- Что? – перебила его Лия, которая не расслышала собеседника.

- Лия, я боюсь, что тебе никому нельзя доверять в бункере, кроме меня. Даже Дарья и Кристэн должны держаться от всех на расстоянии. А если нас будут вызывать на задания по очереди, будем пытаться отказываться, пока не поедем все вместе. – Томас прекрасно понимал, что любое сопротивление рано или поздно приведёт к тому, что произойдёт беда. Когда он покинул Лию – она пострадала, и таким образом, достаточно выманить одного-двух, как все три девушки бесследно исчезнут. Он уже пытался остаться, и ничего из этого не вышло. Это был бессмысленный бой, но Томас не мог сдаться.

- Я не понимаю… - пыталась возразить девушка.

- Я тоже не до конца всё понимаю, но нам лучше держаться всем вместе.

Лия не стала никак реагировать и отвечать Томасу. Она прекрасно понимала то, что сможет за себя постоять. Даже после того, что с ней случилось в тренировочном зале, она идеально осознавала свои возможности.

Прошел ещё не один десяток минут полных молчания. Томас ждал, когда за ним наконец-то придёт Нейт или Джейк, когда они скажут, что все могут вернуться домой, когда сегодняшнее задание будет завершено и можно будет отдохнуть. Лия просто сидела без какого-либо лишнего шороха, полностью доверившись Томасу, его планам, его знаниям и привычкам.

- Лия! – раздался голос откуда-то со стороны.

Девушка сразу узнала голос Кристэн и обернулась в сторону говорящей. Кричащая девушка бежала между маленькими палатками и в конечном итоге примчалась к столу, где были Том и Лия.

- Я не могу найти Дарью.

«Может, она просто увлеклась осмотром?» - пронеслась мысль в голове Лии, но она никак в неё не поверила. Нет, она прекрасно понимала, чем может всё кончится, чем всё точно кончится. В голове всплыл момент, когда она беспомощно лежала на холодном и грязном полу, когда ей прилетали в живот тяжелые удары ботинка с металлическим носком. Если у Лии и получилось как-то бороться со сложившейся несправедливостью и жестокостью нового мира, то на счёт Дарьи она сильно сомневалась. Она даже не могла поверить в то, что с девушкой могло произойти что-то хорошее или не опасное. Что-то случилось, что-то плохое, она это знала; она чувствовала этот таинственный смрад гнева, летящий в воздухе.

Сорвавшись со скамьи, Лия ринулась куда-то в сторону палаток, откуда выбежала Кристэн. Девушка помчалась за ней, Томас опешил, но решил не отставать от всех, тем более, не терять Лию к Кристэн из виду.

Лия бежала сквозь ряды и толпы людей совершенно бездумно. Она мгновенно потеряла всю построенную за многие дни тренировок собранность и хладнокровие. Она плакала и бежала. Её ввёл незримый магнетизм, прямо к своей подруге, к той, которая, как никогда раньше, нуждается в помощи и поддержке.

Как бы долго Том и Кристэн не бежали вслед за Лией, как бы внимательно не следили за ней, они всё равно потеряли бы её. Им суждено было отстать от неё, потерять её из виду. Девушка была быстрее, гораздо быстрее их двоих, и в конечном итоге они потеряли с ней какой-либо контакт. Томас, пытаясь отдышаться, шел дальше по направлению пути Лии, надеясь, что рано или поздно наткнётся на неё или Дарью. Параллельно этому он надеялся, что не произойдёт очередной беды.

Прошла ни одна минута, как уставшая пара бессмысленно шла по следам Лии, надеясь на самый положительный исход их поисков. Расспросы зевак не давали результатов, никто не видел Дарью, а Лия настолько быстро скрылась с поля зрения, что никто даже и не запомнил деталей. Вскоре они услышали крик, и не только они... этот

звук был настолько резкий и громкий, что полностью окутал весь Граунд-Хилл. Это был крик скорби, боли от утраты, гнева и одержимости. Это был крик Лии. Томас с Кристэн получив второе дыхание ринулись в сторону крика. Родившаяся из-за этого паника резко начала набирать обороты. Теперь уже можно было слышать, как кричат и местные люди, женщины и дети, они кричали из-за страха перед неизвестной незримой угрозой. Они не знали, что случилось, не знали, чего боятся, но они чувствовали страх. Разнёсшийся крик поразил их в самое сердце, именно там, где они никогда бы и не ожидали его услышать, в родном доме, в месте, где они чувствовали себя в безопасности.

Былая толпа, что перемещалась по улице очень медленно, вмиг развила такую скорость и бурность движений, что с лихвой сбивала с ног любого, кто был не в силах совладать с этой ужасной стихией. Кристэн и Томас пробирались сквозь образовавшееся препятствие. Они теперь уловили чувство надвигающейся опасности, и надеялись, как можно скорее добраться до своей подруги, ступая по ногам прохожих и перепрыгивая упавших людей.

Они добрались до источника крика быстро, но слишком поздно чтобы что-то предпринять. В небольшом, скрытом от солнечных лучей закутке коридоров и тупиков, они видели лежащую на полу в луже дождевой воды Дарью, на горле которой оставались свежие синяки в виде длинных пальцев. Глаза её были выпучены, казалось будто вот-вот, и они вылезут из орбит. Рот был широко открыт в последней попытке заглотнуть живительного воздуха, вместе с ним ноздри были расширены больше обычного.

В нескольких метрах от мёртвой девочки лежало ещё два человека, абсолютно незнакомых для Томаса и Кристэн. Это были два рослых мужчины, один из них лежал в углу тупика, не подавая каких-либо признаков жизни. С его окровавленной рубашки и штанины стекал слабый и тонкий ручеёк крови. Второй мужчина, лежа на полу, держал руки над собою, пытаясь защититься от ударов своего противника. Лия же, била его ножом прямо в то место, где когда-то было лицо. Обломок ножа был недостаточно длинным, чтобы сразу убить бедолагу.

Томас с Кристэн стояли в полном оцепенении. Даже если бы они потратили долгие часы на представления многих ужасных картин, то

не смогли бы и малейшую часть вообразить того, что им пришлось увидеть. В считанные секунды их уединение нарушили посторонние люди, что тоже сбежались на крик.

Практически сразу подоспели ещё люди. Лию повалили на пол и плотно прижали к земле. Несколько человек подбежали к ещё живому мужчине, что никак не убирал руки из защитной позы. Его подняли и начали куда-то уносить. Том бросил на раненного человека беглый взгляд и понял, что тому не суждено прожить дольше нескольких минут, даже если ему сразу будет оказана помощь наивысшего качества. Раненный ничего не говорил, только издавал хлюпающие звуки из своего рта. Но его уцелевший от ударов глаз излучал благодарность и нестерпимую боль.

События начали развиваться со стремительной скоростью. Резко поднялся гул и гам, в котором люди обсуждали и спорили о том, что случилось. Кристэн упала к холодеющему телу Дарьи и начала плакать. Томас пытался успокоить людей, что повалили Лию на землю. Кто-то из толпы достал пистолет и начал целиться в голову убийцы.

- Эта дрянь должна умереть! – кричал человек с оружием в руке.

Почти все присутствующие, кто мог говорить и мыслить здраво, поддерживали его выбор. Появились ещё несколько охранников и докторов, что пытались успокоить взбаламученную толпу. Среди собравшихся был и Джейк, который быстро исчез в потоке лиц. Вскоре пришел Нейт.

Вошедшим с трудом удалось угомонить вскрикивающих в ярости зевак и тех, кто, почуяв кровь, обезумели от запаха и вида жестокости. Лию связали местные представители порядка и утащили прочь. Девушка сопротивлялась, кричала что отомстит убийце, пыталась вырваться, но она не смогла освободиться от крепких пут, что сковали её. Нейт отправился вместе с Лией и её охранниками. Томас же хотел, как можно скорее последовать за своей подругой, и надеялся оторвать Кристэн от скорби по Дарье. Он и сам был сильно шокирован происходящим. Смерть девушки была более печальной, чем гибель любого другого человека из убежища.

Кристэн долго не поддавалась на убеждения Тома, юноше казалось, будто под уговорами девушки прошла целая вечность. Но ему всё же удалось отвести её подальше от погибшей подруги, и они пошли к месту, где предположительно должны держать Лию. Оно

выделялось среди других зданий тем, что сейчас было самым шумным и оживлённым. Стена из охранников сдерживала непрекращающийся поток людей, что пытались проникнуть внутрь охраняемой территории. Кристэн и Томаса пропустили внутрь через чёрный ход.

Лию посадили в небольшую железную клетку, где та сидела в углу, уткнувшись в свои колени и плакала. Том с Кристэн сели на скамью напротив клетки, ожидая, что девушке будет вынесен приговор. Кристэн в скорби обняла Томаса за руку и уткнулась в его плечо лицом. Нейт был в соседнем помещении за закрытой дверью и о чем-то говорил с одним из охранников, возможно, с начальником всей охраны Граунд-Хилла. Джейка нигде не было видно, он или дальше составлял компанию крепкому напитку, забыв о своих товарищах, или держался где-то в стороне, не привлекая к себе внимания.

Помещение выглядело отвратительным, но чем-то напоминало Тому о доме. Облезшие стены с почерневшей от подтёков поверхностью, враждующая с чистотой плесень, жуки. Это был каменный дом, который раньше мог быть частью полицейского участка, но почти всю мебель из него вынесли.

Томас не знал, какой будет вынесен приговор для Лии, но пытался рассмотреть всё случившееся так, как он знал лично. Он прекрасно понимал, что есть в Граунд-Хилле некоторые места, куда лучше одному не забредать, но, чтобы обе девушки разделились и одна из них оказалась в опасном месте, да к тому же была человеком, что представлял союзный лагерь. Её убийство было рискованным и немыслимым. Это выглядело, как нелепое стечение обстоятельств, если не жестокая шутка.

- Плохо дело. Они не отпускают нас и хотят провести «расследование», - недовольно произнёс Нейт, когда незаметно подошел к Томасу так, что тот даже дёрнулся от удивления. – Хотят всё сделать «по закону». А как по мне надо: отруби голову и с концом. – После этих слов, Нейт недовольно сплюнул на пол.

Томаса передёрнуло от фразы Нейта, он от злости сжал кулаки, подавляя желание ударить своего командира.

- Что будет дальше? – спросил Том сквозь сжатые зубы.

- Если всё пойдёт против неё, то она будет казнена за нарушение закона в назидание остальным. В лучшем случае, её нападение посчитают обоснованным и отпустят.

- Надеюсь, что её отпустят, - Томас мельком посмотрел на Нейта, который только как-то злобно ухмыльнулся от этих слов.

Через несколько минут Нейт удалился по своим делам. Томас же надеялся, что для Лии всё обойдётся лучшим исходом. Он понимал, что, Лия не смогла сдержать себя и напала на тех мужчин за то, что они убили Дарью. Она бы ни за что первой не напала, не будь на то веских причин. Но как бы сильно Том не верил в её невиновность, что-то в глубине его сомневалось в этом.

- Лия, что там случилось? – спросил Томас, смотря на девушку в клетке.

Лия только подняла глаза, и молча уставилась на юношу. Она смотрела на него такими спокойными и добрыми глазами, которые от долгого плача стали полностью красными. Посмотрев на Кристэн и то, как она прижималась к Томасу, взгляд Лии резко переменился. Кристэн вцепилась в Тома, её слёзы стекали по его броне, она ластилась об него, требуя утешения и помощи, но он только сидел и сочувственно смотрел на Лию. По коже юноши прошелся холодок, ведь взгляд девушки и её глаза напоминали взгляд почти любого витума, которых он встречал ранее. Он был настолько пустым, что можно было засомневаться в разумности его хозяина.

Так они сидели около часа, где Лия, продолжала смотреть с какой-то скрытой злобой на свою последнюю подругу. Позже их тихое уединение нарушили гости. Пришел Нейт в сопровождении с другими людьми, что присутствовали на месте преступления. Они бегло оценили обстановку в помещении и приступили к вынесению приговора.

- Двойное убийство, совершенное у бывшего тату салона «Игла» арестованной девушкой по имени Лия, что произошло около полутора часов назад, по соображению наших медиков и охранников является полностью оправданным. Осмотр тел показал, что девушка по имени Дарья, погибшая из-за удушья первой убитого по имени Макс. Под её ногтями оставалась кожа, содранная с руки убийцы. Допросить выжившего мужчину по имени Симон не получилось – он скончался спустя три минуты после транспортировки в медпункт. Смерть Симона наступила в ходе полученных колотых ран в количестве двенадцати штук. В медицинской помощи отказано. Смерть виновников убийства посчитана заслуженным наказанием, однако, мы

требуем от жителей бункера впредь не покидать общественных мест и не расходится. В таком случае мы отпускаем арестованную девушку и надеемся, что это никогда больше не повториться. Её оружие, оставленное на месте преступления конфисковано. Арестованной Лии даруется свобода. Также ей выдвинуто предупреждение, что, если данная ситуация повторится, она будет казнена на месте без предварительного расследования. – Пока один из одетых в плотный бронежилет солдат говорил эти слова, второй подошел к клетке и начал её отпирать.

Когда клетку открыли, Лия не сразу вышла наружу, она продолжала сидеть в дальнем углу, злобно смотря на всех присутствующих. Томас чувствовал, что ей сейчас, как никогда раньше требуется поддержка человека, которому она доверяет, и поднявшись со скамьи он направился к клетке. Заметив эти действия, девушка вскочила из своей темницы и побежала к юноше. Кто-то от сильного удивления и испуга не стал медлить и схватился за оружие. Но ничего страшного не произошло, девушка просто обняла своего друга.

- Довольно! Мы уходим, - сказал Нейт, разворачиваясь в сторону выхода.

Все медленно последовали обратно к бронемашинам. На улице уже никто бурно не говорил о том, что из убежища прибыли девушки-бойцы, все только со страхом в глазах смотрели на Лию и тихо перешептывались между собой. В первой машине уже сидел Джейк, что тихо ждал возвращения остальных людей.

- Где ты был? – поинтересовался Томас.

Джейк ничего не ответил. После небольшой паузы он протянул Тому пустую стеклянную банку. «Подарок» - сказал он.

Когда обе машины завелись и начали уезжать через большие ворота, Лия будто пришла в себя от долгого сна и быстро осмотревшись начала кричать: «где Дарья? что с Дарьей?». Нейт только ответил ей, что по законам Граунд-Хилла, все погибшие внутри поселения люди проходят обработку и используются в качестве удобрения. Всё остальное время, пока все возвращались обратно в бункер, девушка молчала. Путь назад был таким же спокойным, как и в самом начале их задания, только они теперь ехали без Дарьи и детей. Атмосфера внутри машины была какой-то более гнетущей, и Томас понимал, что он уже возвращается не в свой привычный и родной дом,

а туда, где бушует множества скрытых тайн, предательств и желаний избавиться от лишних людей.

Когда они уже заехали в ангар, и машина остановилась, Лия незаметно для всех вышла из помещения и исчезла в перепутье коридоров. Даже Томас, который ранее ей говорил, что им надо держаться вместе не ожидал такого поведения. Он заметил пропажу девушки слишком поздно, и теперь ему было не просто не по себе, он ощущал невыносимо болезненное жжение в груди, будто его проткнули раскаленным ножом. Он было хотел поговорить с Сайком, познакомить его с Лией и тайком обсудить то, что он узнал от Нейта и старика из Граунд-Хилла. Юноша отправился искать девушку, но не нашел её ни в столовой, ни в тренировочном зале, даже в зале, что прилегает к женскому корпусу, и в собственной комнате её не было. Сама Кристэн полностью физически и эмоционально опустошенной отправилась спать, а Томас, несмотря на то что чувствовал себя не совсем здраво, направился дальше искать Лию.

Девушка была в кабинете ветеринара, где, сидя на стуле о чём-то говорила с мужчиной. Том застал их разговор у самого входа, но решился не вмешиваться.

- …Уже четвёртый день, и я не знаю, что мне делать. Это сводит меня с ума и раздражает, заставляет думать, будто её приносит кто-то чужой, даже тот, кто не может этого делать. Из-за этого все мысли перемешиваются, голова идёт кругом, тошнит. А сегодня… Я поняла, что хочу знать, как помочь человеку, которому больно, как спасти того, кто находится перед смертью. Что надо сделать, чтобы вернуть человека обратно. – Лия говорила, не сдерживая слёзы. Томас на протяжении всего разговора слышал её тихие всхлипы.

- Увы, но человека к жизни вернуть почти невозможно. Ничего не осталось для таких операция, но можно поддерживать его в предсмертном состоянии, а если повезёт, то и восстановить его здоровье. Когда ты помогала мне бинтовать Томаса, я понял, что в тебе есть потенциал и интерес к этой сфере. Я могу дать тебе книги, научить чему-то, помочь. Иметь помощника было бы полезно. Но давай обсудим это потом, когда ты отдохнешь от сегодняшних событий.

Вскоре после этих слов Лия вышла из кабинета врача. Она смотрела в пол, и, не признав Томаса, толкнула его плечом. Юноша

посмотрел вслед за ней. Чувство переживания за девушку стали затихать, ведь он видел, что сейчас она в порядке, если её состояние можно было так назвать. Но некий холодок прошелся по его коже, заставив поёжиться на месте. Том зашел к ветеринару.

- Ах, Томас. Я рад, что ты пришел. Ты всё хотел узнать о риске для здоровья Лии, и увы, у меня плохие новости. Она была у меня только что, скорее всего, ты даже застал её. Мои опасения подтвердились. Из-за боя, что произошел в тренировочном зале, она получила очень критичные повреждения. У меня есть подозрения, что у девушки начинается развиваться сепсис.

- Что это? – поинтересовался Томас, не зная определения нового слова.

- Это могло произойти из-за повреждения *vesica urinaria*, – мочевого пузыря, – в ходе чего кровь Лии оказалась заражена бактериями, что теперь распространяются по всему организму; это приведёт к заражению и смерти.

Боль, что несколько минут назад царила в груди Томаса, вернулась с новой силой. Он чувствовал, как накаляется его тело, по голове будто ударили тяжелым кулаком, а разум сжали железными рукавицами.

- Это можно вылечить? – запинаясь спросил он.

- Не в нашем случае. Её органы постепенно будут отказывать, и она будет мучиться до самой смерти.

- Сколько ей осталось?..

- Сложно сказать: может полгода, может пару лет. Это в лучшем случае, в худшем – девушка не выдержит постоянной боли и наложит на себя руки.

Глава 10. Вестники

Лия вернулась обратно в свою комнату. Всё её тело странно и слабо болело. Она знала, что теперь Кристэн оставлять одну нежелательно. Девушка не хочет потерять ещё одну подругу. Вдруг в стенах этого убежища может случиться что-то такое же, что произошло и с Дарьей. Дарья... Лия до сих пор не могла поверить в то, что произошло. Картина шестичасовой давности всплывала в голове с новой силой, будто бы разыгрывается прямо сейчас.

Лия забегает по узким коридорам в какой-то маленький и полутёмный тупик. Её ввело незримое течение, она не знала точно куда бежать, но поддавшись интуицией прибежала напрямик к Дарье. Слишком поздно. Подруга уже лежала на земле, она не дышала, её глаза уставились на Лию, но она никак её не видела, не могла видеть. Следующие действия были как, в тумане. Лия только помнит, что, взяв нож, она накинулась на одного из мужчин, что стояли рядом с Дарьей. Всё, что помнит Лия, так это то, как она ощущала впервые какой-то всесильный прилив злости и энергии. Она много била и никак не уставала. Во рту был какой-то сильный привкус железа, такой же, какой витает в воздухе медицинского кабинета. Её сердце билось так быстро, что казалось, будто бы оно способно вырваться из груди, причинив много боли. Это было больнее, чем тогда, когда её опрокинули на пол и пинали, и даже момент, когда она впервые вышла во внешний мир был менее болезненным.

Лия лежала на своей койке и свернулась калачиком. Ей хотелось вернуть старую, привычную боль. Всё, что было с ней раньше, было просто несуществующим, нереальным, в сравнении с тем, что ей удалось пережить сегодня. Она убила Дарью, из-за Лии погибла её подруга. Девочка могла и дальше оставаться в стенах женского корпуса, пережить день, когда девушки становятся матерями, и жить дальше в окружении своих детей и новых подруг. Но теперь, теперь её больше нет, она никогда не сможет поговорить со своими подругами, не сможет обнять их. И всё из-за Лии.

«Что я наделала…» - едва слышно проговорила Лия. «Мы выходим в этот большой мир для того, чтобы нас не стало, чтобы мы

умерли. С нами это случиться рано или поздно. Разница лишь в том, насколько больше боли мы переживём перед тем, как нас не станет. Но конец всегда будет один, для любого, для всех», - Лия продолжала говорить шепотом сама с собой.

- Лия, ты в порядке? – спросила Кристэн, войдя в комнату подруги.

- Нет!

Кристэн прошла через всю комнату, чтобы оказаться у койки и сесть рядом с подругой. Лия всё это чувствовала, она слышала каждый шаг, каждое дыхание. Ей довелось ощутить тяжесть взгляда, того самого, который причинял больше боли, нежели помогал. Он ставил клеймо жалкого ничтожества, слабака. После гибели Дарьи пришли люди... много людей. Они били её, и, связав, унесли в железный ящик, где было больно и холодно, где она смотрела, как её подруга тянется и нежится с Томасом, как она висит на нём, наслаждаясь его компанией и утешениями. Скрывала свой подлый взгляд от Лии, от той, что сильнее всех нуждалась в Томе, в его поддержке и тёплых словах. А сейчас она словно довольна своей победой восседает над поверженной Лией. Кристэн в один день стала врагом, Дарья в один день исчезло, Лия в один день осознала всё, чем является этот мир и все его обитатели.

- Лия, мне так страшно оставаться одной, - сказала Кристэн. По её голосу было понятно, что она слегка напугана, но не сильно. Чему ей боятся в стенах бункера? Она никак не враждует с местными, а беду увидела только снаружи. «Нет, она хочет быть ближе к Томасу».

- Будет лучше, если ты будешь спать со мной в одной комнате, а Томас переберётся в твою, ради общей безопасности. – Лия уже хотела всеми силами отдалить Кристэн подальше от юноши, не позволить ей быть близкой к нему, контролировать каждый её шаг, каждый взгляд и вздох.

- Спасибо.

Кристэн пыталась успокоить свою подругу. Она осторожно гладила её по плечу, так же, как делали и матери, когда успокаивали своих дочерей, когда те поссорились с кем-то или их обругали взрослые. Кристэн надеялась, что это поможет... но это не помогало. Такие, хоть и нежные касания со стороны бывшей подруги, Лия ощущала с неприязнью, словно прикосновение к какой-то железной,

холодной и враждебной вещи. Они были неприятны настолько, что по телу пробежался холодок.

Через десять минут безуспешной попытки успокоить подругу, Кристэн наконец удалилась на соседнюю койку. Её переселение этим и закончилось, ведь у неё не было личных вещей, которые можно было хранить в своей комнате, как делали многие другие. Лия по-прежнему слышала дыхание девушки, уже начав жалеть о своём решении.

- В этом нет твоей вины, - прозвучала фраза со стороны соседней кровати. – В этом я виновата. Мы с Дарьей вместе пошли бродить по тем коридорам, и в конечном итоге всё случилось именно из-за того, что мы были невнимательны; я не усмотрела за ней. Мне жаль, что так вышло, я бы ни за что не оставила её в опасности.

«Да, ты виновата» - мысленно согласилась Лия.

Девушка продолжала злиться на свою бывшую подругу, она бы даже с радостью набросилась на неё и выместила весь свой гнев. Но её сдерживало странное чувство тепла, которое дополнительно навивало спокойствие. Её тканевой ошейник, который раньше принадлежал Тому, был как некий ограничитель, но такой приятный и лёгкий.

Девушки оставались неподвижными до тех пор, пока не явился Томас. До его прихода Лия и Кристэн не пытались восстановить разговор, не собирались куда-либо уходить. Они просто сидели и ждали, ждали того, что вернётся Том и развеет неудачливую и туманную атмосферу. Даже призыв на ещё одно новое задание было бы спасением из это ужасной атмосферы, и не важно, что было бы на нём. Кристэн по-прежнему оставалась привязанной к Лии, из-за того, что она до сих пор не смогла полноценно адаптироваться под новый для неё мир.

Том понял, насколько неприятна данная ситуация и согласился на новые условия проживания. Он незамедлительно отправился в свою новую комнату, предварительно отдав девушкам пару советов на будущее. «Завтра, я хочу познакомить тебя с одним важным человеком» - сказал Томас перед тем, как покинуть родную комнату. Лия после ухода юноши продолжила погружаться в глубины раздумий о жизни всех людей вокруг, и себя самой. Она даже не заметила, когда её веки начали закрываться и она уснула.

Бесконечный круговорот фиолетового цвета до сих пор окружал её всюду, проникая даже в те далёкие углы сна, куда могла посмотреть

девушка. Теперь в её сновидениях о странном чуде был и Томас. Лия чётко ощущала его присутствие рядом с собой, она чувствовала, как он обнимал её вокруг шеи, охранял её от любой напасти. Но даже Том не всесилен, всесильна только одна Лия. Она единственная кто не боялась скрытой в ней силы. Силы, что пробудилась после первой недели жизни в новом мире. Никто другой, даже Томас, не мог продемонстрировать что-то похожее на протяжении всего времени. Никто, кроме Кайла. Лия видела в Кайле самого настоящего соперника в стенах безопасного дома. Но даже если в своем доме, рядом с Томом есть враг, то они есть и везде, все вокруг враги, от них не сбежать, их не истребить, а значит, нужно их уничтожать до тех пор, пока не останется самый последний враг. А после него, останется только Томас. Только он один.

Глубокий сон позволял подумать обо всём, что можно было представить в своём сознании. Во сне Лия полностью перестроила свои мысли на счёт окружения. Проснувшись после непродолжительного сна, она увидела, как в другой стороне комнаты спала Кристэн. «Скоро, очень скоро это произойдёт, я уверена. Он будет только моим» - говорила про себя Лия.

Выйдя из своей комнаты, Лия убедилась, что Томас всё ещё спал. Значит, ей нужно было найти дело, чтоб занять себя и быть как можно дальше от Кристэн. Девушка решила отправиться к врачу, который пообещал ей, что поможет. Он, учитывая познание в строении человека, знает достаточно, чтобы помочь девушке, в чём бы то ни было. Она шла через коридоры, которые уже запомнила наизусть. Она так часто шла по ним, запоминала постоянные и привязанные к определённым местам шумы, чувствовала специфические запахи, и уже могла гулять по этим тоннелям с закрытыми глазами, зная, что где находится.

Ветеринар не заставил себя искать по всему бункеру, он находился в собственном кабинете и смотрел какие-то бумаги, проверял стеклянные склянки и колбы. Он также что-то записывал на листах и сортировал отдельные таблетки в маленькие коробки.

- Я пришла учиться, - сказала девушка, подойдя к столу врача.

Мужчина от неожиданности дёрнулся и поднял голову на вторгшегося гостя, но убедившись, что, Лия одна, успокоился. Он

быстро убрал все таблетки по своим местам и скрыл листы с записями под другими книгами и папками.

- Я не ожидал, что ты так скоро придёшь. Если хочешь, можешь начать с чтения любой книги на полке. Могу посоветовать медицинский учебник Т. Ангреуса «Анатомия», там достаточно подробные описания строения человека и возможности лечения. Уже это стоит знать начинающему студенту. – Учитель Лии указал пальцем куда-то в сторону огромного шкафа и решил продолжить заниматься своими делами.

Лия подошла к указанному месту, шкаф был выше её ростом, и весь был переполнен странными книгами. Девушка не совсем понимала, что это такое, но смогла определить, что эти предметы хранят в себе много знаний и информации. На всех этих книгах были указаны непонятные для девушки каракули, некоторые из них она вспомнила с таблички у двери к отцам. «А-на-то-ми-я...» - повторила про себя девушка, вспоминая символы на табличке и то, как их озвучивал Томас. Не сразу, но всё же Лия правильно взяла на руки нужную ей книгу. Слов в ней было много, слишком много чтобы быстро читать. Каждое слово приходилось перебирать по отдельности, некоторые казались настолько странными и нелепыми, что девушка начала сомневаться, что ей хотят помочь, будто врач тоже водит её за нос. С таким предположением, девушка окинула комнату взглядом; вокруг она видела множество маленьких полок и шкафов, у входа в кабинет висел прикреплённый зажимами красный топор.

- Может, вы сами расскажете? – спросила Лия у мужчины.

- Могу, но не сейчас. Я слишком устал за сегодня и, если ты не против, хотел бы перенести обучение на завтра. Было бы ещё лучше, если бы ты не только слушала, но и делала. Если у меня появится больной, то я тебя позову.

Девушке никак не давало покоя оружие, что висело на стене в кабинете врача. Она гадала, если мужчина спасает жизни, то зачем ему такой опасный предмет. Медленно подойдя к ветеринару, она решилась всё-таки спросить его.

- Зачем вам та штука на стене? Боитесь, что монстры проберутся сюда?

Услышав эти слова, врач засмеялся. Его смех был неожиданным и звонким, настолько, что девушке стало не по себе.

- Нет, что ты! Ни одна тварь не проберётся сюда, у нас же тут по коридорам бродят настоящие истребители этих заблудших созданий. А этот топор висит на худшие случаи лечения. Если, к примеру, нужна срочная ампутация конечностей.

После своих слов, учитель удалился в маленькую каморку. Он предупредил Лию, что уходит спать, и, порекомендовал ей вернуться позже, если ей интересна медицина. Приметив интересное оружие, девушка не спешила покинуть кабинет врача, где осталась совершенно одна. Подойдя поближе к интересному предмету, она заметила, что лезвие топора не особо острое и в разы бывшего ножа. Сама поверхность лезвия была также не ровная, что говорило о том, как многократно пользовались этим инструментом. Но, всё же он выглядел грозным и сильным.

Девушка не скоро, но покинула кабинет, в котором потеряла какой-либо интерес ко всему в нём находящемуся. Она также ходила дальше по коридорам, желая, как можно позже вернуться в собственную комнату. Ей хотелось, чтобы Кристэн наконец-то перешла через страх перед посторонними и начала чувствовать себя самостоятельной, а, лучше, исчезла навсегда. Лия всё меньше чувствовала себя сонливой, её бодрили болезненные ощущения, которые распространяются по всему телу. Она не знала из-за чего это случилось, не знала, как это остановить. Она даже не смогла получить вразумительного ответа от учителя и просто не понимала, что делать. Это боль началась через день после драки с Кайлом, и никак не прекращалась.

Проходя мимо своей комнаты и новой комнаты Томаса, Лия убедилась, что те всё ещё спят. А ей всё более было скучно, больно и одиноко. В столовой ей дали уже привычную пищу, несколько людей всё также не спали, пытаясь как-то скрасить свои скучные дни взаперти. Лию уже не пугала перспектива того, что кто-то решится напасть на неё. Она каждую секунду готова к тому, что случиться что-то страшное. Она даже будет этому рада, лишь бы скрасить грусть и одиночество. Кто-то из мужчин просто мотался так же бессмысленно, как это делала и Лия, кто-то готовился к тому, чтобы отправиться во внешний мир по приказам начальства. Все сидели в чьей-либо компании, с друзьями или просто коллегами по отряду. Они говорили друг с другом, улыбались, косо смотрели на других людей или на Лию.

Теперь девушка не боялась осмотреть всё помещение, пока она сидела на скамье. Раньше её от этого мог легко отвлечь Томас, а сейчас, она видела всю картину живущих в бункере людей. Она сразу сравнивала мужчин и женщин и, замечала, что они никак друг от друга не отличаются. У них также есть свои компании, они также могут не любить других соседей, боятся их или презирать. А самое главное, что их объединяет – им всем суждено погибнуть.

Каждый второй косо поглядывал на Лию, и, если не делал это на протяжении всего времени, что девушка находилась в помещении, то смотрел на неё каждые несколько минут. Пока она проходила глазами по стенам и людям, то часто замечала в их взглядах страх. Лия чувствовала, что они знают о случившемся в Граунд-Хилл, из-за чего боятся её ещё сильнее. Лию рассмешила мысль, что добиться страха от этих людей оказалось проще, нежели уважения. Её также забавляло осознание, что в самом начале она была самой слабой, а теперь, может считаться самой сильной.

От таких мыслей невкусная еда становилась слаще.

Неожиданно даже для самой Лии, напротив неё за тот же столик сел Скай. Юноша занял место без подноса с едой. Он выглядел слегка нервным, и явно был настроен не на приём пищи.

- Привет. В первую очередь хочу сказать, что сожалею о том, что случилось в Граунд-Хилле. – Скай слегка запинался и постоянно бегал глазами, пытаясь на чём-то сконцентрироваться. – Любой прогресс случается не сразу. Я к тому, что нам нужно ещё больше девушек-бойцов, и я уверен, что совместными усилиями мы сможем сделать этот бункер лучше, не смотря на различные трудности.

Скай говорил достаточно тихо, чтобы никто кроме Лии не услышал его. Даже девушка с трудом могла всё расслышать, но прекрасно поняла, о чём идёт речь. Лёгкая улыбка, что была на её лице из-за недавних мыслей, моментально исчезла.

- Какая разница, что будет. Всех ждёт одно и то же, а если ты веришь во что-то другое, то ты глупец. – Лию раздражал энтузиазм подсевшего к ней юноши, его какие-то сомнительные надежды и безразличие к недавней трагедии. Он хоть и сказал, что он сожалеет, но ничего на его лице об этом не говорило.

- Это ты дура! Ты ничего не понимаешь, ничего не хочешь понимать! Тебе здесь не место! – Скай вскочил со скамьи и с криком

начал уходить из столовой.

Все обернулись, не понимая, о чём идёт речь. Кто-то даже подумал, что Скай провоцирует девушку на конфликт, чтобы вернуть её обратно туда, откуда она прибыла. Провожая юношу взглядом, Лия заметила, что он встретился с Томасом у двери, и бросив тому пару слов, покинул помещение.

Девушка была рада тому, что Том проснулся. Ей не придётся ходить по коридорам и скучать, думая, чем себя занять. Юноша точно придумает что-нибудь интересное. Дополнительно ко всему, она всегда будет рада побыть рядом с Томасом, хотя бы просто так, чтобы показать, что он ей не безразличен.

- Почему ты оставила Кристэн? – спросил Томас.

Юноша не собирался садиться за приём пищи. Судя по его выражению лица, он явно был неприятно удивлен поведением Лии. «Кристэн... Опять эта Кристэн. Почему ты так ею интересуешься?», - Лия задала немой вопрос юноше, но не решилась озвучить его.

- Всё с ней будет в порядке. Она уже обучена и может сама за себя постоять. – Девушке не нравилось то, как Томас уделяет лишнее внимание её бывшей подруге.

- Что с Кайлом? С ним нельзя быть «в порядке», – заявил Томас, чуть ближе наклонившись к Лии.

- Сейчас он не в состоянии что-либо делать. К тому же, ему нужна я, а не она. – Лия знала, что отчасти врала, она по большей части была уверена в том, что Кайл вернётся и не побоится притронутся к Кристэн, чтобы задеть Лию, но она была не против этого. Предположительно, в следующей вылазке вместе с Лией, он найдёт подходящий момент для удара, когда никого не будет рядом.

После этих слов, но с небольшим усилием, Том признал слова Лии и согласился с ней. Он понимал, что уделяет внимание не тому человеку, который в этом нуждается больше всего. Кайл испытывал личную неприязнь только к одной девушке, на вторую ему было плевать. Кристэн успокоилась ещё в Граунд-Хилле, когда выплакалась Томасу, но не Лия.

- Я потом познакомлю тебя с одним человеком, – Том слегка улыбнулся. Эта улыбка вмиг заразила Лию, и она улыбнулась ему в ответ.

Том и Лия закончили приём пищи. У них нашлось немного времени, чтобы прогуляться по коридорам убежища. Они просто шли и разговаривали обо всё, что могло прийти в голову. Сколько бы бед не прошло мимо них с первого дня жизни Лии в новом для неё корпусе, она была по-настоящему счастлива сейчас, идя бок о бок с Томасом, вдали от странных и незнакомых мест, подальше от любопытных глаз, далеко от Кристэн. Они спрятались от всех в одной из давно опустошенных кладовых. Они говорили осторожно, обходя стороной все страшные темы смертей, боли и заданий. В таком ужасном и жестоком мире, они создали маленький уголок спокойствия. Даже постоянная боль, что преследовала Лию уже несколько дней, будто начала отступать.

Лия заметила, как Том перестал наконец-то стесняться её. Если в начале, он частично пытался держаться подальше и чувствовал себя неуверенно, даже когда она сама прикасалась к нему или сидела рядом, то сейчас он был спокоен. Она хотела показать ему, как сильно он влияет на неё, но не знала, как это сделать, поэтому обнимала его, и они продолжали говорить обо всём.

Томас пытался пробудить в девушке воспоминания о тех моментах, когда они оба жили вместе. Он рассказывал о событиях, которые помнил, пытался описать их так чтобы их картинка всплыла в сознании Лии, но ничего не получалось. Девушка думала и представляла всё, о чем ей говорят, но ничего не могла вспомнить. Ей казалось, будто Том просто пытается ей рассказать какую-то сказку или успокоить. Ведь она ничего не помнит до того момента, как жила с матерями в их корпусе. Лия была сильной, крепкой, умной и хитрой. Томас даже в шутку назвал её лисой, чего она не смогла понять. «Это быстрое, умное, хитрое, пушистое и красивое животное. Их называли царицами леса, за волшебную красоту» - говорил юноша. С этими словами он смотрел прямо на Лию, из-за чего та смущалась. Он даже намекнул, что кто-то позаимствовал эту кличку, но использовал в другом контексте. Лия прекрасно понимала причину этого прозвища, особенно после того, как не единожды доказала эти качества на протяжении многих дней. Но с Томасом она чувствовала себя совершенно по-другому, она была глупой, слабой, хрупкой и наивной. Она была той самой маленькой девочкой, что покинула пределы

общего корпуса при разделении, той маленькой девочкой, что так отчаянно нуждалась в защите и внимании.

- Я помню не многое…- начал Томас, после нескольких минут молчания. – Ты всё время ходила за мной хвостом. Боялась отойти хоть на шаг, даже не давала мне спокойно отойти по *делам*. Ты была одна, у тебя не было ни матери, ни отца. Хотя в бункере было очень много людей, среди которых были и взрослые, и дети, никто не знал тебя, и ты никого не знала, поэтому прицепилась ко мне. Но я всё понимаю – я тоже был один. Можно сказать, что тогда все люди были одни. Мы были выгнаны из наших домов сюда, а кому-то повезло меньше, и они остались снаружи. Они все были вместе, все вместе и погибли. – Том сделал небольшую паузу, размышляя о чем-то, о чем он никогда раньше не думал.

- Я даже не знаю, может люди в Граунд-Хилле, это те, кто пережили тот ужас. Может, они просто боятся покинуть родные места… - Томас продолжил говорить, и с каждым словом становился всё мрачнее и мрачнее. – Этот мир ужасен, и мы все в нём одиноки.

- *Мы* не одиноки, - сказала Лия, сильнее обняв Томаса.

Они снова замолчали, дальше сидя в полной темноте и наслаждаясь с трудом оставшейся приятной и спокойной атмосферой. Томас ни о чем не говорил, а Лия не хотела его отвлекать от важных мыслей. Чем дольше они сидели в молчании, тем громче были слышны посторонние звуки вне их скромного убежища.

Что-то явно происходило. Молодые люди слышали, как шум снаружи становится всё громче и громче. Из небольшой помехи, что слегка отвлекала их от отдыха и единения, он перерос в настоящий рёв. Томас с Лией вышли из небольшой кладовки проверить в чём дело. В нескольких помещений от них, из зала доносилось несколько громких голосов мужчин, среди них Том узнал Адама и Нейта.

- Поверь мне, я сам всё видел. Криса действительно застрелил человек, я даже слышал грохот. Когда я увидел это, то сразу побежал к машине и приехал обратно. – Адам почти кричал, он явно был чем-то сильно озабочен и никак не мог успокоиться.

- Не может быть такого, что сборщики могут пользоваться огнестрельным оружием, они глупые животные. – Нейт, как и всегда, говорил спокойным тоном, сдержанным и раздражающим.

- А если это были не они?! – уже чуть ли не кричал Адам.

- Исключено! В том квадрате и близко никогда не было замечено враждебно настроенных людей. Там и близко нет ничего, чем можно было поживиться.

Томасу стало сильно интересно, что же такого случилось во время вылазки Адама. Лии же было полностью безразлично, но она отправилась вслед за другом. В зале находилось пятнадцать человек, что окружили одного Адама, – они выглядели, менее обеспокоенными, чем он. Юноша в центре оцепления явно находился на грани нервного срыва, а все остальные опасались, что сам Адам убил своего товарища. Лия видела в их глазах злость, уже привычную для неё. Она понимала, что в случае необходимости, никто не струсит начать драку. И сама Лия тоже приготовилась к наихудшему, кто угодно мог воспользоваться суматохой, чтобы добраться до неё.

- Что случилось? – Томас заговорил только после того, как взглядом смог определить всех присутствующих и понять их настрой.

- Том, уж ты-то меня поймёшь. Криса застрелили на задании, а «эти» думают, что это я сделал.

Все присутствующие обернулись на Томаса, не прекращая окружать Адама. Они не сомневались в возможностях и знании вошедшего юноши, он был опытен и далеко не глуп. Но последние события, в которых он принимал участие, ставили под сомнение доверие к нему.

- Братоубийство в нашем убежище карается изгнанием, мы знаем это. – Нейт косо посмотрел на Томаса, доказываю минимальную заинтересованность в том, что стоит как-то продолжать оттягивать неизбежное – Адам будет изгнан.

- Подождите! – остановил всех Томас. – Подумайте, если бы Адам действительно убил Криса он бы не стал об этом говорить, вы же сами понимаете, чтó происходит снаружи. Любую пропажу или смерть можно списать на витумов. А если бы Адам просто хотел сбежать, он бы легко покинул машину, и мы бы посчитали его погибшим.

Все начали переглядываться между собой. Они знали, что Томас прав, и всё, о чем говорит и делает Адам, просто не имеет смысла. Параллельно этому, нельзя было и опровергнуть то, что Адам не стрелял в Криса, а значит, он всё-таки мог и убить его.

- Что ты тогда предлагаешь? – спросил Нейт.

- Позволь мне отправиться в то место, где был Адам; я найду тело Криса, осмотрю или верну его. А до этого, можете запереть Адама, если опасаетесь за свою безопасность. – Последние слова Томас проговорил с заметной издёвкой, намекая, что его друзьям просто нечем заняться.

Нейт согласился отправить Тома на эту операцию, и с радостью порекомендовал ему взять Лию. Для девушки это оказалось удобным случаем, чтобы привести в движение недавние мысли и надежды. У Томаса и Лии было три часа на подготовку к отбытию, и в этот момент он подарил ей новый нож, взамен того, что остался в Граунд-Хилле.

Желая не терять время зря, они оба отправились в ангар, где он хотел познакомить её с Сайком. В большом помещении кипела жизнь. Никто даже не обратил внимания на то, как небольшая толпа людей вошла в маленькую и тёмную коморку старика.

Лия впервые познакомилась со странным стариком, которого она видела уже несколько раз. Теперь она видела его не на другом конце большого помещение, а в нескольких сантиметрах от себя. Для неё, он выглядел крайне странно, весь покрытый морщинами со свисающими щеками. Он был почти лысым, у него оставалось несколько седых локонов, что свисали до ушей. Он смотрел на девушку, словно на кого-то ненастоящего, как на живой образ из самых сладких снов. Сайк несколько минут сидел и молчал, параллельно смотря на Лию. В какой-то момент он заплакал.

Лии даже казалось, будто бы Томас решил познакомить её с местным безумцем, который вёл себя максимально необычно в сравнении с другими мужчинами. Вскоре, после продолжительного сеанса рассмотрения гостьи, Сайк решился начать разговор.

- Неужто мои надежды наконец-то могут осуществиться. – Сайк опустился на колени и взял девушку за руку. – Мне очень жаль, что так жестоко обошлись со всеми вами.

Слёзы на лице старика вырвались с ещё большим потоком. Том видел, как старик раскаивается за совершенные ошибки, но Лия ничего не понимала. Она просто подумала, что этот старик выжил из ума, и поэтому, в убежище нет других старых людей. Но, несмотря на его поведение и состояние, она знала, как почтительно относился к нему Томас, а значит и она должна, если только ей не станут переходить дорогу.

- Я даю своё слово, что отныне я буду служить и помогать тем, кто будет стремиться к восстановлению старого устоя нашего чудесного бункера! – Старик подскочил обратно на ноги и держа сжатый кулак у груди, трясся от ощущения чего-то великого. Он встал по стойке смирно и смотрел куда-то в потолок, словно отдавал присягу самому богу.

- Я верю, что у вас всё получится. А теперь, идите! – Сайк отвернулся от гостей и вернулся к своим делам. Он ощущал стыд за несдержанные слёзы, однако ещё какое-то время они приятно отзывались на его сердце.

На выходе из маленькой коморки, Лия никак не могла понять смысл её знакомства с этим стариком. Она вопросительно смотрела на Томаса, когда тот шел рядом и загадочно улыбался. Юноша заметил это и поспешил утолить её интерес.

- Этот человек скучает по тому времени, когда женщины и мужчины жили бок о бок друг с другом. Он хочет так же, как и я, и Скай, вернуть старые времена, освободить матерей и их детей из заточения, дать им свободу и быть вторым Граунд-Хиллом. Поэтому он сильно рад, что теперь и девушки имеют право быть бойцами. – Томас говорил почти шепотом, осторожно наклонившись к Лии.

Услышав это, Лия остановилась. Она не могла понять того, что происходит вокруг. Этот мир был поистине безумен. Он был тяжёлым, жестоким, страшным и опасным. Люди умирали в нём так часто, что это могло свести с ума. В Граунд-Хилле погибла Дарья... погибла там, где люди должны были чувствовать себя в безопасности, но Томас хочет, чтобы его дом стал таким же. Вместо того, чтобы был выбор между безопасностью и свободой, Томас, человек, которым она дорожила, выбрал смерть в свободе. Это безумие. Этот мир безумен. Томас не был глупцом. Он был слабее Лии, но не глупцом, – он многому научил её, многое показал и рассказал. Значит, он знал, что так оно и должно случиться. Так оно и должно произойти, что все люди будут жить и умирать. Лия боялась, что умрёт она, умрёт и Томас. Им не суждено будет находится рядом друг с другом и радоваться этому, до той поры, пока они не превратятся в дряхлых стариков.

Лия уже ехала в машине, погруженная в новые раздумья о судьбе этого ужасного мира. Она угрюмо молчала, а Том никак не мог понять

причину этого. Ему казалось, что девушка, вспомнив Граунд-Хилл, дальше горюет о погибшей подруге. Но она сидела и осознавала, что её страшные догадки подтвердились – никому не суждено жить долго и счастливо. У неё не будет счастья и радости в будущем, не будет любви и тепла. Оно есть только сейчас, его нужно беречь, за него нужно сражаться. И чем ближе её новый дом приближается к Граунд-Хиллу, тем скорее она потеряет всё, что имеет, даже Томаса.

Неожиданно, девушка дёрнулась – кто-то коснулся её колена. Это был Том. Он с неким страхом в глазах смотрел на девушку, которая, выпучив глаза, выглядела словно живой мертвец.

- Ты в порядке?

Лия только молча кивнула. Она даже не заметила, когда успела пройтись по трапу внутрь бронемашины, сесть и отбыть за пределы бункера. Осмотревшись, она заметила Нейта и ещё одного незнакомого ей парня, что отправились с ней и Томасом на проверку какого-то убитого юноши. Лия решила больше не думать о том, что может произойти что-то страшное, ведь она должна сосредоточиться на том, что происходит сейчас, быть сильной и готовой ко всему. Лишние мысли только помешали ей, срубили её концентрацию на корню. Она должна находиться только здесь, только сейчас.

Том смотрел на Лию и убедился, что она начала успокаиваться. Тогда и он, расслабившись, продолжил смотреть через амбразуру. Лии всё ещё было приятно внимание юноши, то, как он до сих пор заботиться о ней, несмотря на то что сама уже может спокойно позаботиться не только о себе, но и о нём.

- Мы подъезжаем, - уведомил водитель.

Машина остановилась и все вышли наружу. Солнце светило сквозь безоблачное небо, прекрасно освещая всю территорию вокруг новоприбывших людей. Лия теперь могла более внимательно осмотреть это большое помещение, где некогда жило много людей. Вокруг неё было огромное количество серых булыжников и кусков стен высоких домов. Где-то стояли или лежали на боку небольшие машины, что выглядели менее громоздко и величественно, нежели металлический гигант из бункера. Много различного мусора, который раньше принадлежал людям: одежда, еда, всё то, что может оставить после себя человечество. Всё вокруг было пустым, серым и жёлтым, только высоко-высоко был нежно-голубой потолок. Не было даже

малейшего намёка на дикие растения, только земля, мёртвая и враждебная.

- Что с тем стариком? – тихо спросила Лия, когда отошла с Томасом на значительное расстояние от остальных людей.

- Сайк? А что с ним? – удивился Томас.

- Он какой-то странный… Я не совсем понимаю, что он говорил.

- У него просто нет нескольких зубов, вот и не может выговаривать некоторые слова. Все уже привыкли к этому. Думаю, если бы у него были вставные зубы или стоматолог, это могло многое исправить…

- Если он тебе дорог, почему мы не вставим ему зубы? – по-детски удивлённо спросила Лия.

- Легко сказать. При наших условиях будет проще найти какой-нибудь словарь.

- А что это, словарь? Это какой-то механизм?

- Нет, это книга.

От этих слов Лия снова сильно задумалась. Вместе пара продолжила путь дальше, рассматривая различные руины и выискивая тело погибшего юноши. Остальная пара также осматривалась, но безуспешно.

- Адам говорит, что Криса “пристрелили” где-то на углу дома. Продолжайте искать тело, - уведомил Нейт.

Единственные тела, которые можно было найти на этой миниатюрной свалке, были только телами зданий. Минуя небольшой двор, отряд вышел в более чистой местности, где наблюдалась лужа свернувшейся крови.

- Оно? – поинтересовался Томас.

- Возможно. На вид свежая, и уже свернулась. По крайней мере подтверждается ранение… Криса или нет – неясно. Виновен Адам или нет – неясно. – Нейт озлобленно посмотрел на Тома, словно являлся частью дешевого розыгрыша. – Ты всего лишь оттянул неизбежное, парень.

Группа отошла достаточно далеко от машины, превысив допустимое безопасное расстояние. Тело Криса – если кровь принадлежала ему – бесследно исчезло.

- И что дальше? – поинтересовался четвёртый член отряда.

- Вернёмся назад и сделаем то, что должны сделать.

- Вина Адама не доказана! – вступил в спор Томас.

- Как и его невиновность. Он должен был следить за товарищем, но вместо него вернулся с какими-то идиотскими оправданиями.

Томас замолчал и не стал оспаривать слова Нейта, ибо знал, что в такой конфронтации только себе навредит. Оставалось лишь надеяться на то, что кто-нибудь из отцов встанет на сторону Адама. Томас не знал, как помочь в такой ситуации своему другу, где найти подтверждение его невиновности. Лии же всё было максимально безразлично, – её волновал только факт того, что они все находятся за пределами безопасных стен. Когда все потеряли последнюю надежду хоть на какую-либо находку, девушка заметила странно торчащую фигуру вдали: нечто небольшое высовывалось из-за камней в тени разрушенного здания. Она смотрела на два небольших синих огонька, что светили прямо на неё. Это были маленькие непонятные лампочки, похожие на те, что светили внутри бункера, но они были меньше и другого цвета.

- Что там? – спросила девушка, указав пальцем в сторону странного объекта.

Все обернулись. Сразу в тот момент, когда остальные заинтересовались тем, что привлекло внимание Лии, то огоньки сразу исчезли. Теперь в тени ничего не осталось, только груда старых камней и мусора.

- Я ничего не увидел, - заметил Нейт. После своих слов он начал медленным шагом приближаться к тому месту, куда пальцем указала Лия.

Мужчина зашел за обломки, и ничего не обнаружил. Он медленно осмотрел всё вокруг и разочарованно начал возвращаться обратно. Косо посмотрев на Лию, он показал, что никак не рад поведению девушки и её нервозности.

- Возвращаемся домой.

Вся группа начала идти назад к машине, более свободным и спокойным шагом, нежели тогда, когда они шли на поиски тела. Их операция не увенчалась успехом, а значит они не смогут помочь Адаму. Томас прекрасно осознавал последствия. Они пугали его, ведь только недавно он обсуждал со своим другом побег из бункера, думая о том, какого будет жить за пределами безопасного дома.

Забираясь по трапу бронемашины, все остановились. У открытой настежь двери к водителю стоял человек. Незнакомец был облачён в облегающую броню чёрного цвета с огромным количеством защитных щитков, покрывающих каждую часть тела. Он имел при себе солидное вооружение из полуавтоматической винтовки заводского производства, что свисала с его груди, пистолет и пару ножей, расположенных на руке и ноге. Он выглядел безликим и угрожающим, голова его была закрыта плотным шлемом с синей подсветкой из глаз. На груди был нарисован странный символ в виде горизонтальной полосы над небольшим кругом.

Все опешили от такого вида. Никто не ожидал встретить постороннего человека, тем более в собственной машине.

- Кто вы? – удивлённо спросил Нейт.

Лия уже была готова направить на незнакомца ружьё, но темнокожий мужчина остановил её.

- Я представляю оставшиеся вооруженные силы правительства. Мы отряд «Кодар» и собираем выживших людей, чтобы обезопасить остатки человеческого рода. – Незнакомец обернулся к бойцам и отдал честь Нейту. Его слова звучали так монотонно и спокойно, словно он повторял их каждый день.

От этих слов на лицах троих мужчин появились облегчённые улыбки. Военные, наконец-то.

- Мы отвезли вашего водителя в наш Хаммер и готовы отправить его на базу. Вам тоже следует пойти с нами. – Военный неуклюже отошел от двери в кабину водителя, и медленно вышел по трапу на улицу. Никто так и не решился что-либо сказать. – Прошу вас пройти за мной.

Лия внимательно следила за поведением незнакомца. Ей показались слова этого человека неправдоподобными. Хоть, она знала о внешнем мире слишком мало, срок в двенадцать лет о котором говорил Томас слишком большой, чтобы так поздно начать реагировать и защищать людей. К тому же, если солдаты увели водителя, зачем один из них вернулся и начал копошиться в кабине? Проще было подождать снаружи машины, чтобы всё выглядело менее неожиданно и подозрительно. «Подозрительный». Именно так можно было описать этого незваного гостя. Как только он сошел с трапа, то так и не повернулся к людям, с которыми говорил. Пока человек в чёрном

делал пару маленьких шагов от транспорта, то медленно поднимал руки, чуть выше торса. Прямо туда, где висела его смазанная винтовка.

Что-то в этой ситуации забило тревогу в подсознании Лии. Она уловила в ней схожесть с чем-то, с чем сталкивалась ранее. Это был какой-то будоражащий крик, призывающий к действиям. Чтобы не делал незнакомец, делал он это слишком медленно, загадочно и враждебно. Так же медленно Кайл тянулся к ножу перед нападением на Томаса, так же медленно ползли загадочные создания к Тому и Лии перед тем, как напасть. Кайл медленно подходил к Лии перед нападением. В Граунд-Хилле один из нападавших на Дарью медленно поднимался на ноги. «Будет драка» - прозвучал собственный голос внутри её головы. Она поняла, что если что-то и происходит в этом мире медленно, то только для того, чтобы растянуть мгновение перед молниеносными действиями.

Не теряя ни секунды времени, Лия выхватила нож из поясных ножен и прыгнула на незнакомца, что всё ещё стоял к ней спиной. Всеобщее замешательство не проходило. Все так же стояли ступором, не зная, как реагировать на сложившуюся ситуацию. Никто из мужчин даже не успел среагировать, когда Лия уже бежала на своего соперника. Или так совпало, или солдат услышал посторонний шум и начал оборачиваться назад только тогда, когда Лия была уже в метре от него. Но небольшого мгновения хватило, чтобы все смогли оценить серьёзность сложившейся ситуации – солдат поворачивался к ним, крепко сжимая в руке винтовку, хозяйственно расположив палец на спусковом крючке. К большому разочарованию того, кто хотел по-быстрому расстрелять всех присутствующих, ему оставалось жить меньше минуты.

Не успев закончить свой манёвр, солдат уже оказался лежа на потрескавшемся асфальте с торчащим из горла ножом. Он не успел издать какого-либо визга или звука, он просто упал плашмя, словно кукла. Лия помнила кряхтения людей, которых она убила, как злобно с хрипом выдохнуло создание, что было её первой жертвой, как мучился убийца Дарьи, но этот молчал, словно он даже не был живым.

Девушка наклонилась к телу погибшего солдата. Она пыталась вытащить своё оружие, что застряло у жертвы между бронированными пластинами. К ней подошел Нейт и Томас, что пытались осмотреть убитого, параллельно всматриваясь в новую волну жестокости Лии.

Девушка была спокойной и расслабленной, она не чувствовала злость или огорчение. Сейчас с ней оставалась только легкая боль, что уже несколько дней протекает по всему телу. Подошедшие мужчины ничего не сказали, они тоже всё прекрасно поняли, и были рады, что девушка сообразила куда быстрее их. Теперь Нейт смотрел на Лию с ещё большим страхом и недоверием.

- Боже! Его убили! – Последний боец отряда отошел в противоположную от общей группы сторону. Он пошел проверить кабину водителя и увидел там труп товарища, что сидел в кресле с простреленной головой.

Нейт тихо выругался, проклиная всё, на чём свет стоит и то, что произошло сегодня. Сразу после этого из головы убитого солдата стали доноситься странные шепотки и потрескивания. Нейт попытался расслышать, что за шум твориться в голове мертвеца, но стоило ему только наклониться к нему, как весь звук исчез.

В нескольких десятках метров от их машины, из-за угла дальнего здания вышла троица таких же бойцов, что выглядели абсолютно идентично первому. Увидев тело погибшего товарища, они принялись стрелять по неприятелю.

- Будьте вы прокляты! Помогите мне занести тело! Том, увези нас отсюда! – Нейт кричал, пытаясь перекричать шум стрельбы. Рядом с ним пролетали пули, но он даже и не думал уходить, не забрав с собой трофей и доказательство того, что против них вышла целая агрессивно настроенная группировка. Томас побежал в сторону кабины водителя, Лия исчезла вслед за ним.

Только чудом, никто из солдат не попал по ним. Пытаясь быстрее достичь врагов, они стреляли на бегу, сильно жертвую точностью. Однако всё же некоторые выстрелы достигли своей цели: рикошетом Нейт получил царапину. Том брезговал браться за труп водителя, чтобы сесть на удобное место, но Лия опередила его. Грубо взявшись за руку мертвеца, она скинула его на пол. Машина сдвинулась с места. Лия сидела рядом с Томасом и запоминала. Когда ситуация стала менее опасной, она всматривалась в пассажирский отсек, любуясь трупом противника, как и делали остальные двое мужчин. Так они возвращались в бункер, неся с собой домой новость о новой угрозе, боевой потери, и невиновности Адама.

Глава 11. Провокация

Очень часто люди погибали за пределами бункера; погибали те, кто не успел получить важные для выживания навыки и знания, кому-то не повезло. Обычно, это были парни около десяти лет, ещё не окрепшие и недостаточно самостоятельные. Они хоть были и более проворные, но не имели достаточно опыта и физической силы. Тем более, они были старше тех, кто впервые выходил из бункера, – совсем маленьких детей, – из-за чего никто за ними не бегал. С куда большей редкостью погибали взрослые, но всё равно никто не удивился, когда Нейт со своим отрядом вернулись обратно в бункер, имея с собой погибшего товарища. Большего всего всех удивляла причина гибели:

- Как такое возможно?

- Никогда такого не было!

- Что всё это значит?

Пустив на ветер несколько слов о том, что на отряд напали посторонние, они вмиг прошлись по всем ушам. Шесть человек находящихся в ангаре превратились в восемьдесят. Даже охранники и отцы покинули свой пост – тут был каждый кто мог стоять на ногах, даже Кайл вылез из своей норы. Все стояли над убитым солдатом в чёрной броне. Никто не мог поверить в то, что появилась какая-то банда или организация, что занялась истреблением выживших людей.

Труп отнесли в медицинский кабинет, где ветеринар начал изучать убитого человека. Зевак с трудом заставили разойтись по своим делам. Ещё через пару часов затихли загадочные шепотки, в которых звучали тихие обсуждения произошедшего. Даже о погибшем водителе вспомнили не сразу – настолько случившееся было возмутительно и удивительно.

Всех членов вернувшегося отряда вызвали к отцам. Томас впервые оказался в том огромном помещении, которое служило домом для таких высокопоставленных лиц. Вспомнив слова старика из Граунд-Хилла, Том гадал: «что же ещё скрывают отцы?». Он мог предположить расположения тайников, или представить, что может храниться в личных покоях, в которых никто никогда не был, и, даже сам Нейт, что был верной правой рукой всей четвёрки.

Отец Оскар был самым стратегически образованным среди отцов, именно он обсуждал с Нейтом проведения всех операций. Именно перед ним все были обязаны удачным вылазкам и всему, что с них привозили. Томас видел в нём властного человека, скорее даже самого опасного и главного среди отцов. Он сильно отличался от остальных; он не был добрее Николая, который отвечал за моральное благополучие всех жителей убежища. Он так же не был таким общительным и красноречивым, как отец Евгений, что в основном и вёл переговоры с Граунд-Хиллом и другими общинами. Он был гораздо выше даже отца Бернарда, от которого зависели все правила и инструкции внутри бункера, который, фактически, и держался на его плечах.

Когда отцы расспрашивали молодых людей о том, что произошло, отец Оскар слушал внимательно, сверля взглядом каждого говорящего, будто пытался выявить ложь и сокрытие информации.

- Я проверю всё и посмотрю, что можно будет предпринять. Отец Евгений, будь добр уточнить у других общин, не сталкивались ли они с аналогичными ситуациями? – Отец Оскар высказался и вышел из-за стола, когда все остальные подвели итог что нападавшие могли быть бывшими военными или частью большой преступной группировки.

Когда отец уходил в свои покои, Томас попытался посмотреть внутрь через открывшуюся дверь, но угол обзора никак не позволял полностью осмотреть внутренний интерьер. Он знал, что там что-то есть, не только небольшой комод и контурная карта, которые он успел увидеть за ту пару секунд, когда дверь была открыта.

- Всё сказывается действительно не в лучшую сторону. Нужно ограничить вылазки на поверхность. Я попробую связаться с поселениями, в надежде собрать информацию об этом «Кодаре». - Отец Евгений поднялся с большого стола и также покинул компанию присутствующих.

Томас с Лией вышли из зала отцов. Они направились в свои комнаты, чтобы обдумать всё, что произошло. К небольшому разочарованию Лии, и облегчению Томаса, с Кристэн ничего не случилось.

В течении нескольких дней ничего необычного не происходило. Точнее, всё было слишком необычно. Новых вылазок не совершалось, все сидели взаперти, чувствуя себя словно в тесной клетке. Когда

непрекращающиеся звуки работ по металлу в ангаре закончились, наступала гнетущая тишина, в которой никто не мог найти себе место для отдыха. Тишина вгрызалась в головы всех, кто привык к шуму – люди пытались забиться вдаль от образовавшейся тишины, но тщетно. Все уже были ею поглощены. Том замечал, как сильно меняется состояние людей: они нуждались в отдушине, в возвращении к предыдущей жизни, что стала для них нормальной и привычной.

«Неужели, это необходимая цена для достижения мечты об подземном Граунд-Хилле?», - думал Томас, наблюдая за людьми, что бездвижно лежали в своих койках, словно мертвецы. Он смотрел как многие уходили в тренировочные залы и тренировались более усердно и агрессивно, чем раньше, часто вызывая друг у друга излишние травмы. И сам Томас думал свершить какую-нибудь глупость, способную развлечь её. Лия много времени проводила у ветеринара, обучаясь премудростям врачевания. Измотанная она возвращалась к Томасу, который встречал её с облегчённой улыбкой, словно жену с работы. Новые навыки и знания также увлекали Лию, не позволяя ей вспомнить вполне реальные опасения, что Кристэн очень активно искала внимание и компанию Томаса. И, точно не пытаясь подвести подругу, Кристэн много уделяла времени общему другу. Девушка играючи общалась с юношей, точно подбираясь ближе к знакомой ей цели, и сразу отступала назад. Всё это только раздражало Томаса, но воспитание твердило ему, чтобы он не пытался оттолкнуть или обидеть девушку.

Прошло ещё несколько таких же мучительно долгих дней, и тогда Томас понял, что такая жизнь не для него. Он не сможет жить так же спокойно, как это делали люди до апокалипсиса. Только Лия и Кристэн чувствовали себя в своей тарелке. Из-за этого на них смотрели искоса. В такой неприятный момент жизни убежища, Кайл окончательно покинул свою больничную койку и всё время мозолил глаза Тому и девушкам. Ветеринар всё время опасался того, что, Лия как-то плохо повлияет на восстановление Кайла, поэтому старался не подпускать её ближе к пациенту.

Томас надеялся, что отец Евгений и Оскар быстро найдут нужную информацию, и он снова сможет вернуться на поверхность, где будет ощущать вонь, холодный ветер и страх. Параллельно поискам отцов, и ветеринар достиг некоторых познаний – в теле нового врага не было

ничего необычного: труп вскрыли, чтобы получить больше ответов о недавней жизни. На операционном столе лежал самый обычный человек; он был менее бледен, чем любой из жителей убежища, и питался лучше всех. Ветеринар обнаружил в его желудке много мяса, хлеба и злаковой каши. Осмотренную броню мертвеца Сайк посчитал очень прочной, почти сразу на неё положил глаз Нейт, который и стал её новым хозяином. Его даже не заинтересовала мысль, чтобы изучить броню и найти в ней слабые места, которые помогут в дальнейших стычках. Даже разбор костюма на составляющие был невозможен, а ведь из-за этого был шанс, что подобный панцирь окажется у каждого желающего.

Отец Евгений только на шестой день застоя отправил небольшой отряд бойцов в одно из союзных поселений, чтобы получить от них «необходимую помощь». На следующий день ангар бункера пополнился старой моделью легкового автомобиля. Это был Континенталь 56-го года. Машина была грязной, едва рабочей, но целой. Её конструкция казалась полностью бесполезной для нужд бункера.

- Всё в порядке, мы сделаем из неё идеальный боевой агрегат. Только дайте для этого немного времени. – После этих слов, механики спрятали машину в самый дальний угол и накрыли толстым брезентом.

Казалось, будто только отец Евгений знал то, для чего можно использовать эту рухлядь.

Пытаясь скоротать скучные дни, Томас частенько устраивал спарринги с товарищами. Отчасти это был повод наведаться к врачу, чтобы посмотреть на Лию. Вернувшись в свою комнату, они сидели и молча наслаждались безопасностью. В такие моменты Кристэн пыталась держаться на расстоянии, точно испытывая раздражение при виде «сладкой парочки». Том не понимал, что могло произойти у Лии с её подругой, но рассчитывал, что девочки сами с этим разберутся. Адам искал компании старых друзей, и по большей части держался Ская и Джейка, и всю троицу сторонился Кайл. Томас иногда видел этого безносого и хромого, и не испытывал к нему ничего кроме жалости. Став причиной гибели Джима, брата Джейка, он нажил себе недруга в стенах бункера, а после инцидента с Лией, потерял всё

былое уважение. Это была жалкое отражение былого способного бойца. И этот призрак прошлого обожал мозолить глаза Томасу и Лии.

В один момент, когда Лия с Томасом остались вдвоём, она задала самый страшный для него вопрос: «ты не будешь против, если я убью Кайла?». Том опешил от такого вопроса. «Убить»? Как она может так легко говорить о живом человеке? Томас не оспаривал это, да, и у девушки было много моментов, когда она была вынуждена защищаться, но сейчас её слова звучали так, будто она хочет сама напасть на Кайла.

- Не надо его бояться, Лия. Я припугну Кайла, и он никогда и близко не подойдёт к тебе.

Лия только невинно улыбнулась юноше, умиляясь его наивностью.

- А если мне придётся защищаться? – Лия хитро пыталась найти лазейки в запретах Тома.

- Тебе не придётся.

Этот диалог пугал юношу. Он чувствовал, что отношения между Кайлом и Лией натягиваются, и, как они оба готовятся к будущей схватке. Но Томас не хотел нового кровопролития, новых жертв. Он пытался найти Кайла, чтобы поговорить с ним, договориться или подкупить, но тот словно испарился. Если Томас и натыкался на него случайно, то тот сразу исчезал, прятался и избегал любого контакта. Очень часто, Том видел на лице Кайла ехидно-злую улыбку, которая предвкушает скорый конфликт и его последствия. Томас ошибся. Кайл хочет крови. Он будет стремиться к ней, желая получить всё до последней капли.

Том обязан помешать Кайлу и Лии. Если Лия сама убьёт Кайла, то её точно выгонят на поверхность, где она будет обречена на смерть. Юноша даже не думал о том, что девушка сможет выйти победительницей в неравном бою, ибо её уже дважды побеждали.

- Нас зовут отцы в конференц-зал. – Нейт хлопнул Томаса по плечу, так же неожиданно, как и заговорил об этом. Он застал задумчивого юношу, когда тот стоял в коридоре и обдумывал дальнейшие планы. Вместе с ним шли Адам, Джейк и Кристэн.

Томас последовал за всеми. По дороге к залу, Нейт нашел и окликнул Лию, что ждала Тома в своей комнате. Дополнительно к ним пришли ещё двое бойцов. Небольшая группа из семи человек пришла

в конференц-зал, что находился у комнат для «ночи продолжения». Именно там Томас отказывался от этого ужаса в последний раз. Там его и остальных ждало привычно слабо освещенное помещение с огромным столом. В помещении сидели отцы Оскар и Евгений, в углу комнаты было слышно запоминающееся сопение Кайла.

- Мы собрали вас здесь потому, что вы что-то знаете или можете догадываться. Мы действительно столкнулись с враждебно настроенной вооруженной группировкой, которая не побоялась напасть и убить несколько наших людей. – Отец Оскар начал говорить сразу, как только все расселись на свободные места. – Вы были собраны для того, чтобы отправиться в предполагаемое место бывшего нахождения старого военно-лабораторного комплекса. Есть возможность найти там необходимую документацию, которая прольёт свет на текущие события и цели нашего противника. При лучшем стечении обстоятельств, там может оказаться полезная экипировка или техника. Возможность столкновения с противником крайне высокая, поэтому были выбраны лучшие бойцы.

- Другие поселения сообщили, что полгода назад видели людей из «Кодар» у этого же комплекса. Возможно, они что-то искали, поэтому мы должны проверить это место. Требуется получить хотя бы маленькую деталь того, с чем мы имеем дело, - добавил отец Евгений.

Томас поднялся со стула, возвышаясь над всеми:

- Кристэн ни разу не была на боевой операции, почему она здесь?

Отец Оскар сделал небольшую паузу и осмотрев девушку добавил: - Кристэн обучалась у Лии, а уже показала неплохие результаты на тренировках.

«Да, “неплохие”. Вы надеетесь, что она погибнет во время операции, чтобы ни одна девушка больше не пополняла наши ряды», - подумал Томас, сразу, как только услышал речь о «неплохих результатах».

- У вас пара часов на подготовку, можете взять всё, что посчитаете важным, а пока – свободны. Советую перед отбытием проверить снаряжение.

Том с остальными вышел в коридор. Все направились по своим делам, чтобы подготовиться к грядущей операции. Лия всё время пристально следила за Кайлом, а тот, воображая себя королём, гордо шел перед ней, зная, что она пристально наблюдает за ним. Томас же

надеялся, как бы Лия не набросилась на юношу, не представляя, чем всё может закончиться. В её глазах он читал холод и решимость, но никак не слепую ярость, чему несказанно был рад.

Через пару часов, все начали медленно собираться в ангаре. Кто-то взял, согласно разрешению, дополнительные щитки для брони, и, никто не отказывал себе в богатом снаряжении. Нейт достал несколько длинных тряпок чёрного цвета. Он сказал, что они помогут быть менее заметными, если обвязать их вокруг головы и закрыть лицо. Томас и остальные переглянулись. Они никогда не участвовали в операциях, где могла быть необходима скрытность.

Бронемашина покинула бункер. Каждый чувствовал себя, будто не на своём месте, даже Нейт выглядел нервным. Это было неудивительно, ведь они участвовали в первой операции *такого плана*. Самые лучшие, самые вооруженные. Это была самая настоящая война, самая первая, и возможно, самая кровопролитная. Томас не знал, что думать, что гадать. Никто не знал. Рассуждая обо всём, ему казалось, что продолжительная война будет не выгодна между группировками, из-за чего всё закончиться одной, самой жестокой дракой. Значит, нужно показать себя самыми свирепыми, сильными и непобедимыми, и тогда все вернутся домой, если вообще вернутся. Лия была спокойна, она или всё поняла и приняла, как факт, или ни о чем не догадывалась. Кайл загадочно разделял аналогичные с ней эмоции. Кристэн же была полной их противоположностью. Она нервничала так же, как и остальные, осознавая, что может произойти.

Томас с Лией по-прежнему на протяжении всего пути смотрели в амбразуры. Конечную точку назначения знал только водитель и Нейт, из-за чего Томас докучал водителю. Тот лишь показал небольшой кусок карты, на котором было обведено большое белое здание, возможно, бизнес-центр. Фотография была старой, ещё задолго до начала апокалипсиса: многие здания уже давно не стоят на своих местах, многие дороги уже давно сметены или завалены. Было ощущение, будто Том смотрел не на свой старый город, а на какой-то другой, полностью отличающийся от своего современного собрата. Фотография была сделана с большой высоты, выше птичьего полёта. Юноша думал, что никогда больше такие фотографии делать не будут, не смогут. Томас хотел найти на снимке знакомые места, но никак не

мог зацепиться глазами за ориентиры. Неожиданно для него самого, они приехали на место.

В отличии от всех остальных зданий, госпиталь к которому они приехали, выглядел самым целым. Если некоторые здания были обрушены полностью или частично, то это будто бы построили совершенно недавно. Единственный знак настигшей ужасной судьбы - разбитые окна. Отряд медленно вышел из машины и отправился внутрь новой территории. Водитель ради собственной безопасности закрылся в машине и выключил свет, дожидаясь скорейшего возвращения группы.

Приближаясь к дверям здания, Томас чувствовал что-то нехорошее: он ощущал знакомые запахи, которые свидетельствовали о том, что внутри находятся витумы, и все остальные представители этих ужасных созданий.

Отряд уже прошел несколько метров вглубь здания. Они ходили по разрушенному этажу, где все двери были сорваны с петель, стены были оцарапаны и покрыты трещинами. На полу валялся самый разный мусор: от смятых жестяных банок и стекла, до осколков пластмассы и рваных кусков ткани. Это было то самое место, где нужно было максимально скрытно продвигаться дальше, не показывая того, что здесь ходят посторонние. Все перемещались, согнувшись полу приседом, напрягая и без того не сильно натренированные к подобным нагрузкам ноги. Каждый шаг казался мучительно тяжёлым, все перемещались так целых десять минут, хоть и устали на первых трёх.

Оказавшись в самом центре первого этажа, отряд Тома сделал небольшой привал, и, они смогли остановиться, чтобы осмотреться. Каждый уходящий от их привала коридор никак не выделялся от своего двойника. Везде было тихо и пусто, только в воздухе витал коктейль различных запахов.

- Может, отец Оскар ошибся? Или мы приехали не в то здание? Не видно, будто тут хоть когда-нибудь, да и была чья-то база… - тихо приметил Адам.

- Ошибки быть не может, – мы видели табличку с адресом, – это нужное нам здание. Но тут соглашусь – оно не выглядит так, как могло показаться изначально. – Нейт начал озираться, надеясь найти хоть что-то, что может показаться подозрительным или интересным.

- Что ты ожидал увидеть здесь? – удивлённо спросил Томас. Он знал, что Нейт раньше был военным, или кем-то, похожим на военного.

- Не знаю, огромное количество запертых ящиков и баррикад из мешков с песком, орудийные установки, рассыпанные гильзы, может, трупы солдат.

Никто уже не пытался скрыть своего присутствия. Как только началось общение между участниками группы, все перестали прятаться, осознав, что ни перед кем не нужно им устраивать такое представление.

- Чем это пахнет? – спросила Кристэн, пытаясь понять эту совокупность новых для неё запахов.

- Такой запах разносят витумы, мясники, теневики, все эти твари. Это твари почти каждый дом заполонили своей вонью. Они не зря носят так много имён. А всё потому, что все они одновременно и одинаковы, и отличаются друг от друга. Неизвестно почему, но у каждого из этих существ есть своё любимое занятие, которыми они промышляют регулярно. Раньше, когда мы ещё пытались их изучить и понять, мы видели, что они питались зеленью, резали себя или спаривались друг с другом. Хоть они и относятся к одному виду, у них есть привычки не похожие на остальные, и, пожалуй, это одна из самых сложных загадок. – Нейт ушёл в далёкие раздумья о жизни враждебных людям существ, напоминая всем, с чем они имеют дело. – Этот запах - один из признаков теневиков. Скажите, что вы чувствуете?

- Мята, какие-то орехи, возможно, фундук, ещё есть скошенная трава. – Один из бойцов отряда явно имел хороший нюх – он поднял нос к верху и начал принюхиваться, разбирая аромат на разные запахи.

- Не дурно!.. Теневики, в отличии от своих собратьев, предпочитают питаться. У них странное меню, основанное на растительности. Нападают они крайне редко и то, по большей части, в виде самозащиты, - продолжил Нейт.

– Они идут оттуда, – заметила Лия.

Девушка указала пальцем в сторону полуоткрытой двери, за которой виднелась лестница вниз. Действительно, не пришлось даже сильно напрягать своё обаяние, чтобы можно было понять, что запах исходит именно из подвала. Смрад был настолько сильным, что резал

нос даже через плотные слои обмотанной ткани. Группа начала медленно спускаться в подвал.

Чем ниже уходил отряд, тем меньше можно было увидеть хоть что-нибудь в кромешной темноте. Какое-то время, все продвигались в полной слепоте, и только когда Нейт понял, что внизу нет никого, он зажег несколько источников химического света, достав из кармана пару тёмно-зелёных цилиндров и растерев их руками.

Спуск вниз казался очень долгим. Томас успел насчитать семь пролётов, где на каждом следующем зловещий запах становился всё сильнее и сильнее. На последнем десятом пролёте показалась прикрытая дверь, за которой виднелись новые и чистые коридоры, с уже рабочими источниками освещения, в виде ряда из красных ламп на потолке. Они хоть и тускло освещали помещение и прилегающие комнаты, но позволяли видеть всё без собственных химических светильников.

Хоть в совокупности подземные помещения и были наполнены страшными запахами, что намекали на большую вероятность встречи с ужасными созданиями, но их не было ни видно и ни слышно.

- Похоже это то, что мы ищем. – Нейт скомандовал всем разойтись и осмотреться.

Отряд разбился на несколько пар. Они обходили комнаты и искали что угодно, что могло им помочь в достижении цели: оружие, документация, детали или какие-нибудь загадочные устройства. Их устроило бы хоть что-нибудь, что могло окупить нервную и долгую поездку. Томас остался с Лией, и они направились в одну из дальних комнат. Она была полутёмной и имела в себе небольшую подсобку, куда в самом начале и направилась девушка. Юноша же остался в достаточно большом помещении, где смотрел на различные столы и ящики. Он видел огромную стопку книг и бумаг, в которых описывали различные исследования. Все они датировались до заселения в бункер. Все поверхности столов и полок были накрыты толстым слоем пыли, который прятал под собой жизнь и знания людей из далёкого прошлого.

Томас поднимал книги и всматривался только в те бумаги, которые считал интересными и полезными, но даже после небольшого прочтения он понимал, что они, собственно, бесполезны и для него, и для отцов. В большем количестве этих книг говорилось о

психологических потугах человека, его строение, схема работы мозга и всё остальное в сфере биологии, психологии и евгеники. Где-то были описание изменение генетического строения, в надежде создать «идеального человека». На полках красовалось множество книг по физике, биологии, философии, психологии, химии и отдельные научные работы разных учёных. Больше всего выделялась безымянная книга в тёмно-желтой обложке. У неё не было никаких опознавательных знаков, но открыв её Томас убедился, что это был небольшой сборник сказок, которому было не место среди научной литературы. На другой полке и вовсе был эзотерический трактат «Вечный, разум или тело». Открыв и эту книгу, юноша обнаружил внутри пластиковую карту. Это явно был чей-то тайник, который мог помочь достигнуть главной цели операции.

- Словарь! – прозвучал удивлённый и радостный крик Лии из соседней коморки.

Юноша обернулся, не поняв, о чём идёт речь. Ни с того ни с сего, вместо поиска нужной информации и размышлении об операции, прозвучало столь обрывистое вне какого-либо контекста слово. Через несколько секунд Лия вышла из маленького помещения, неся в руке большую чёрную книгу, на лицевой стороне которой была надпись позолоченными буквами: «словарь». Томас был приятно удивлён. Было почти невозможно найти на руинах старого мира такую необычную книгу. Также был высок риск того, что большинство из них разваляться от старости. Но это был великодушный подарок судьбы. Лия не только грамотно занималась поисками, пытаясь найти что-то, так она ещё и нашла полезную для Сайка книгу.

- Это прекрасно, – заметил Том, спрятав у себя за пазухой солидного размера объект.

Когда юноша дальше разглядывал комнату и всё что в ней находилось, Лия успела незаметно покинуть его компанию, скрывшись в полуосвещённом коридоре. Вскоре начали раздаваться громкие звуки шагов, – остальная часть группы заканчивала свои поиски и покидала исследуемые комнаты. Томас также покинул своё помещение, начав волноваться об исчезновении подруги.

Все начали медленно стягиваться к последней комнате длинного коридора. По пути Томас заметил Лию, что наблюдала из-за угла за

Кайлом, который честно выполнял поисковую работу. Вскоре и он присоединился ко всем.

В самой последней комнате стоял огромного размера компьютер, экран которого закрывал собою всю дальнюю стену. Свет от маленьких красных ламп почти не доставал до небольших и потухших индикаторов, рычагов и кнопок. Перед массивной аппаратурой восседал мумифицированный мертвец, который погиб, держа пальцы у странного, до сих пор мигающего синего датчика. Отряд разошелся по углам, продолжая осматривать всё, что попадается на глаза. Нейт же осматривал панель управления перед мертвецом. Последняя комната была просторной, уютной, на стенах висели различные графики работы и исследований, вместе с ними висели картины с мотивирующими посылами давно умершим работникам. В боковые стены были установлены толстые железные двери, которые не поддавались попыткам открыть их.

Когда осмотр окончился, и все уже были готовы покинуть помещение с полным разочарованием в безуспешности миссии, Нейт увидел в руках тома пластиковую карту.

- Это ключ-карта? – поинтересовался он.

- Наверное… - сомнительно то ли согласился, то ли опроверг юноша.

Нейт взял карту и приложил её к мигающему датчику. С писком активировались светящейся клавиши, загорелся огромный экран на стене. При включении он окутал ярким светом всё помещение и всех, кто был в нём. Он даже ослепил на несколько секунд тех, кто был не готов к такому последующему эффекту.

Кто-то бережно протирал глаза, пытаясь убрать временную слепоту, некоторые уже отошли от неприятного недуга и смотрели на большую настенную панель, что открыла за собой вид совершенно другого места. Томас и ранее имел дела с телевизорами, но они показывали скудную картинку и казались менее реалистичным чем то, что он сейчас увидел перед собой. Изображение выглядело таким чётким и натуральным, что казалось будто бы огромный экран просто исчез, оставив после себя дыру в стене, что вела в другую комнату. Эту мысль нарушала только испорченная перспектива помещения, которое выглядело максимально непохожими на то, что отряд видел раньше.

Вместе с появившимся изображением, центральная комната управления наполнилась новым странным шипящим звуком.

Небольшое ярко освещённое помещение, вдоль стен расположены длинные столы с раковинами, плитами, мензурками и склянками. На потолке было так много ярких ламп, что казалось, будто бы в помещении просто не существует тени. Даже под железным операционным столом на колёсах было светло. Это происходило из-за того, что лучи от светильников отражались от другой металлической мебели. В склянках что-то кипело и переливалось по огромной системе различных труб и пробирок. Разные испарения покидали прозрачные тары и растворялись в воздухе. Пол был покрыт светлой плиткой, что местами была запачкана разноцветными пятнами, среди которых могла быть и кровь. На большом столе, что немного попадал в ракурс передающего видеосигнал устройства, наблюдалось чьё-то тело, отдалённо похожее одновременно на человека и лысую собаку. Оно было покрыто шрамами, ранами и проткнуто иглами во многих местах, из предположительного центра этого нечто тянулись прозрачные трубки к общей системе подачи и выкачивания жидкостей.

Следующую минуту ничего не происходило. Вскоре начали раздаваться глухие удары, но они звучали оттуда же, откуда и звучало первоначальное шипение. Очень скоро на экране показался силуэт человека в противогазе и длинном халате, он осторожно обошел стороной операционный стол, будто бы прикрывался им от гостей, но недолго выжидая вышел на более открытое место. Томас заметил, как у этого странного человека с помощью стальной цепи на поясе свисала книга в желтой обложке. Она отличалась от той, что юноша видел в кабинете, тем, что она состояла из человеческой кожи, которая была обшита толстой нитью в нескольких местах.

- Я так долго ждал, когда же этот момент наконец-то настанет. Буду честен, я сбился со счёта дней и даже не смогу точно сказать, сколько прошло месяцев или десятилетий с… как я запер себя в этом чудесном каземате. – Загадочный человек говорил в экран, смотря в ответ на тех, кто смотрел на него. Он будто видел каждого из присутствующих, хоть его глаза и были скрыты за тёмными стёклами противогаза.

Сделав несколько резких шагов вперёд, человек значительно увеличился в размере, продвигаясь ближе к видео передатчику. От

такого неожиданного действия и изменения в росте пара людей из отряда Томаса отпрыгнула в ужасе, опасаясь, что большой человек вылезет через дыру в стене. Нейт сделал предупреждающий знак, чтобы все успокоились и продолжал следить за происходящим на мониторе.

- Прошу простить меня, где же мои манеры… Меня зовут Джонатан Хэйш, и я… создатель Ва́кхатарана. Я же, к всеобщему сожалению, с прискорбием могу признать, что также стал причиной распространения… чумы. Вымирание огромного количества населения. По моим подсчётам, общий процент погибших составляет восемьдесят девять целых и семь десятых процента… планеты. – Доктор начал осматриваться по сторонам и нервно трястись. Он сделал небольшую паузу, обдумывая продолжение своего монолога. – Как же мне хочется о многом рассказать! Меня переполняют эмоции! Наконец-то, спустя это время даже для такой тёмной души, как я, нашелся собеседник.

Доктор нервно выдохнул, пытаясь собраться с мыслями. Он было хотел протереть свои глаза, пытаясь определить, спит он или нет, но забыл, что на нём всё ещё находился противогаз.

- Точно, самое главное! Если вы здесь, то являетесь новыми представителями человечества, или моих старых коллег – если, конечно, они уцелели… Питер может сильно разозлиться, если его мозги не разъел туман. Кем бы вы ни были, я буду полезен. Итак, Ва́кхатаран является газообразным соединением хлористоводородной соли, основанной на ней же кислоте с испарениями азота. Это его основная формула, не считая пары дополнительных элементов. Данный препарат воздействовал на человеческий мозг и вырабатывал дофамин в огромных количествах. В течение первых шести часов, испытуемые ощущали большой прилив «счастья» … аномально большой. Кислотная составляющая разжижает часть мозга, отвечающего за органическую выработку дофамина… а потом его нет. Гормон рассасывается, а мозг требует ещё. Первые исследования показали обширное разделение на подвиды, но думаю в общей куче это детали. Когда мозг повреждён, именно в этот момент человек начинает терять контроль. Чем сильнее он стремиться получить очередную дозу дофамина, тем сильнее он деградирует. В конечном варианте, мы получаем глупое и свирепое животное, которое по

оставшимся привычкам пытается получить дофамин и нападает на тех, в ком видит опасность. Изначально этот препарат задумывался для другой цели, более пацифисткой, но знаете, чтобы построить мир старый придётся сжечь.

Доктор отошел от экрана и вернулся к операционному столу проверяя лежащий на нём труп.

- Лекарства нет! До сих пор. Мне одному крайне тяжело продвинуться так далеко и мне нужны помощники. Думаю, вы уже имеете представление обо мне и моих способностях. Я буду рад сотрудничеству. А теперь прошу спуститься ко мне, где мы сможем обсудить детали. Можете не волноваться за старый штат сотрудников, ведь в течение двадцати лет голода они уже скончались. – Человек потянулся рукой под экран и начал что-то щупать.

Почти сразу после принятых доктором действий, обе железные двери, что находились друг напротив друга, начали открываться. Казалось, будто исходящие из появившихся проёмов смрад мог сбить с ног любого. Ткань на лице уже никак не могла сойти за хорошую защиту дыхательных путей, запах сжигал лёгкие и горло. Появился новый запах плесени, гнили, отходов жизнедеятельности и крови. Он сводил с ума своим существованием. Мутнел рассудок, перед глазами появлялась блеклая пелена, Кайл даже свалился на одно колено.

Оба прохода могли одинаково вести в одно и то же место, поэтому все решили не расходиться и спуститься вместе только в один из них. В качестве предосторожности вверху остался один человек, что следил, чтобы никто не зашел ко всем в спину. Перед уходом все увидели, как учёный начал медленно подходить к большой железной двери, со своей стороны. Запах, витающий в воздухе, был настолько сильным, что казалось будто бы можно было на ощупь почувствовать его. Внизу уже не было никакого света, и Нейт осторожно раскидывал перед собой химические источники освещения, рассчитывая, что они ещё пройдут этой дорогой, и он успеет забрать их обратно.

Когда последняя осветительная палка упала на пол, перед всеми открылось сплошное поле из человеческих тел. Они все были сильно обглоданы и деформированы, некоторые куски срослись между собой, создавая что-то невообразимо ужасное и отвратительное. Нигде не было видно свободного и чистого места, отряд ступал по трупам, издавая хлюпающие звуки под ногами. Неожиданно для всех, среди

мертвецов затесался один выживший. Где-то в тени под кучей гниющей плоти издавалось злостное, но слабое рычание. Куча начала шевелится. Из-под тел вылез человек. Показавшись на свет, он предстал совершенно нагим созданием, что с животной злостью в глазах ползло на атрофированных конечностях к незваным гостям. Всё его лицо и тело было покрыто шрамами и старыми ссадинами, которые не кровоточили, а пульсировали в такт движениям существа и биению его сердца. Из его горла торчал железный ключ, в поясницу были воткнуты карандаши и ручки, их было видно там, куда смогли дотянуться руки хозяина.

- Экономьте патроны. Он слаб и не сможет оказать должное сопротивление, - сказал Нейт, пригрозив рукой тому бойцу, что уже начал поднимать своё оружие.

Вперёд вышел Адам. Он вытащил нож и приготовился добить слабое создание. Бывший человек словно чувствовал своё скорое освобождение от мучительного существования среди кучи гниющей плоти. Он скорбно тянулся навстречу своему палачу.

Была ли эта изначально гениальная задумка, казалось бы, глупых созданий или случайное стечение обстоятельств, но Адам попал в ловушку. Когда юноша достиг половины пути до своей жертвы, из кучи тел вылезла рука, что сжимала ржавые и окровавленные канцелярские ножницы. Они почти сразу воткнулись в бедро у правой ноги, минуя все стальные пластины, что должны были защищать своего хозяина от похожих ударов. Адам вскричал от боли. Он сразу ударил кулаком вылезшую откуда-то снизу голову очередного создания. Стоя на месте, он уже выхватил собственное ружьё и выстрелил в первого монстра, что продолжал медленно ползти к своей жертве. Рана юноши ныла, и он пожалел о том, что вызвался добить то создание и получил при этом ранение. Колотая рана продолжала кровоточить, и стоило Адаму посмотреть на неё, чтобы проверить, насколько она серьёзная, как он заметил, что ударенное кулаком создание вытянулось во всю длину своей шеи и слизывала стекающие капли крови. Существо продолжало жадно пить, не заметив даже то, что ему поставили к голове дуло ружья и нажали на спусковой крючок.

Все начали оглядываться, надеясь, нет ли здесь поблизости новых существ что лежали в надежде, что кто-то пройдёт рядом, не

подозревая о возможной засаде. Адам боялся двигаться, он вытащил ножницы зажимая обильно кровоточащую рану.

- Стреляйте в тела, если там кто-то есть – убейте их. – Нейт сам достал своё оружие, целясь в дальние горы тел.

В течение пары минут все стреляли по трупам, боезапас расходовался с такой скоростью, что даже за несколько самых обычных стычек с врагами не могло и в сумме исчезнуть. Когда стрельба прекратилась, привычный запах пороха медленно разносился с тошнотворным смрадом. Адам вернулся ко всем, где ему помогли с раной, остальные направились дальше к большой двери, которая вела к незнакомцу. Её попытались открыть со стороны отряда, но она никак не поддавалась. Казалось, будто бы она намертво закрыта и никогда больше не откроется.

На уровне глаз в двери сдвинулось небольшое окошко, в нём было видно часть противогаза незнакомца, который смотрел прямо на Нейта.

- Вынужден извиниться, я не знал, что всё может пойти так плачевно. Я и не думал, что времени прошло недостаточно, чтобы они все издохли. Я вам всё открою... но скажите, пожалуйста, какой сейчас год?

Незнакомец, не дожидаясь ответа, начал смотреть куда-то в стену со стороны своей лаборатории; вместе с изменением положения его головы, начали раздаваться какие-то клацающие звуки.

- У него пистолет! – раздался крик бойца, оставшегося в комнате с большим монитором.

Незнакомец явно тоже услышал этот крик и почти сразу закрыл окно на двери, потеряв весь контакт с отрядом. Сверху начал раздаваться знакомый тяжёлый скрип дверей, что принялись закрываться обратно.

- Двери! Они закрываются! Возвращайтесь! – кричал смотровой. Он начал хрипеть, пытаясь удержать дверь в неподвижном состоянии.

Вентиль в центре двери к незнакомцу начал крутиться против часовой стрелки, поршни по краям стали отодвигаться – дверь отворялась. Вместе с тем с потолка начался спускаться странный тёмный газ, который струился под большим напором, сопровождая свой спуск громким шипением. Все в отряде начали паниковать, они

понимали, что попали в ловушку, в которой могут легко погибнуть. Без какого-либо приказа, все ринулись бежать обратно откуда спустились.

Первыми побежал Адам с Нейтом, Кристэн схватила Томаса за руку и начала его тянуть, но запнувшись об одно из тел упала на пол. Юноша уже хотел поднять упавшую девушку, но Джейк схватил его за руку и дёрнул в сторону выхода. Кристэн помог подняться один из других бойцов. Они вместе пробежали через облако газа и направились вслед за всеми; Лия и Кайл замкнули эту цепочку. За замыкающими людьми никто не следил, каждый намеревался как можно скорее добраться до поверхности, пока дверь не закрылась.

Томас начал подниматься по лестнице, как сразу услышал позади себя целую какофонию звуков: несколько глухих ударов, вскрик Кайла и выстрелы. Похоже, незнакомец пытался убить своих гостей. Вот уже Том выбежал наверх, дверь была наполовину закрыта, но через неё ещё можно было спокойно выйти. Присутствующие в комнате бойцы пытались отдышаться, продолжая прикладывать тряпки ко рту. На Кристэн же не было никакой защиты. Наверх забежал Джейк, но Лии с Кайлом ещё не было, и с их стороны продолжали звучать выстрелы. Грохот. Что-то упало и скатилось по лестнице. Томас испугался того, что это была Лия, но как только он подумал об этом, она сразу выбежала через дверь.

- Закрывайте, он идёт следом! – кричала девушка.

- Нет! Кайл не вернулся!

Вслед за этим словами, вверх поднялся последний человек, но это был не Кайл. Незнакомец толкнул тяжёлую дверь, и она открылась нараспашку. Проведя взглядом по комнате, он бегло выстрелил в живот одного из поднявшегося из подвала юношей. Все начали тянуться обратно к своим ружьям, которые ради удобства повесили на пояса или плечи, но Лия опередила всех. Никто не заметил того, как это произошло, какие были сопутствующие этому действия, но второй шумный хлопок в этой большой комнате оставил враждебного незнакомца без части головы. Вместо левого глаза у него открылась багровая дыра. Он начал наклоняться назад, медленно падая на спину, но резко ухватился за дверной косяк, остановив своё падение.

- Сука… - прохрипел раненный учёный.

Несмотря на рану, которая должна была убить любого человека на месте, доктор начал подтягиваться обратно внутрь комнаты. Никто не

стал стрелять дальше, никому не хватило сил, чтобы хоть что-то предпринять. И в этом хаосе только Лия держалась. Ещё пара выстрелов отправила доктора в кромешную тьму откуда он вылез.

Глава 12.1 Клеймо (Признак)

12.1 Признаки

- Что там произошло? – Нейт стоял у входа в кабинет ветеринара, наблюдая за тем, как Лия помогает своему учителю ухаживать за раненным бойцом.

- Он бежал позади меня, и, видимо, его поймал тот человек в маске. – Девушка говорила отрывисто, не смотря на чернокожего мужчину. Она внимательно следила за своим учителем, принося ему инструменты и препараты, которые тот просил для больного.

- “Видимо”?

- Я услышала шум и хрип, и уже не слышала топот рядом с собой. Я была уверена, что Кайл погиб.

Лие повезло, – после того, как неизвестный в противогазе был убит, никто не хотел рисковать и спускаться вниз к Кайлу с призрачной надеждой на то, что юноша всё ещё жив. Загадочный газ, который выходил с подвального помещения медленно поднимался, и уже достигал верхних ступеней лестниц. Так «удачно» исчез и погиб Кайл. Если бы не газ, все не побоялись спуститься вниз, и смогли бы заметить, как Кайл лежал на лестнице с глубоким порезом на горле. Лия могла быть более осторожной при нанесении смертельного удара юноше, но более удобного случая попросту не было. И ей крайне повезло, что из-за неуклюжего толчка Джейка, Кайл был замыкающим.

- Какая разница, Нейт. Так или иначе, кто угодно может погибнуть на задании. Я и сам попал в засаду. – Адам сидел с перебинтованной ногой. Его проверили и убедились, что рана не серьёзна.

Нейт никак не отреагировал на высказывание юноши, он только злобно посмотрел на него, словно на предателя, и продолжил говорить.

- Мы в любом случае не знаем с чем точно столкнулись в подвале центра. Надо проследить за всеми, кто дышал тем газом.

Врач только одобрительно кивнул головой. Он вместе с Лией трудился над тем, чтобы облегчить страдание раненного в живот юноши, и по возможности создать ему меньше болезненных моментов в будущем. Он со своей ученицей занимались лечением пулевой раны впервые. Мужчина и раньше обрабатывал раны, но даже опытные

ветеринары в своей обыденной работе редко встречали такое. Лия же надеялась на то, что знания, полученные в ходе такой практики, будут ей полезны.

- И каков твой вердикт? – Нейт хотел, как можно скорее, покинуть медицинский кабинет. Его раздражал вид и запах склянок, так сильно напоминающий о недавней стычке с врагом.

- Нейт, это всё не делается быстро. Я уже взял необходимые анализы, но не скоро смогу приступить к их изучению. А пока что рекомендую вам не выходить за пределы бункера, чтобы вы все находились у меня под рукой. Также могу сказать, что это не заразно, очевидно да, вы столкнулись с каким-то неизвестным науке вирусом. Заразный ли он? Сомневаюсь. Ни на коже нет следов, ни на одежде, даже в слюне. Могу предположить, что его составляющие уже впитались в ваш организм, не оставив после себя ничего. – Врач поднял голову и посмотрел на Нейта. Он провёл глазами по помещению и осмотрел всех присутствующих – весь отряд, что вернулся с миссии. – Сейчас заметно только легкое покраснения глаз, а также повышенное артериальное давление. Надо ждать, и, тогда посмотрим, во что всё это перельётся. В лучшем случае вы обойдётесь только небольшой усталостью и временным помутнением. В худшем… мы узнаем гораздо больше о витумах.

- К чёрту изучение этих тварей! Просто помоги мне! – Нейт сорвался и опешил, он заметил на себе взгляды удивления и понял, что все правильно его расслышали. Они увидели то, как этот командующий дал слабину, обнажив свой страх. Мужчина быстро решил исправить ситуацию. – Мы все должны пережить это. И вообще, если эта штука не цепляется к нам и тем самым не распространяется с одного на другого, как у неё раньше получилось распространяться?

- Я не знаю. Может на вас пустили другую версию, а раньше была утечка более старого штампа.

Даже Нейт ушёл в раздумье, поняв, что ни физической силой, ни уговорами он не сможет что-либо исправить. После всего произошедшего лучше всего ощущал себя именно он. Как только убили незнакомца в противогазе, он успел забрать ещё не опустошенный пистолет. Уже в бункере он успел хорошенько рассмотреть его. Это был хороший револьвер, который в старое время

больше пользовался популярностью из-за своего красивого вида и статуса, нежели практичностью. Нейт отвёл в сторону барабан, чтобы убедиться в количестве оставшихся патронов, и недовольно фыркнул.

Все печально ожидали того, что врач отпустит их отдыхать. Даже после того, как он с Лией заштопал раненного, мужчина просто продолжал ждать. Он будто бы надеялся, что с минуты на минуту произойдёт разительное изменение в поведении или виде одного из зараженных бойцов.

- Ладно, ступай. Но при первых подозрительных симптомах мигом ко мне.

Все разошлись по своим делам, только раненный в живот юноша остался с ветеринаром. Томаса отвёл в сторону Нейт, а Лия направилась с Кристэн к себе. Они очень сильно вымотались за этот тяжелый день, и девушки уже просто хотели отдохнуть.

Лию уже не раздражало присутствие Кристэн. Она хоть и не смогла простить девушку за смерть подруги, но тяжкая ноша и горе стали постепенно утихать. Обе девушки просто лежали в полной тишине, пытаясь забыть всё, что произошло с ними сегодня. Лии показалось, что Кристэн начала плакать. Прислушавшись, она подтвердила свою догадку.

- Почему это происходит? Почему в этом мире всё так жестоко? Почему все умирают? – спрашивала девушка, – неужели и нас ждёт такая участь?

- Кто знает, - ответила Лия. – Но Кайла убила я.

Лия совершенно случайно признала вину за убийство человека и почувствовала себя так, словно она праведница. Будто её действия были чисты и не могут понести за собой наказание. Она совершила самый благой поступок, ей должны быть благодарны, ей должны подражать. Что-то неожиданное послужило для девушки вдохновением в этот грустный и угрюмый момент.

- Да, он погиб. Я провела ему по горлу ножом, и он рухнул вниз. Он покушался на меня и мог легко это сделать и с другими, но теперь его нет. Теперь нет самого ужасного человека. – Лия начала улыбаться от той мысли, что она величественна и бесподобна, что она умна и смела, сильна и несгибаема.

Она уже было поднялась с кровати, чтобы пойти к Томасу, рассказать всем вокруг, что она сделала, но что-то говорило ей, что всё

это не так радужно, как кажется. «Нет, я его убила. Я лишила его жизни, как могли лишить и меня, и Томаса, и любого другого. Я была вынуждена окунуться в этот жестокий мир вместо того, чтобы следовать за Томасом и избежать всего ужаса. Но почему же мне сейчас так хорошо?», - эти мысли противоречили изначальными позывами довольствоваться перед всеми своим достижением. Девушка понимала, что с ней происходит что-то странное. Возможно то, чего опасался её учитель. Она одновременно была спокойна и беспокойна от огромного количества противоречивых мыслей и эмоций. Девушка решила никуда не идти, никому не говорить, ведь из-за братоубийства Адама собирались выгнать, значит выгонят и её, особенно если никто не опровергнет эти слова, ведь она сама бы созналась во всём. Она не может оставить Томаса одного, ведь без неё он точно пропадёт.

Кристэн начала смеяться. В начале она ещё пыталась сдерживать свой смех, пытаясь спрятать лицо за руками, но этот маленький дьяволёнок нашел выход. Она смеялась всё сильнее и сильнее. Смех был громким, звонким, и выходил далеко в коридор.

- Ты… это… его… - Девушка смеялась и никак не могла говорить. Казалось, будто бы она начала задыхаться от этого неожиданного приступа. Она вся покраснела, затем посинела, затем побледнела. Цвет её лица постоянно менялся, но никак не её продолжительный смех. Даже после нескольких минут он никак не утихал. Когда девушка должна была выдохнуться и ослабнуть, она только шумно набирала воздух в грудь и смеялась с новой силой. Было что-то в этом смехе инородное и пугающее. Само поведение девушки было противоположностью того, что она делала до этого. Когда она только пришла в новый мир, когда она только начала адаптироваться под него, она была скромной, а если и смеялась, то делала это тихо и незаметно. Но, иногда это замечали, и, Кристэн виновато смотрела в ответ. Сейчас же она делала это открыто, словно вместе с Лией и с её недавними мыслями довольствовалась собою, пытаясь как можно громче поведать всем вокруг, что у неё на уме.

- Хватит, - сказала Лия, ощущая, как её начинает пугать поведение бывшей подруги. – Прекрати!

Всё то, о чём думала Лия, испарилось в миг. Теперь остались только страх и тревога в свете сложившейся обстановки. По голове словно ударили чем-то тяжёлым, все мысли встали на свои места, но

что-то оставалось по-прежнему не так. Лия не знала, что происходит с Кристэн, не знала, что может произойти и дальше. А та лишь смеялась, и, смех становился всё громче и громче.

В комнату к девушкам вошел врач в сопровождении ещё двух людей. Стоило им только бросить взгляд на Кристэн, что задыхалась от смеха, и они сразу окружили её. Ветеринар пытался выяснить, что с ней: спрашивал у неё; спрашивал у Лии, но никто не мог дать вразумительного ответа. Он хотел уже осмотреть девушку как есть, но она оцарапала его и не давала более дотронуться до себя. Вслед за этими действиями он повалил девушку на кровать и придавил её. «Держите!» - крикнул он помощникам. Ветеринар начал осматривать Кристэн, пока та по-прежнему продолжала вырываться из крепкой хватки, не прекращая свой истерический смех. Через минуту врач покинул комнату предупредив остальных, чтобы те не отпускали девушку.

Лия начала опасаться за то, что и к ней могут отнестись идентично, ведь она находилась с Кристэн в одной комнате, а если врач посчитает, что аналогичное может случиться и с ней, то он от неё не отстанет. Ветеринар не заставил себя долго ждать. Он вернулся с маленьким ящиком в руке и погрузил его на кровать. Из него он достал полный шприц с прозрачным содержимым внутри. Лия узнала метки на нём. Именно с помощью этого шприца мужчина ослабил её саму во время «ночи продолжения», после которого она хотела спать и мякла на глазах. Эти воспоминания напомнили Лии об отчаянии и злости, что переполняли её. Тогда у неё было множество стычек с неприятелем. Почти все, кого она встречала, были её враги, кроме Томаса, кроме того, кто оказался единственным добрым к ней человеком. Лия успокоилась только тогда, когда взялась крепко за шарф на шее, который уже не первый раз помогал ей проходить через трудности и не лишаться концентрации.

- Лия, давно это началось? – Врач повернулся к девушке, когда убедился, что Кристэн успокоилась и начала засыпать.

- Недавно. Это началось резко, без какой-либо причины.

- Следи за ней, и, если что-то ещё будет происходить необычного, то зови меня.

- Что же сейчас делать?

- Сейчас пусть отдохнёт, если тот газ будет действовать так же, как передал Нейт, то нас ожидают увлекательные часы ухода за Кристэн. – Он ухмыльнулся и вышел со своими помощниками.

Лия смотрела на Кристэн и наблюдала за тем, как та беззвучно лежала. Её грудь медленно то поднималась, то опускалась, почти незаметно. После продолжительного душераздирающего смеха, тишина была более гнетущей и неприятной. Лия уже начинала чувствовать себя совершенно одинокой. Ситуация не менялась несколько часов, и она уснула из-за длительного ожидания. На следующий день Лия направилась к Томасу. Юноша сидел на кровати и разглядывал страницы словаря. Он посмотрел на девушку, и, улыбнувшись, предложил пойти с ним к Сайку.

Они не застали старика в его подсобке и решили дождаться его там же. Ожидая, они нашли время, чтобы поговорить друг с другом.

- Я слышал странный смех из вашей комнаты. Что там было? – спросил Том.

- Учитель думает, что с Кристэн начались странные перемены из-за того газа, с которым мы столкнулись. Я тоже так думаю. Раньше она никогда себя так не вела.

- Будем надеяться, что всё обойдётся.

Лия не разделяла наивность и слепую надежду Томаса. Ей просто не хотелось, чтобы Кристэн шла на поправку, чтобы она не мешала ей быть рядом с Томом, так же, как было и раньше. Лия сама не всё понимала, особенно странного поведения своей бывшей подруги, но она была уверенна в знаниях и способностях своего учителя, а если тот намекнул на то, что Кристэн недолго сможет оставаться собою, то в это верила и Лия.

Через несколько минут пару навестил Сайк. Он был удивлён тому, что в его комнате были гости, а также был сильно шокирован их добротой, когда те вручили ему словарь. Старик спрятал его подальше от лишних глаз и загорелся желанием узнать у молодых, как они собираются действовать дальше. Томас рассказал Сайку всё об операции, в которой он участвовал с другими бойцами. Старик был напуган. Он высказался, что никогда не было вражды между группировками. Он видел в этом завязку для будущей кровопролитной войны, которая сметёт всех, кто будет в ней участвовать.

- Пожалуйста, берегите себя. Только на ваших плечах лежит светлое будущее этого жестокого места. – Сайк потянулся к Лии и взял её за руку. – Защити себя и его. Я верю, в вас и знаю, что вы добьётесь своего.

Лия поняла только половину от всех слов, но жалобный взгляд и голос дошли до её сердца. Она понимала, что её надежды и планы разняться с теми, во что верит старик и, его чувства были ей приятны. Никто за пределами бункера не помешает ей быть с Томасом, и, даже те, кто живёт в самом убежище. Лия улыбнулась Сайку, а он, в свою очередь, принял ту улыбку за согласие на свою просьбу.

Юная пара покинула старика. Они направились дальше отдыхать, выполняя совет врача. Нейт говорил, что никто из них не будет выходить за пределы бункера, пока им не разрешит этого ветеринар, и никто не собирался оспаривать это правило. Все были измотаны из-за того, с чем им пришлось столкнуться. Если Лия и Томас, Адам и другие раньше могли быстро успокоиться и расслабиться, то сейчас засевшее в них чувство усталости и странной тревоги становилось всё сильнее и сильнее с каждым последующим часом.

В тот же день все, кто вернулся с операции устроили небольшое собрание, где обсуждали дальнейшие планы отцов. Нейт, как представитель четвёрки и их правая рука следил за тем, чтобы никто не говорил ничего против вышестоящих и вёл себя сдержанно и достойно. Само создание этого мероприятия было неофициальным, а значит и неодобренно отцами, а это могло посчитаться признаком неуважения в их сторону. Как ни странно, но Лия первая получила приглашения от мужчины, когда случайно встретила его в коридоре.

Больше всего в кругу своих коллег волновался сам Нейт. Он рисковал *всем*. Из-за участия в чем-то тайном и неразрешенном, его могли не только наказать, но и понизить в звании, а значит он пал бы на самый низ к тем, кто уважал его и боялся из-за высокого статуса.

- Что думают делать отцы? – поинтересовался у Нейта Адам.

Никто кроме Нейта не был в курсе того, что вообще происходит в бункере. Он знал всё, слышал каждое слово отцов, видел каждое их действие. Даже несмотря на то, что все были на карантине, им было запрещено временно покидать бункер и контактировать с отцами, чтобы врач мог бдительно следить за состоянием пациентов, минимизировав возможные риски. Даже несмотря на это, Нейт

умудрялся нести службу отцам, регулярно навещая их и передавая команды.

- Вопрос обстоит крайне сложно. Наша операция не дала никаких результатов. Предположительное место расположения противников было ошибочным, поэтому отец Оскар будет искать другие зацепки. Пока что всем остальным снова разрешено покидать бункер. Еда, медикаменты, люди, припасы - всё как обычно. Нас с вами объединили в единственную разведывательную группу, что будет бороться с теми солдатами, ибо как сказали отцы: «у нас уже есть опыт».

- И когда же нас снимут с этого карантина? – неожиданно спросил Томас.

- Не знаю. Отцам регулярно докладывают о нашем состоянии, и, только с разрешения врача мы сможем вернуться к прежней работе.

- Он нам ничего не говорит. Ходит и ходит между нашими комнатами, иногда что-то спрашивает про самочувствие, иногда тайком наблюдает из-за угла. И похоже у него начинаются проблемы с инструментами. - Нейт показал пальцем на большой синяк на своей руке. В центре образовавшегося пятна была маленькая точка – признак того, что у мужчины брали кровь на анализ. – Ужасно чешется… В общем, нам ничего не остаётся, кроме того, что просто ждать изменений.

Все сидели тихо, не привлекая к себе внимания громкими разговорами. Тесной группой все спрашивали друг у друга состояние здоровья и общие мысли. Лии казалось, что этот небольшой круг слабо знакомых друг с другом людей стал ближе, чем когда-либо раньше. Она видела, что Том тепло смотрел на каждого, как смягчились взгляды Адама и Нейта к девушкам, насколько молчалива и нервозна была Кристэн, – она молчала на протяжении всего собрания. Отношение Кристэн ко всему происходящему было совершенно безразличным, и вела она себя довольно тихо. Это заседание было умиротворённым, дружественным, полезным для психологического здоровья каждого из участников. Лия также продолжала наблюдать за Томасом, даже когда он был в кругу людей, которых он мог бы назвать друзьями. Он продолжал бояться и стесняться своих мыслей и идей о подземном Граунд-Хилле. Девушка видела, как юноша нервничает, разрываясь от мыслей, чтобы промолчать о своей мечте, и чтобы рассказать о ней каждому присутствующему.

Лия настолько сблизилась с этим юношей, что всё сильнее и сильнее ощущала себя с ним одним целым. Она знала, что он думает, и чувствовала то, что чувствовал он. Она понимала значение каждого его вздоха и взгляда. Том прекрасно понимал, что люди, которые сидят рядом с ним, находятся в одинаковом положении, даже сам Нейт, который был гораздо выше остальных, ничем не уступал им. Они все кому-то служили, они все хотят чего-то большего, они все боятся. Неотвратимые перемены, непосильные трудности… они все приходят друг за другом, от них не избавиться, а также не избежать и того, что на другой стороне баррикад можно встретить своего друга. Томас мечтал о подземном Граунд-Хилле, но также и боялся его.

Собрание закончилось быстро, по крайней мере так казалось всем, – хотя, в целом, прошло около трёх часов. Все расходились в приподнятом настроении. Но Нейт, видимо, больше никогда не станет повторять этот опыт. Он заметил в себе, как начинает думать о таких вещах, которые раньше старался избегать.

Лия с Томасом отправились в тренировочный зал, где пытались занять себя хоть чем-нибудь, надеясь на то, что время пройдёт быстро. Девушка продолжала поражать всех окружающих своими способностями в введении боя. Она уже свободна могла тягаться даже с самым сильным бойцом. Когда она была в спарринге с Томасом, то выходила победительницей, несмотря даже на то, что слегка поддавалась.

Время за тренировками действительно прошло быстро. На следующий день всё вокруг Лии выглядело совершенно иначе: Кристэн не находилась на своём привычном месте, её не было видно ни в каком из возможных помещений, которые осматривала Лия. Это была хорошая новость, если бы вместе с ней не исчез и Томас. Часть дня девушка провела в полном одиночестве. Она пыталась специально найти хоть кого-нибудь из тех, кто участвовал с ней в операции, и была отчасти рада, когда нашла всех остальных, но не Тома и Кристэн. Лии казалось, что она слышала голос своей бывшей подруги, но никак не могла найти его источник.

В один момент она заглянула в медицинский кабинет. Работающий там мужчина стоял над огромным количеством записок и склянок с кровью, проверяя то одну, то другую. Он даже не заметил того Лию, и то, как она успела подойти почти вплотную.

- Где Кристэн?

Ветеринар не поднял свою голову. Увлечённо продолжая работу, он только удовлетворительно промычал что-то под нос.

- Зачем интересуешься?

- Её нигде нет, и Томаса тоже.

- Волнуешься за подругу?

Лию рассердил этот вопрос. Эта фраза сбила её с толку, заставив опешить. Её будто оскорбила сама мысль о том, что кто-то мог подумать об этом. Она волнуется за Кристэн? Ту самую Кристэн, из-за которой погибла Дарья? За ту, что крепко прижималась к Тому, когда она сама нуждалась в этом ни меньше? Ни за что!

- Нет, - резко и грубо ответила девушка.

- Стоило бы, ведь с ней что-то происходит. Возможно, именно то, чего мы и боимся.

Лия начала осознавать, что врач не договаривает всё, что должен был сразу высказать девушке, не только как своему пациенту, но и как помощнице. Дополнительная загадочность того, что Кристэн исчезла вместе с Томасом говорила о том, что всё может быть очень плохо. Никто ничего так и не узнал о том газе, и о том, что он может принести за собой. Все уже облегчённо вздохнули, осознавая, что самое страшное позади, но карантин всё не снимали, и сам врач с нетерпением и молчанием ждал дальнейших развитий событий. Он как ребёнок, больше интересовался этим, нежели опасался. Любой результат пришелся бы ему в радость.

- Она приходила ко мне сегодня. Почти пять часов назад попросила обезболивающее. Говорила, что её мучают боли. Я её проверил в приоритетном порядке и убедился, что никаких признаков нет, но дал для предосторожности таблетку. Средство было мощным и должно было действовать до сорока восьми часов, но она вернулась назад через два, также жалуясь на ту же боль. Я даже «случайно» уколол её иглой и понял, что она врёт, но всё же предоставил вторую порцию. – Учитель только один раз поднял взгляд на Лию, словно задал ей немой вопрос и вернулся обратно к своей работе. – Она была так рада, будто это действительно облегчает ей жизнь.

- Не понимаю, – сказала Лия, не осознавая, что от неё хочет услышать мужчина в серо-белом халате.

- Скажи мне, ты ведь слышала от так называемого «создателя» того препарата, как работал его газ. – Ветеринар соизволил подняться во весь рост. Он напряг взгляд и смотрел прямо на девушку, испытывая её. – Ты умная; ты всё знаешь, только подумай.

- Он говорил, что те, кто попадут под газ будут получать много дур... дон…

- Дофамина, - поправил он. – В просторечье – гормон счастья.

- Да, точно, дофамин. Вырабатывается много дофамина, потом человек будет пытаться его восполнить, и тогда он станет превращаться в монстра.

- Правильно-правильно. – Учитель улыбнулся уголком рта, гордясь за свою ученицу. – А что было с Кристэн после того, как вы вернулись?

- Вначале она смеялась, словно радуясь чему-то, а потом она была слабой, сонливой, грустной… - Лию будто осенило после того, как она начала вспоминать события прошедших дней. - Если всё идёт согласно плану того человека, то она брала таблетки, чтобы получить дофамин?!

- Именно. Но что, если она не получит его от таблеток?

- Она будет искать его другим способом.

Глава 12.2 Клеймо (Приговор)

12.2 Приговор

- Чёрт возьми, кто-нибудь уберите этот мерзкий звук! – Из одной из многочисленных обитаемых комнат высунулся мужчина средних лет. Он уже собирался оскорбить того, кто инициировал неприятный для ушей звук или хотя бы отвесить пару воспитательных пинков. Почти сразу он замолчал, стоило ему увидеть Лию, что медленно шла по коридору и поворачивала головой в разные стороны, проверяя каждое помещение. За ней следом тянулся тяжёлый топор. Снятый со стены медицинского кабинета, он волочился по полу, собирая собой миллиметровый слой грязи.

«Будь ты проклят, учитель. Будь проклята и ты, Кристэн!» - говорила про себя Лия. Она не понимала, чего хотел добиться её учитель, но злилась и осуждала всё, что происходило сегодня. Начиная с того, что Кристэн с Томасом неизвестно куда запропастились и неизвестно что делают, и заканчивая тем, что ветеринар предполагает наихудшее последствие в происходящем, но никак не желает в них участвовать, а только остаться в качестве стороннего наблюдателя. Он даже проигнорировал то, что она сняла топор со стены.

«Лучший вариант - ждать. Если всё происходит согласно первоначальному плану, то всё произойдёт так, как и должно быть, это неизбежно», - именно так и сказал он Лии. Неизбежно! Лию выводило из себя это слово, мужчина будто бы просто бросал на произвол судьбы всех, кто окажется рядом с Кристэн тогда, когда та начнёт действовать на подобии монстров, живущих за пределами каменных стен. А сейчас она находится рядом с Томасом, а значит он будет первым, до кого она доберётся. Лия бы и не боялась за него если бы не знала, что юноша справиться с трудностью. Но нет, Лия сильно в этом сомневалась. Она ни за что бы не поверила в то, что Том сможет убить одно из тех существ, особенно если будет знать, что им некогда был знакомый ему человек.

Лия ускоряла шаг, оставляя за собой проверенные комнаты и коридоры. Если кто-то и попадался ей на пути, то сразу же отпрыгивал в сторону и прятался в страхе, а доносящийся от девушки скрип и

глухие шаги по грязному полу были вестниками её злого помысла и настойчивости в достижении цели. Её глаза пылали из-за гнева. Если и другие не смогли сразу оценить нависшую угрозу, то Лия всё знала, всё понимала. Очень скоро в стенах бункера окажется злейший враг человечества – существо, что некогда потеряло само понятие личности и цивилизованности. Оно будет здесь, в безопасных и привычных для всех стенах, там, где никто и не рассчитывал встретить угрозу. Оно родится в месте, где никто никогда бы его и не ожидал, если оно уже не родилось. И, Лия надеялась, что не опоздает.

По проложенному заранее пути, который затрагивал каждое помещение в бункере, Лия встретила Джейка, того самого молчаливого и крупного юношу, что смотрел на девушку, как на что-то иноземное и неживое. Его взгляд всегда поглощал всех естественным и привычным холодом с безразличием, в Лии же он видел что-то отталкивающее и мерзкое. Она ринулась к юноше, поскольку знала, что он не станет с ней говорить, не станет даже произносить при ней отрывистые фразы, которыми награждал тех, кого мог назвать друзьями. Она толкнула Джейка к твёрдой стене и придавила его рукой, стиснув движения.

- Где Томас?! – громко проговорила девушка, показывая своим выражением и интонацией, что она не собирается играть с Джейком в молчанку, и тем более шутить. Она не стала упоминать Кристэн, осознавая, что если найдёт Тома, то найдёт и её.

Юноша молчал. Он не собирался дарить девушке возможность услышать от него хоть слово, не желал давать ей такую *награду*. Но что-то в нём изменилось. После того, как он увидел на лице девушки выражение нечеловеческой злобы, маленькая улыбка расцвела на его лице. Первая и многозначительная улыбка, которую Лия увидела. Джейк кивнул в сторону и посмотрел на комнату Томаса, которая была завешана большим полотном, точно также, когда там впервые жила Лия.

Лия направилась к завешанному проёму, и чем ближе она подходила к нему, тем медленнее становился её шаг. Ей было неизвестно как, но она чувствовала, что там внутри комнаты, за толстым пледом находится Том, и, находится не один. Лию резко обуздал страх того, что она уже опоздала, что за этой весящей тканью лежит мёртвое тело юноши, которым она дорожит. Вся была решимость испарилась от одной лишь мысли, что она увидит

безжизненное тело любимого человека. Но она не может просто так остаться недвижимой перед этой таинственной преградой что сломила её.

Только действия могли решить хоть что-то, только то, что девушка войдёт в завешанную комнату, и, сдвинет всю ситуацию и все мысли с мёртвой точки. Лия отодвинула плед рукой и прошла внутрь.

Воздух был спёртым и более тёплым, чем обычно. Что-то нагревало его изнутри. Плохая вентиляция помещения не давала дышать вошедшему гостю свободно и привычно. Комната была маленькой, такой же, как и все остальные, поэтому девушке не пришлось долго искать в помещении людей. Она почти сразу увидела Кристэн. Её бывшая подруга располагалась на кровати; нагая спина демонстрировала странные покраснения и следы от ногтей, что недавно оцарапали нежную кожу. Кристэн восседала на кровати в необычной позе. Она, стоя на четвереньках, выгнула свою спину, и, в то же время, сутулилась, наклоняясь куда-то вниз к изголовью.

Лия стала подходить всё ближе и ближе к девушке. Она начала замечать новые детали в происходящем. Кристэн дышала тяжело, несмотря на то что со спины выглядела расслабленной. Под ней находился Томас. Он не двигался. Кристэн извивалась головой у изголовья кровати, словно змея, что пытается загипнотизировать свою жертву. Лия сразу же почуяла что-то неладное, её испугало то, что Кристэн уже успела напасть на юношу. Нужно было действовать прямо сейчас.

Лия взяла топор в обе руки, подняла его над головой и была готова в любой момент нанести удар. Он был тяжёлым, но страх и устремлённость помогли Лии побороть это препятствие. Она даже не чувствовала тяжесть топора, словно подняла над собой привычный для неё нож, лёгкий и удобный. Лия делала шаг за шагом, становясь ближе к кровати Томаса. Подойдя ещё ближе, она заметила, что его голова повёрнута в бок, и была направлена прямо на стену – он даже не смог заметить Лию, пока та сокращала дистанцию. Лия боялась, что он или умер, или с ним случилось что-то ужасное.

Она уже не могла ждать дольше. Сделав недостающие два шага до Кристэн, она моментально нанесла удар топором по голове. Удар прошел вертикально под углом и попал в макушку. Кристэн громко ахнула и начала хрипеть. Она выпрямилась и встала на колени. Почти

сразу после этого удара она упала на пол. Из-за страха за Томаса, Лия не продолжала выпускать из рук топор, поэтому его лезвие выскользнуло из раны. Кристэн лежала на полу, а из её головы начало вытекать содержимое. Оценив, что девушка больше не встанет, Лия повернулась обратно к кровати, чтобы помочь Томасу, который мог быть ранен. Она надеялась, что он жив.

Лия почувствовала облегчение, узнав, что с Томом все хорошо. Поняв ужас произошедшей ситуации, опешив, он начал отползать от Лии и ударился головой о стену. У него на лице осталась кровь Кристэн, что несколько секунд назад прижимала его руками к кровати и целовала вожделенное тело. Юноша судорожно смотрел то на Лию, то на Кристэн. Он было открыл рот, чтобы что-то сказать или крикнуть, но у него не нашлось сил, чтобы издать хоть какой-то звук. Его выпученные глаза выглядели в несколько раз больше, чем обычно. Он побледнел и трясся.

Не прошло и минуты, как в комнату забежал Джейк. Он словно караулил развязку происходящего и не стал ждать дольше положенного перед тем, чтобы войти. Для Лии прошли доли секунды, будто бы Джейк вошел сразу же как Кристэн упала на пол, издав при этом глухой шлепок. Томас же ощущал всё слишком долго, будто бы шли минуты, часы. Он не понимал, что происходит, и, успел всем телом ощутить холодный взгляд подруги. Перед ним убили человека, который за одну секунду перестал существовать. Девушка, которую он успокаивал и защищал, которой он помогал, умерла. И он мог умереть следом за ней, он боялся этого исхода. Он, как и многие другие контактирующие с газом, боялся последствий заражения. В этот миг, он видел перед собой картину всего своего прошлого, всю свою жизнь до этой минуты. В его голове создалось столько мыслей, что у любого другого человека могла заболеть голова от нагрузок. Лия могла быть на грани превращения в витума или кого-то хуже.

Что бы дальше не происходило, Томаса смущал единственный факт, что, Лия начала смотреть на него такими же добрыми и спокойными глазами, как и раньше. Её глаза не горели в немом желании убить Тома, вслед за только что убитой девушкой. Это была она, та самая девочка, которую он на руках заносил в убежище, та самая девочка, которую он защищал на протяжении всей их

совместной жизни в этих холодных стенах, та самая девушка что дала ему новый смысл в существовании. Это и пугало Томаса.

Джейк воспользовался удобным для него моментом, Лия стояла в полный рост к нему спиной, она была расслабленной и не сопротивлялась даже тогда, когда юноша повалил её на пол. Девушка упала лицом в лужу крови, не издав никакого звука, будто бы сама была мертва.

- Тревога! – крикнул Джейк. Это было первое слово, которое услышала от него Лия.

В течении минуты комнату наполнили зеваки, что располагались неподалёку. Кто-то из них уже успел увидеть Лию заранее и боялся, что всё-таки что-то случилось. Кто-то в полном недоумении вошел в комнату и был ошеломлён произошедшим. Но животный страх испытали все. Дополнительные руки моментально окружили Лию и сковали крепкими хватками, остальные направились к Томасу и Кристэн, чтобы проверить их состояние. Нашлись и те, что даже в такой ужасный момент не упускали своей возможности, чтобы тайком пощупать холодящее тело девушки и, «насладиться им». Так они поступили из сильного чувства любопытства, и, просто не смогли сдержать те бушующие у них в головах мысли и желания, которые разом покинули серое вещество. Некоторые никогда не были на «ночи продолжения», некоторые просто соскучились по этим ощущениям. Томас до сих пор не мог что-либо сделать, он всё ещё сидел у изголовья кровати, смотря то на Лию, то на Кристэн. Сама же убийца была спокойна и довольна тем, что с её другом всё в порядке.

Все собравшиеся начали говорить друг с другом, бросаться обвинениями, проклятьями и новыми выкриками, привлекая внимание ещё большего количества людей. Когда в помещение вошел Нейт, он даже не успел сказать и слово, как его окружили взволнованные лица.

- Её надо выгнать!

- Она убийца!

- Что же нам делать?!

- Она стала одной из них!

Нейт не сразу понял о чём идёт речь, но как только увидел на полу лужу крови и лежащую в ней Кристэн и Лию, то сразу смекнул, что к чему. Мужчина слабо улыбнулся, будто бы довольствовался тем, что

произошло. Он давно гадал, что так и будет, и его предзнаменование свершилось.

- Согласно нашим правилам, мы изгоним её, и она больше никогда не вернётся сюда. – Нейт был властен в своих речах, в них также звучала гордость и радость от победы. Его слушали, не только как командира, но, как и старшего брата.

Поднялся радостный крик: «дракон! дракон!». Все радовались властностью их командира, радовались его решением и тем, что он по-прежнему был на стороне своих бойцов, даже несмотря на то, что работал бок о бок с девушками.

Лию подняли и начали уволакивать в коридор, чтобы открыть ворота ангара и выкинуть девушку за его пределы без какого-либо продовольствия или оружия. Она начала сопротивляться, не желая оставлять Томаса одного с этими людьми; не желая покидать его, лишаться того, без кого она не смогла бы жить. Сам Том по-прежнему никак не мог отойти от случившегося. К нему обращались другие люди, но он никак не реагировал на их прикосновения и вопросы. Девушка начала брыкаться, она попыталась укусить кого-то за руку, но её быстро успокоили, ударив прикладом ружья по виску. Боль в голову возникла молниеносно, и вскоре всё вокруг началось кружиться против её воли, подошла тошнота, голоса стали разноситься с лёгким эхом, по телу пробежала слабость, в дополнении к новым болевым ощущениям что преследуют Лию с предыдущей драки с Кайлом. Стоило людям только повернутся к выходу из комнаты, как путь им загородил отец Николай и ветеринар.

- Что здесь происходит?! – Голос отца Николая знали все, он чаще всех бывал среди бойцов, поваров и механиков. Моментально с его словами картину словно поставили на паузу. Стоящие рядом с ним врач медленно осматривал помещение, и уже заприметил для себя новую работу.

- Эта сука убила свою подругу, - Нейт назвал бы Лию «девчонка», как раньше, но он был слишком возбуждён от того, что в стенах его дома произошло такое громкое и кровавое событие. К тому же, он не стеснялся оскорбить её. – Мы собираемся её выкинуть ко всем чертям, согласно нашему своду правил, как написали его отцы.

- Я помню о правилах… - Отец Николай разглядывал всех присутствующих кто принимал участие в транспортировке девушки.

На лицах детей, юношей и более взрослых мужчин сохранялось неизменное выражение осуждения и злости. Если бы отец Николай напрямую запретил им делать что-либо, то он рискнул бы столкнуться с тем, что его люди встали бы на сторону Нейта.

- Но также есть и правило, о котором вы забыли, к которому, как многие надеялись, не будут применены действия. Что нужно делать при возникновении болезни?

Никто не дал ответа, и отец Николай это знал. Законы были лишь гласным условием мирного сосуществования и решения проблем. Некоторые из них выдумывались на ходу, что позволяло более гибко управлять людьми. Одним из таких законов стало карантинное положение.

- Пока в рядах есть больной, все решения о его судьбе решаются только рукой медицинского персонала. – Отец Николай повернулся к рядом стоящему врачу, предоставляя тому слово.

- Да, Кристэн и Лия были заражены неизвестным веществом при выполнении опасного задания. Есть вероятность, что именно то, с чем они столкнулись, повлекло за собой эти последствия. Мне необходимо осмотреть их, чтобы убедиться в этом. Принесите их в мой кабинет. – Ветеринар начал разворачиваться обратно к медпункту и при выходе добавил, - и приведите ко мне всех остальных.

Лию хотели поставить на ноги, чтобы помочь ей добраться самостоятельно до кабинета, но та бессильно висела на руках носильщиков. Она чувствовала слабость в теле всё сильнее и сильнее. Из-за неспособности передвигаться, её доставили в кабинет на руках. Следом за ней принесли Кристэн. Другие участники операции пришли самостоятельно. Томасу помогали в перемещении, придерживая его за руки.

Лию внесли в кабинет и посадили на кресло, где та пыталась отойти от последствий удара в висок. Врач предварительно промочил её лицо водой, чтобы ускорить процесс пробуждения. Лия постепенно приходила в себя. Скай с другим мужчиной внесли тело Кристэн, где его положили на операционный стол. Остальные члены группы разбрелись по кабинету, выжидая дальнейших указаний. Кто-то из посторонних незаметно вернул окровавленный топор на родное место.

- Скай, оставь пожалуйста своё ружьё и ждите в коридоре. – Врач посмотрел на подаренное ему оружие и начал первым делом

осматривать труп убитой девушки. Он осмотрел каждый сантиметр тела, изучая при этом свежие раны, состояние кожи, рта и глаз. В какой-то момент, он заметил на себе взгляд Лии, который был полностью без эмоциональным.

Отец Николай не вернулся к своему рабочему месту, а решил составить компанию в медицинском кабинете, внимательно наблюдая за тем, чем закончится эта Шекспировская трагедия.

- Что же, я осмотрел её и могу сделать вывод, что Кристэн действительно начала обращаться в одного из витумов. Возможно, в теневиков, если вдаваться в конкретику. Я вижу на ней раны от собственных ногтей, как доказательство самоистязания. Под ними находятся кусочки, предположительно её кожи. Некоторые волосы вырваны клочьями с корнями. Если рассматривать теорию обращения в разные формы существ, то она пыталась найти новый способ выработки дофамина, из-за чего искала необходимый для этого способ. Самоистязание – мясники и сборщики, сложные химические препараты, еда и половое влечение – теневики и прочие. Употребив не одну таблетку с множеством содействующих друг с другом элементов, она причиняла себе боль и пыталась заняться половым актом. – Мужчина замолчал: он уставился на Томаса, обдумывая, что может ошибаться и девушке просто не хватало внимания. – Том, расскажи нам о том, что сегодня было.

- Я думал, что ей просто одиноко... Когда я проснулся, она уже стояла неподалёку, и пристально смотрела. Она выглядела какой-то подавленной и грустной. А её глаза были пустыми. Она просила, чтобы я помог ей, дал ей задание, развлёк. Я водил её по бункеру, и мы занимались всем, чем только могли, я придумывал ей занятие за занятием, но безусловно, она словно умирала прямо на глазах. В какой-то момент, я отправился с ней к Лии, чтобы уже она помогла нам, но Кристэн увела меня в мою комнату, где толкнула на кровать, села сверху, разделась и… - Томас говорил почти шепотом. Он никак не мог отойти от случившегося, и, иногда сжимал кулаки от злобы к Лии и всем остальным.

- Почему ты не сопротивлялся? – Ветеринар продолжил задавать вопросы юноше, не обращая внимания на то, что юноша может скрывать собственные пробудившиеся желания. – Раньше ты как-то не стремился к женской ласке...

- Смотря за ней, я впал в отчаяние. Там я подумал, что так ей полегчает, что она приободриться и снова оживёт… Она действительно была этим сильно увлечена, об этом говорило то, как она смотрела на меня, как при этом дышала.

- Лия? – врач повернулся к девушке, переходя на новые вопросы.

Лия только удивлённо посмотрела на своего учителя, не до конца понимая, что от неё хотят. На неё смотрели так, будто бы она сама была на месте Кристэн. Во взгляде врача просачивалось осуждение.

- На что это было похоже, когда ты вошла в комнату? – продолжил он.

- Она сидела на Томасе и… целовала его, - от этих слов её мутило.

- Это доказывает мою теорию. А теперь, чтобы не…

- А если вы совершили ошибку? Может она просто испытывала влечение ко мне и наконец-то решилась на шаг? – Томас ожил, он поднялся со стула и начал громко говорить с врачом, осуждая того за возможную ошибку. Дополнительно к этому, своими словами он выдвигал обвинение Лии, как братоубийце, сам того не подозревая.

- В нашем случае, Том, проще допустить ошибку рано, чем слишком поздно. Кристэн давно стала вести себя подозрительно, к тому же если бы она испытывала «влечение» к тебе, как ты говоришь, не безопасней ли для неё было поставить тебя в известность, может даже, намекнуть, нежели идти напролом, особенно при текущих положениях? Она прекрасно знала всё. – Мужчине удалось достучаться до Томаса, а тот, в свою очередь, сел обратно на место, прекратив дальнейший спор.

- И ещё, сейчас твой порыв на защиту мёртвой девушки разбивается на два мнения: Лия или убийца, или спаситель. В одном случае её выгонят, в другом – поблагодарят. – Врач начал давить на Томаса, он заметил, как тот начал бледнеть от такой мысли. – Кто для тебя Лия, убийца или герой?

Том молча уткнулся лицом в ладони, пытаясь оградить себя от внешнего мира.

Услышав слова учителя и обдумав всё, Лии стало не по себе. Том был готов рискнуть её собственной жизнью ради той, что переставала быть человеком, что была повинной в смерти Дарьи, и сама по себе была опасной для всего бункера и всех живущих в нём людей. Томас лишь молчал. Он не мог даже опровергнуть выдвинутые ему

обвинения. Он был ни за Лию, ни против. Эта мысль была самой болезненной, будто Лия стала для Томаса никем, ни врагом, ни другом, ни тем более дорогим человеком. Насколько бы эти мысли не были для неё болезненными, она понимала, что Том недостаточно хорошо всё понимает, не осознаёт устройство мира, не знает, как устроена жизнь. Он не смог понять за свои двенадцать лет того, что смогла понять Лия за гораздо меньший срок. Она обязана защитить своего дорогого друга, ей приятно быть рядом с ним, даже если он не понимает этого, насколько это важно для них обоих.

- Я хотел сказать важную вещь, но меня, к сожалению, перебили. - Врач занервничал. Он понимал, что власть, которую он сейчас имеет, дана ему на время, и боялся последствий своих действий, хоть и необходимых. – Я приказываю вам всем раздеться.

Никто не поверил в его слова, даже голос, который озвучивал этот приказ, казался наигранным и шуточным. В ответ послышались только вырвавшиеся тихие смешки. Ветеринар был готов и к этому. Потянувшись рукой к лежащему на рабочем столе ружью, он подкрепил всю серьёзность своего приказа. Испуганные люди попытались найти поддержку и помощь в глазах отца Николая, но тот лишь отречено помотал головой. Вся власть была у ветеринара.

Лия смотрела как люди, что стояли недалеко от неё, начали медленно снимать с себя одежду. Они бросали её без разбора на пол, и всё время смотрели то на врача, то на девушку. Одного они осуждали, другой мысленно приказывали отвернуться. Ветеринар сам не уступал в натяжении атмосферы, он грозно смотрел на своих пациентов, продолжая поглаживать ружьё. Девушка тоже потянулась к пуговицам своего жилета, чтобы не навлечь на себя скорую ярость вооруженного человека, но была остановлена им же самим.

- Тебе не надо. Но я не могу быть уверенным в том, что и с тобой всё в порядке. – Он протянул Лии руку и помог ей подняться со стула. – Скажи, что ты чувствовала, когда убила Кристэн?

- Ничего. - Лия соврала. Она никак не могла сказать то, что после убийства Кристэн ощутила то, как долгое напряжение вмиг покинуло её тело, как всё вокруг стало более ярким и лёгким, как огонь в груди моментально испарился. Девушка не представляла того, как всё её сумбурное описание внутренних ощущений может звучать абсурдно и дико.

- Ничего? Может там была радость? Горе? – Мужчина начал давить на девушку, увлекая её на более открытый разговор.

- Нет, ничего я не чув… - Лия резко притихла. Она согнулась и упала на колени. По всему телу пробежалась волна нестерпимой боли, изо рта вылетел всхлип, который было невозможно сдержать. В животе было ощущение, что её ударили острым ножом, раскалённым докрасна.

Мужчина пальцами ткнул со всей силы девушку в то место, куда её когда-то пинал Кайл. Он разбудил старый, и ещё не заживший, очаг боли, что давно мучал девушку. Он хотел получить реакцию на боль и добился своего – девушке было неприятно. Врач не знал, смогут ли витумы получать хотя бы минимальное удовольствие или раздражение от других взаимодействий с собственным телом или нет. Но он уже долго следил за девушкой и приметил, что ничего необычного в ней не замечалось. Никто не ожидал такого поворота событий, и все начали показывать свои настоящие мысли: кто-то испугался, кто-то смотрел на всё с таинственным удовольствием, но и за этим врач внимательно наблюдал. Отец Николай наслаждался зрелищем – полученная власть извращала и ожесточала сердце доктора. Том ожил. В нём загорелся огонь, и он ринулся помочь Лии, но был схвачен собственными друзьями, что не позволили ему подойти ближе.

Ветеринар облегчённо выдохнул, – он был рад тому, что его ученица не находилась на начальных стадиях обращения в монстра. Он был готов провести над девушкой полный осмотр, но сомневался в ней меньше всех, поэтому кое-что упустил. На его лице появилась довольствующая улыбка, он был рад успешному выполнению своего отвлекающего плана, как резко остановился – среди всхлипов боли, он слышал раздражение и злость. Перед глазами воссоздались сцены расправы над Кристэн и другими людьми, которых убила Лия. Врач не горел желанием пополнять список тех, кто встал на пути агрессивной девушки.

- Извини меня, но я был вынужден проверить тебя, чтобы знать кому я могу доверять. – Мужчина упал на колено и осторожно прикоснулся к девушке, пытаясь поднять её на ноги. Он вёл себя максимально доброжелательно и осторожно, надеясь загладить свою вину за то, что сделал секунду назад.

Лия поднялась. Начала исчезать отдышка. Перед тем как полностью выпрямиться и прийти в себя, она искоса посмотрела на своего учителя так, что у того застыла кровь в жилах. Мужчина был готов в ту же секунду попрощаться с жизнью.

- Я что, разрешал вам останавливаться? – Резко изменив тему, врач задал вопрос остальным присутствующим. Пока происходило всё представление с Лией, никто и не думал продолжать раздеваться, все стояли или в одном исподнее, или в штанах. Все поторопились быстрее закончить работу, сразу после того, как увидели, что Лии вручили ружьё.

Весь процесс прошел быстрее, чем начинался. Перед ветеринаром теперь стояло шесть мужчин разных возрастов, они все были полностью нагими. Процесс осмотра был самым неприятным для всех, каждый чувствовал себя неудобно, небезопасно. Кто-то устремил свой взгляд в пол, думая о том, чтобы всё закончилось как можно скорее. Нейт сверлил взглядом ветеринара, размышляя о том, что отомстит тому, когда вернётся в привычное для себя русло. Томас иногда поглядывал на Лию. Своим взглядом он извинялся перед ней за то, что она вынуждена смотреть на него в таком постыдном виде.

Осмотр давал положительный результат. На телах мужчин не было никаких свежих ран, их спокойное состояние дополнительно выдвигало вердикт – они здоровы. Такие мысли царили в голове врача, пока очередь не дошла до юноши, что недавно получил пулевое ранение в живот. Его рана казалось более свежей: шов был разорван, а бинты были наложены небрежно и в спешке, проглядывались свежие кровоподтёки.

- Что с твоей раной? – поинтересовался врач.

- Она... чесалась и болела.

Услышав это, ветеринар отвернулся от своего пациента, он повернулся к Лии и незаметно кивнул ей. Такой жест говорил только об одном – сейчас что-то случится.

Не прошло и секунды, как юноша упал на колени со стоном, полным неподдельного возбуждения и удовольствия. Остальные пациенты опешили и отшатнулись от своего товарища. Они не сразу заметили, как мужчина в халате после заметного кивка девушке повернулся обратно к пациенту и воткнул три пальца в старую рану, разрывая кожу и затрагивая повреждённые мышцы. Юноша, упав на

колени, вцепился руками в источник наслаждений. Задерживая стекающую кровь, он начал гладить свой живот в знак благодарности и удовлетворения, на его лице появилось выражение блаженства, он закрыл глаза и тяжело дышал сквозь жуткую улыбку.

- Стреляй! – Ветеринар быстро отошел в сторону от пациента. Оттряхивая перчатку, он разбрызгивал свежую кровь на пол кабинета.

Вслед за приказом, послышался рокот выстрела. Ранее раненный в живот юноша получил смертельный выстрел в голову и сразу упал на спину.

Все начали скапливаться вокруг убитого. Из коридора подтянулись люди, что ранее получили распоряжение охранять кабинет. Отец Николай аплодировал! Только Лия продолжала стоять на месте, словно ничего не произошло. Кроме неё все моментально забыли о том, что минуту назад переживали самый неприятный момент их жизни. Они были шокированы тем, что стали свидетелями того, как рождался один из самых опасных видов существ, что брели по развалинам старого мира; тварей, что украшали свои тела металлическими заострёнными предметами, резали себя и вырывали зубы, ломали пальцы и получали удовольствие только от боли – мясники и сборщики.

- Официально могу заявить, что карантин снят!

Глава 13. Пленник

Один из самых ужасных дней Томаса подходил к концу. Он очень устал и собирался через пару часов отправиться спать. С того момента, когда погибла Кристэн и до того, как Лия убила ещё одного человека, Том успел достаточно поразмыслить над своей жизнью. Девушке простили оба убийства – её посчитали героем; она начала всем нравится, поскольку на корню уничтожила угрозу для бункера. Томас же стал для всех жертвой… он заметно потерял для всех свою былую сноровку и уважение, утопая в тени Лии.

Том лежал на своей койке и поглаживал всё ещё мокрое пятно, что осталось от Кристэн. Оно стало знаком того, насколько жесток этот мир, насколько жестоки люди, обитающие в нём. Из-за воспоминания того, какой была Лия в самом начале, до мысли, какой она стала сейчас, юношу продрала дрожь. «Что же с нами будет?» - думал он про себя. Его старая мечта была разрушена.

С одной стороны, Лия действительно становилась равной для каждого из местных мужчин, с другой, таким образом росло требование к будущим девушкам. Они будут или гибнуть, словно мухи, или для них найдут более «выгодную работу», на которой они и сейчас находятся. Но Лия в своем случае одна. Она идеальна в этом плане. Девушка хоть и выбрала на своё усмотрение способных подруг, но это, в конечном итоге, ничего не решило. Дарья погибла в первый же день, Кристэн никого не смогла убить, не смогла сделать что-то действительно полезное и необычное, она скорее была как интерьер для местного населения.

Пока Лия отправлялась к отцам, чтобы получить от них нужные похвалы и почести, Томасу удалось услышать от людей мнение о ней. Все её начинают уважать, но больше боятся. Произошедшее в Граунд-Хилле можно было списать на самозащиту и страх, как и её первое убийство мясника. Так она ничем не выделялась среди остальных. Но её недавние действия: убийство человека из «Кодара» и расправа над зараженными – были причиной страха среди остальных. Даже выжившие в перевороте бункера около десяти лет назад тоже были напуганы и встревожены. Совместная неприязнь и страх позволили им

создать нечто новое. «Даже дракон боится лисы» - подумал Томас. Его позабавила эта фраза и он улыбнулся, но сразу вернул серьёзность своего лица, поняв, чему именно он улыбается.

Лия имеет полное право получить наивысшую награду – стать ровней Нейту, быть новой верной рукой отцов. Томас не мог себя обмануть: он сам хотел принял эту награду, чтобы быть ближе к цели. Только Лию это мало волновало, её больше заботила своя личная жизнь, и то, чтобы Том всегда был поблизости и в безопасности. Юноша даже обрадовался, что не стал строить какие-то сложные и многоэтапные планы, чтобы создать подземный Граунд-Хилл. Ему повезло, что его слабость в стратегии и политике требовали от него полного смирения перед течением времени. Выжидать, пока всё сработает так, как и должно быть. Это было самое удобное решение, и текущая практика показывала, что ещё и безопасное.

Под указкой Томаса, Лия могла занять место среди любимцев отцов, где смогла бы манипулировать ими, и в конечном итоге, позволить занять управляющее место нужному человеку. Но учитывая, насколько печальным оказался опыт по внедрению девушек в ряды бойцов, всё могло пойти совершенно другим путём. Жители убежища убили бы себя быстрее, чем это могли сделать их враги.

- Ужасно, неправда ли? – раздался голос со стороны двери.

Томас поднял глаза и увидел Адама. Тот стоял в двери и смотрел в ответ на Тома, такой же печальный и озабоченный.

- За последние недели мы начали терять так много людей. – Адам прошел в середину комнаты и сел на соседнюю койку. – Не хочу ныть, но смерть под каменным потолком самая страшная. Я бы лучше хотел умереть под открытым небом.

- Не хочу сейчас говорить о смерти, - тихо проговорил Томас, пытаясь не обидеть своего друга.

- Понимаю, но сейчас из-за всего вокруг… другие мысли в голову и не лезут. Но ничего. Как только нам дадут новое задание мы сразу же развеемся. – Адам обрадовался такой возможности вернуться к прежней жизни, но резко помрачнел, вспомнив, что послужило причиной его посещения Томаса.

- Том, завтра будет небольшое собрание ребят, тебя туда тоже пригласили. И пожалуйста, приходи один, без Лии. – Адам вышел

сразу, как только договорил. Он даже не стал дожидаться ответа от Томаса.

Том снова остался наедине со своими мыслями, но вскоре к нему вернулась Лия. Она переселилась обратно к юноше, вернулась в любимую ею среду, где она чувствовала себя лучше всех. Девушка прошла через комнату и легла в койку к юноше, так же, как и делала это раньше, ещё до разделения из-за несчастной кончины Дарьи.

Томас почувствовал сильный дискомфорт. Он отвык от того, что, Лия когда-то ложилась к нему, и в то же время, чувствовал накопившееся отвращение к девушке. Почти сразу все чувства стали смешиваться, заменяя друг друга. Томас раньше всегда был верен чему-то одному, был твёрдо уверен в своих целях и знаниях, но, с тех пор как в его жизнь вернулась Лия, его мир менялся каждый час. Он потерял всю уверенность и начал сомневаться, боятся. Он стал другим. Или он стал снова собою, тем самым Томасом, что привёл в убежище маленькую девочку на руках.

Отвращение к Лии уходило, вместо него появлялось странное чувство привязанности и спокойствия, которое Том никак не мог отогнать, даже вспоминая последний взгляд Кристэн перед смертью. Злость и страх переродились в радость. Никто бы не смог чувствовать себя так бок о бок с убийцей. Кровожадность Лии сменилась на детскую невинность, она обнимала Томаса и выглядела совершенно беззащитной. Юноша приобнял девушку рукой. Он ощущал её спокойствие, оно заражало его самого. Когда Том расслабился, то почувствовал себя самым счастливым человеком, который всегда будет любим и защищён. Он понимал, что эти мысли неправильны, сама Лия неправильна, она будет пытаться защитить Томаса от всех подряд. Её нужно направлять. Ей нужно управлять. Он сделает всё, чтобы Лия не настроила против себя ещё больше людей.

- Томас, ты убьёшь для меня? – раздался нежный голос девушки.

- Не надо никого убивать, - тихо ответил он. Его бы испугал этот вопроса, но почему-то именно его он и ждал.

- Я убью любого, кто встанет, между нами. – Лия говорила так, будто и не услышала слова Томаса. Но он не хотел повторять эту кровожадную клятву.

- Обещай мне, что никого не убьёшь из наших друзей.

Лия молчала.

- Лия, обещай!

- Обещаю…

Томас закрыл глаза, чтобы уснуть, и, сам себе дал обещание, что сделает всё что угодно, лишь бы дать Лии шанс на нормальную жизнь.

С закрытыми глазами он слышал, как девушка продолжала говорить своим тихим и спокойным голосом. Она говорила много, осмысленно, что-то активно обсуждая.

Том открыл глаза.

Он стоял перед небольшим одноэтажным домом, в стене которого зияла огромная дыра. Несущая стена здания была повреждена достаточно, чтобы часть мансарды обвалилась вниз. Перед юношей стояла маленькая девочка четырёх лет, которая держала одной рукой штанину Томаса, а другой пыталась вытереть опухшее от слёз лицо. Её каштановые волосы слиплись из-за грязи и слёз. Она никак не могла остановиться плакать. «Мама и папа остались там, надо им помочь» - без конца твердила девочка.

Томас успел увидеть то, что произошло. Он понял, что родители девочки оказались погребёнными под обломками здания и мебели. Он запомнит надолго картину, как лицо молодой матери скрывается под упавшим на неё потолком. Вокруг трубили установленные на домах сирены, по улицам разъезжали шумные и светящиеся машины. Динамики сообщали инструкции для населения. Небо было скрыто за сотней летающих самолётов, которые то кружили, то летали туда-сюда, заворачиваясь в безумном вихре. Иногда они создавали под собой яркие и короткие вспышки. Эти машины походили на большие стаи птиц. Только они не щебетали, а создавали грохот взрывов и рёв двигателей.

Томас поднял маленькую девочку на руки и побежал вслед за взрослыми. Он не знал, что происходит, но понимал, что добром это не кончится. Когда в небе появились самолёты, весь город охватила паника. Взрослые куда-то спешили; по большей части они двигались кучками в одном направлении, некоторые из них выбрали другой путь и убегали в рассыпную. На дорогах не было свободного места – пробки стояли на многие километры, кто-то срывался и решался проехать по тротуарам и дворам.

Томас несколько раз чудом не попал под колёса машины. Он был таким же беззащитным и испуганным, как девочка, что находилась у

него на руках. Он начал жалеть, что неделю назад сбежал из детдома и жил в подвале нового друга. Его семья бросила всё, что имела и оставила самого Тома на произвол судьбы. Когда началась вся суматоха, мальчик был один, пока не встретил маленькую девочку, что была в таком же ужасном положении, как и он сам. Томас бежал за людьми к огромной железной двери в холме. Никто так и не стал помогать ему. Он вошел в большой бункер сам. Даже после расспросов солдат о его родителях ему не стали мешать, только подарили опечаленные взгляды. «Я не дам тебя в обиду, обещаю» - сказал Томас маленькой девочке на своих плечах.

Том не спал уже около десяти минут. Он молча смотрел в пустоту и вращающиеся перед глазами картины прошлого. Рукой он гладил Лию по волосам, которая так же уткнулась ему лицом в плечо, как и двенадцать лет назад. «С самого детства я не верил ни в бога, ни в дьявола. Но то, что под своим крылом я пригрел её, говорит или о том, что с небес сошел ангел, или из ада возвысился демон» - думал Томас, продолжая гладить поседевшие волосы. Белые. Они были такими же белыми, как и снег в старых воспоминаниях Тома, когда он смотрел через окно своей комнаты детдома.

«Ты прошла через ужас, чтобы вернуться в него, чтобы покорить его, изменить», - Том начал опасаться за ход своих мыслей, он наделял девушку какими-то нечеловеческими силами, которыми никто не способен обладать. Он не хотел верить в то, что случившаяся перемена с Лией реальна. Он надеялся только на то, что она самый обычный человек, сошедший с ума от горя и безумия. Он не смог себе представить того, о чём думала Лия, когда впервые вышла за пределы убежища. У неё никого не осталось, кроме Томаса, и, если она останется навсегда одна, то её состояние будет только ухудшаться.

Том предположил, что пролежал в своей кровати достаточно времени и решил собраться пойти на таинственное собрание без Лии. Девушка начала ворочаться, когда юноша слезал с койки: она ёрзала и нащупывала что-то перед собой, но успокоилась, когда Томас погладил её по плечу. Убедившись, что девушка не собирается просыпаться, юноша вышел из комнаты и направился искать старого друга.

Адам находился у себя, он сидел на койке, и, прикрыв рот руками, о чём-то думал. Томас тихо постучался в дверную раму, привлекая к себе внимание.

- Ты спал? – спросил Адам обернувшись к своему гостю. Томас отрицательно покачал головой.

- Я тоже. Тогда, не будем задерживаться.

Адам вышел в коридор и направился по направлению к ангару. Проходя мимо нескольких комнат, он, не останавливаясь, стучал в дверные рамы.

- По какому поводу собрание? – поинтересовался Томас, не успевая за Адамом.

- Сам всё узнаешь, а пока молчи.

Юноши вышли в ангар, где работа кипела меньше обычного. Несколько инженеров занимались доработкой бронемашин, а кто-то чинил их от недавних аварий. У соседней стены с верстаками один из умельцев создавал боевые патроны.

- Иди в дальний левый угол и жди нас там. – Сразу после своих слов, Адам направился в коморку к Сайку.

Томас пошел по указанному ему направлению, он зашел за некрупный предмет, что был прикрыт серым пледом. Томаса заинтересовала находка, он слегка приподнял один из краев и обнаружил под ним старый легковой автомобиль. Юноша вспомнил то, что отец Евгений договаривался с Граунд-Хиллом об автомобиле для модернизации. Том всё же изначально представлял грузовик или трактор, но не то, что он увидел в конечном итоге. Юноша даже не мог вообразить, каким образом инженеры смогут улучшить этот аппарат. Толщина корпуса машины не превышала полтора миллиметра, из-за чего использование большей части машины казалось абсурдной. Пока Том разглядывал машину через приподнятый край пледа, к нему подошли его товарищи.

Семь человек, в том числе Адам, Сайк, Скай и Джейк, окружили Томаса. Они сели на корточки рядом с ним, чтобы скрыться за машиной. Они долго сидели молча, не зная, с чего стоит начать разговор.

- Надо поговорить о Лии, Томас, - начал Скай.

- Лия? А что с ней не так?

- Она опасна, - ответил Джейк. Все даже резко обернулись на юношу, удивившись его прямолинейностью.

- Она – герой, убила двух наших, которые вскоре могли обратится в витумов. – Том с грустью в голосе начал повторять слова, которые

отцы уже скандировали из раза в раз.

- Это просто везение. Всех пугает то, как она спокойно умерщвляет людей. Вспомни то, что было раньше. Томас, она безумна. – Адам медленно начал повышать голос.

- Вы говорите бред, она на нашей стороне.

- Она не на нашей стороне, Томас, а на твоей, - добавил Скай.

Томас встал в ступор. Он понимал, что его друзья правы. Девушке полностью безразлична жизнь любого другого человека в убежище, и, если она что-то и делала, то только ради него.

- Скай, я не верю своим ушам, ты же был также на её стороне, как и я. Сайк, скажи хоть ты что-нибудь, у нас же был план!

- Мне жаль, малыш...

- Это правда. Все боятся того, что она может нас всех перерезать, или допустить, чтобы нас перерезали. Для неё есть только ты, а мы всего лишь дополнительная безопасность.

- Тогда я буду направлять её, чтобы никто больше не боялся.

Юноши говорили с Томасом осуждая Лию. Говорили о ней всё, что думали. Том пытался объяснить всем, что они просто себя накручивают и зря боятся девушку. В конечном итоге он уговорил всех, что он займётся этим вопросом, чтобы никто не возвращался к этой теме, и тем более, не пытался предпринять что-то опрометчивое.

- Смотри, Томас. Не пытайся делать то, с чем не справишься.

- Хватит! Вы о ней говорите, будто бы она даже не человек! Она такая же, как каждый из нас, она тоже думает, чувствует, чего-то хочет и боится. – Томас начал терять самообладание. Он сам немного боялся Лии, но в отличии от остальных, знал её достаточно хорошо. Он знал её, с другой стороны. Юноша начинал постепенно повышать голос, пока его не успокоили.

- Мы сами хотим в это верить, - успокаивал своего друга Адам.

- Там Лия! – шепотом сказал Скай, смотря куда-то вдаль ангара.

Все немного подняли головы, чтобы выглянуть за машину, но не показаться в полный рост. Действительно, Лия шла прямо на них, она выглядела крайне озадаченной и задумчивой. Было видно, что она искала Томаса, и по непонятной причине, будто знала где он.

- Она что, чует тебя? – удивлённо спросил Скай.

- Иди к ней, не нужно в ней рождать подозрение! – Сайк похлопал Томаса по плечу и жестом показывал в сторону девушки.

Том поднялся, удивлённо всматриваясь в Сайка. Из-за всего этого собрания и его достаточно быстрого настроя, который едва мешал усваивать информацию, он и не заметил, как Сайк умело подбирал слова, в которых отсутствовали сложно выговариваемые для него буквы.

Юноша вышел из-за машины и быстрым шагом направился к девушке, которая при виде его начала улыбаться. Он ускорил шаг, чтобы Лия ненароком не увидела никого, кто прятался за прикрытой техникой.

- Я рад тебя видеть, - слёту сказал Томас, забирая у Лии инициативу в разговоре. Даже девушка опешила от такой резкости, но сразу в знак схожих эмоций обняла юношу.

- Ко мне приходил Нейт. Он сказал, что собирает новый отряд.

- Сейчас?

- Через два часа. Он уже ищет остальных.

Томас взял Лию под руку и отправился с ней к одной из бронемашин, на которой он надеялся, что они уедут на миссию. У Тома появилось несколько вопросов, которые он хотел бы задать Нейту. По его мнению, весь отряд нуждался в детальном инструктаже, чтобы не вышло никаких проблем, как было в прошлый раз.

Через несколько минут к машине подошли все участники собрания, делая вид, что тоже хотят принять участие в важной операции. Среди всей кучи бойцов отсутствовал Сайк, – он незаметно ушёл в свою каморку, где продолжил заниматься работой. Вскоре ко всем вышел Нейт в сопровождении с ещё одним юношей. Как только чернокожий мужчина увидел остальную часть отряда, то начал махать им рукой.

- А, мы то уже вас заждались! – Мужчина подошел поближе к машине и жестом руки прогнал пятерых лишних юношей. – А теперь садитесь.

Все погрузились в машину, и, сев на свои кресла, стали ждать, когда они наконец-то прибудут на нужное место. Когда машина отъехала от железных ворот бункера, и они скрылись за первыми руинами зданий, Томас решил поинтересоваться у Нейта планом операции.

- Какая у нас задача, дракон?

- Отец Оскар выяснил, что на территории городского рынка есть аванпост врагов. Площадь поисков огромная, а количество врагов неизвестно. – Нейт недовольно прищурился из-за упоминания старой клички. Она хоть и звучала солидно, но он считал её за ребячество.

- Какая суть операции? И почему ничего неизвестно? – удивлённо спросил Томас. Все остальные только молча наблюдали за их диалогом, не принимая ни малейшего участия в нём. Нейт двояко отнёсся к оживившемуся бойцу: то ли юнец пытался восстановить былой настрой и уважение в команде, то ли затеял какую-то игру.

- Суть: найти и уничтожить. Неизвестно только по тому, что на прошлую экспедицию в этом районе напали, и они были вынуждены в спешке вернуться.

- Откуда такая информация что там лагерь военных? Быть может, они просто были в такой же вылазке, как и мы, - добавил Адам, намекая, что ситуация с прошлой операцией, когда они ничего не нашли, может повториться.

- Тут можно поблагодарить отца Евгения. Он уточнял у мэра Граунд-Хилла о наших «друзьях», и узнал, что в ту местность никого не отправляют, так как оттуда никто не возвращался уже больше месяца.

- Будем надеяться, что мы станем первыми, кто вернётся. – Скай улыбался. Он был позитивен и хотел, чтобы никто из его друзей и коллег не боялся грядущей миссии.

- Тогда вот вам первый приказ – не умирать, - Нейт поддержал Ская.

- Так точно. – Все хором ответили своему командиру, кроме Джейка, который тихо и одобрительно кивнул. Лия же промолчала, ибо не уловила общего настроя.

После этого дружеского поднятия духа наступило неловкое молчание. Даже Скай ничего не мог придумать, что можно было сказать. Томас продолжал смотреть в амбразуру и пытался найти ориентиры, которые могли подсказать как близко они находятся к цели. Лия находилась недалеко от него и продолжала повторять за юношей. Их примеру последовал и Нейт.

- Мы приближаемся. План таков: наш броневик будет кружить всё время вокруг рынка, в нём останется водитель и Адам, на первом кругу все будут выходить по двое с каждой стороны. После высадки

разделяетесь и идёте вглубь. В итоге будет восемь групп. Предупреждаю, будьте осторожны, передвигайтесь медленно и бесшумно. Если вы встретите противника, то можете его устранить, но по-тихому. В других случаях дожидайтесь пока другие группы не пересекутся в середине, тогда мы выйдем к тому, кто не пришел. А там, будем работать по ситуации.

- Я хочу пойти с Томасом вдвоём! – громко сказала Лия. Ей сразу не понравилась мысль, что он будет один без её защиты, даже без защиты любого другого человека.

- Отставить! Нам нужна максимальная эффективность в этой операции. Мы устраиваем не просто разведку, а настоящую облаву на их аванпост. Твоя обязанность – придерживаться общего плана, и мы не потерпим, чтобы кто-то нарушал его целостность. – Нейт и Лия смотрели друг на друга, пытаясь отстоять своё положение, не желая подчиняться или идти на уступки.

Томас наблюдал за тем, что каждый из них сверлил взглядом другого. Ему казалось, что вот-вот и начнётся драка.

- Лия, пожалуйста, сделай так, как сказали. – Том положил руку на плечо девушки. Лия обернулась на него, и, её взгляд моментально изменился на нежный и понимающий, в нём даже читалось извинение за вспыльчивость. – Всё будет хорошо, мы в любом случае встретимся.

- Что ж… порядок выбирайте сами. Просто выходите из машины, когда настанет время. – Нейт встал со своего места и направился к кабине водителя. Облокотившись на заслонку, он посмотрел через небольшое смотровое окно. – Открывай.

Трап бронемашины начал опускаться, сам транспорт постепенно начал замедлять ход, пока его скорость не упала до скорости спокойно ходячего человека. Все посмотрели на открытую освещенную и пустую улицу. Повсюду на земле лежал мусор и ошмётки прошлой жизни.

Томас выпрыгнул из машины первым. Он впервые вышел во время движения и с трудом удержался на обеих ногах, чтобы не упасть. Лия начале идти следом за ним, но её остановил Нейт, крепко взявшись за её руку.

- Жди! Через метров десять выйдешь. – Нейт смотрел на улицу, выискивая нужные ему ориентиры. Высмотрев подходящее место, он жестом показал Лии, что та может также выступать.

Том наблюдал за всей картиной из-за угла. Недавний разговор о Лии его так смутил, что он не мог успокоиться, пока не увидел, что с девушкой всё в порядке. Когда она спрыгнула на землю, то быстро осмотрелась. Она продолжительно посмотрела в сторону, куда должен был войти Томас и направилась по своему пути. Юноша облегчённо вздохнул, хоть был и поздний вечер, света было уже недостаточно, чтобы Лия смогла увидеть прятавшегося Тома.

Юноша проходил по засоренным узким коридорам рынка. Он видел, как сильно отличается местная территория от того, что было в Граунд-Хилле, где все постройки были сделаны небрежно и на скорую руку. Местные строения выделялись грациозной архитектурой, её плоские и обшарпанные стены давили на разум больше, чем привычные стены подземного бункера. Хоть в убежище проходы были у́же в два – а то и три – раза, то на рынке для Томаса они казались более узкими.

Окна бывших магазинов и забегаловок были или разбиты, или завешены различными бумагами, кусками картона или тканью, некоторые и вовсе были закрашены в чёрный цвет. «Насколько долго люди смогли прожить в этих стенах?» - спрашивал себя Томас, уделяя достаточно времени на то, чтобы осматриваться по сторонам. Юношу остановила одна мысль, которая врезалась ему в голову так же быстро, как и происходили выстрелы из огнестрельного ружья. Он осознал то, что в очередной операции хромал инструктаж. Сколько времени дано пройти до центра рынка? Сколько будут ждать остальные? Томас выругался про себя. Он сделал это с облегчением, зная, что рядом не было Лии, которая легко бы начала интересоваться непонятным для неё словом. А может она и знала его; она могла его услышать среди своих подруг и матерей, или вообще от жителей Граунд-Хилла.

Томас перебирался через плотные залежи мусора, которые сладко напоминали о жизни до бункера, о тех днях в мрачных стенах детского приюта, о которых сейчас можно только тосковать. Кругом лежали пакеты и коробки из-под еды, иссохшие от времени, остатки пищи и пыль с грязью и песком. Где-то даже наблюдались скелеты одомашненных животных и птиц, которые искали себе дом и еду. Дальше по пути на стенах начали появляться граффити с рисунками и надписями. Некоторые из них являлись воспеваниями о том, что на

человечество грянуло возмездие. Кто-то проклинал затейщиков ужасной войны и дальнейшего вымирания всей человеческой расы.

На одни рисунки и надписи наносились другие, более новые. Там были записаны имена и профессии тех, кто хотел бы жить вечно, хоть даже в виде надписи на стене. Джеймс парикмахер. Эрик водитель. Том учитель. Последнее имя далось Томасу тяжело, он сравнил себя с тем Томом, который скорее всего погиб. Томас в своём роде тоже был учителем, по крайней мере таким он был для Лии и некоторых детей. Такие похожие имена, такие одинаковые судьбы. Томас уже не хотел, чтобы его называли Томом. Он не хотел, чтобы его называли именем мертвеца и решил внести свою долю на стену забытых. Юноша огляделся под собою и решил взять кусок обугленной древесины, как карандаш для своего послания.

«Томас». Он остановился. Кто он сам для себя? Учитель? Нет, он учитель для небольшого количества людей. Друг? Друзья есть у всех. Солдат? Нет, сейчас каждый сам себе солдат. Томас такой же, как и любой другой человек в этом ужасном мире, он имел со всеми одну судьбу и одни обязанности. Он ничем не выделяется от всех, кроме того, что он единственный знает о мёртвых на стене. Единственное послание, что Томас оставил на стене мертвецов, это несколько простых слов – «Томас, что будет помнить». От этих тяжёлых мыслей, что столько людей погибло, и столько же будет забыто, невольно начала кружиться голова.

Дальше, по дороге к центру, коридор между домами заграждала огромная гора мусора, на которую Томас смог залезть без проблем, но спускаясь он оступился и скатился кубарем, вызвав собою много громкого шума.

Вскочив на ноги после оплошности, Том забежал за ближайший угол, за которым спрятался и стал выжидать. Ему показалось, что прямо сейчас начнётся бой с противником, который понял, что на его территории есть нарушитель. Томас стал ждать любого звука или действия, он был готов к тому, что на него высунется противник совершенно из любого участка. Приходилось обдумывать всё быстро, нарастала паника, Том задыхался на ровном месте. Он представлял, что враг может высунуться даже из горы мусора, будто он и был этой горой мусора. Он представлял, что вот-вот выйдет противник и… Томас застыл. Даже воздух застрял в лёгких. Что он сделает с врагом?

Что он сделает с человеком? Будь там витумы, он смог бы выстрелить без промедления, но не в человека. Если одни глупы и примитивны на подобии животных, и тем самым отдаляют от себя привычное человеку сострадание, то сам человек умён, он творец мира и его правитель. Посмотрев в лицо любого человека, ты поймёшь, что ты такой же, как и он. Человек – хозяин и страж всего мира, но Томас может быть и хуже любого другого. Его противник может оказаться блестящим учёным, что работает над восстановлением цивилизации. А Том такой же человек, как и многие другие. Глупый, никчёмный, бесполезный.

Томас думал обо всём, он уже приготовился к тому, что на него нападут в самый неудобный момент, но ничего не произошло. В нескольких метрах пролетел полиэтиленовый пакет, что с порывом ветра взобрался на гору мусора и скрылся за ней. Томас вышел из-за угла и направился дальше по проходу. Мысли забрали все его силы, и он уже не мог осторожно обходить шумные алюминиевые банки и осколки стекла. Он брёл дальше, не обращая внимание на окружение, как лунатик в своих сонных оковах. Том начал пинать мусор. Издаваемый им шум стал настолько привычным и монотонным, что Томас не смог заметить того, как оказался на дороге не один. Ружьё юноши резко вздёрнулось вверх, мутными мыслями ему показалось, что оружие вырывает сильный порыв ветра, который резко прошелся по замусоренному коридору зданий. Но у ветра нет рук, однако чья-то рука все же тянулась из-за спины Томаса. Юноша обернулся. Он смог поймать долю секунды, чтобы разглядеть находящегося позади него человека в чёрной облегающей броне. этот солдат заносил кулак для удара в висок Тома.

Удара будто бы и не последовало. Том привык, что каждый удар нёс за собой волну боли, что разрывали место удара на части. Слабой она была или нет, эта боль всегда присутствовала, но не сейчас. Вокруг юноши царствовала тьма, он словно лежал на своей койке перед тем, как проснуться. Его глаза были закрыты, он явственно ощущал это, но никак не мог открыть их, даже после нескольких попыток. Чем сильнее он пытался сделать это, тем яснее становилось ощущение боли в правой стороне лица. Что-то случилось с ним, боль не могла прийти просто так, но Томас не мог вспомнить причину её появления.

Пытаясь хоть как-то пошевелиться, он ощутил себя в крепкой хватке, которая мешала ему в любых попытках произвести хоть малейшее движение. «Лия! Кто-нибудь!» - кричал он закрытым ртом. Даже такое простое движение было неподвластно ему, а все выходящие слова покидали разум в виде тяжёлого выдоха. Плечом он почувствовал чьё-то прикосновение, грубое, враждебное. Послышались странные звуки, разносившиеся словно за толстой стеной, но в то же время близко на расстоянии вытянутой руки. Они были неразборчивы, сложны в своей структуре и накладывались друг на друга, создавая скорее писк, нежели предложения и слова. Пытаясь разобрать звуки и понять их, сознание Томаса начало создавать голос Лии, добавляя ему расшифровку самих слов. «Лежи, лежи» - говорил привычный, нежный голос девушки, что уже не первый раз оберегает юношу.

- Подъём, просыпайся! – прозвучал резкий, грубый и хриплый голос человека, которого Томас не смог узнать.

Сразу после оглушительного крика, Томас ощутил, как его окотили водой с головы до ног. Холодная и чистая, она имела даже специфический запах, который говорил о том, насколько сильно она никем не использовалась. Это было неожиданно, быстро, полезно. Томас бы многое отдал за то, чтобы помыться в чистой воде, а не загрязнять себя ещё сильнее той, к которой привык в стенах бункера. Он уже было хотел открыть рот, чтобы поблагодарить своих похитителей, но ощущая, как вода стекала по его коже, охлаждая тело, посчитал это неэтичным.

- Проснулся? Говори теперь, кто ты такой, каким образом сюда попал и откуда? – Второй незнакомый голос приблизился к Томасу. Человек положил свою руку на голову юноши, которая были прикрыта холщовым мешком.

- Мы с вами враги, поэтому я ничего вам не скажу. – Томас сам от себя не ожидал, что будет спокоен во время похищения. Головная боль, о которой он думал, когда находился без сознания, начала царствовать там, куда, по всей вероятности, нанесли удар кулаком.

- Отвечаешь? Если мы тебе вырвем пару ногтей, то ты будешь петь такие серенады, что у нас уши завянут. – Солдат отклонился от Томаса и попытался шепотом задать своему товарищу вопрос, но

сделал это недостаточно тихо, из-за чего Томас всё расслышал. - У нас недавно были вооруженные стычки с другими людьми?

- Да, пять дней назад мы убили четырёх людей. Хотели ещё взять с собой косой и ржавый БТР, но потеряли в ходе перестрелки одного нашего. Ещё на протяжении пары дней шугали остальных, но тут без потерь. – Второй солдат не пытался спрятаться за шепотом, он говорил с умеренной громкостью, не опасаясь, что выдаст противнику лишнюю информацию.

Томаса никак не волновало происходящее. Он даже почему-то радовался тому, что с ним случилось. Хотя вся ситуация была настроена против него, он не знал куда попал, и, тем более, смогут ли его вызволить друзья. Он оказался в цепких лапах врага, что убил уже ни одного человека. Томас в любую секунду мог пополнить ряды погибших, навсегда попрощаться с Лией и остальными.

- Я вам не завидую, парни. Если *она* вас найдёт, то вы ни за что не выберитесь отсюда живыми. – Томас тихо посмеялся над собственной угрозой. Его позабавила картина, где связанный человек сидел на стуле с мешком на голове и угрожал тем, кто был сильнее и опаснее его самого. Он сам того не понимая, был опьянён спокойствием и уверенностью в том, что его спасут.

- Молчи! – раздался крик одного из солдат. Вместе с криком он ударил Тома по голове чем-то хрупким. Послышался шум разбившегося стекла. Они ударили Томаса по голове стеклянной банкой. – Придурок.

- Ну и вонь, - добавил второй.

После небольшого затишья бок Тома проткнули чем-то острым, длинным и тонким. Вслед за ней врезалось ещё несколько таких же предметов. Началась пытка, которую Томас не хотел встречать. Такие вещи он даже представить себе не мог. Он был наказан за своё самодовольство и слепую уверенность. Пару раз его ударили кулаком, сломали один палец, вырвали ноготь. Каждая минута тянулась словно час, каждый удар сердца длился так долго и отчётливо, будто всё происходящее никогда и не остановится. Всё повторялось по кругу: удары, ногти, пальцы, уколы. Происходило что-то странное, юноша предполагал, что у него должны были закончиться пальцы, которые ломали и ногти, которые вырывали, но боль снова и снова врезалась в тело, мучая и изнашивая организм, заставляя ныть сердце и бить

тревогу в мозг. Была ли эта боль с первой травмы или же садисты просто продолжали разрывать и без того повреждённые кости и сухожилия?

Это была не просто пытка, это было самое настоящее издевательство над человеческим телом и душой. Несколько раз Том умолял о паузе - это единственное, что он говорил своим мучителям, поэтому ему доставалось всё больше и больше. Никто не задавал вопросы, никто ничего не говорил. Казалось будто бы его палачи резко превратились в немые инструменты для пыток. С каждым новым ударом сердца (а Томас их насчитал не больше тридцати, когда секунд по его подсчёту прошло больше сотни), раны взрывались болью всё сильнее и сильнее. Стоило только досчитать до значительного числа прошедших секунд, как в голове всё путалось; пытка начиналась с самого начала, и начинался с нуля отсчёт, переломы и удары. Иногда наступали лёгкие облегчения, когда с Томасом ничего не делали, позволяли ему перевести дыхание и представить, что пытка закончилась или даже не начиналась, но вскоре всё возвращалось с новой силой. Кричал ли он? Уже не помниться. Быть может его горло разрывал мучительный крик, или и вовсе выходил едва слышимый стон. Силы покидали его, а может он и сам отрекался от них.

Попытки забыть своё существование и покинуть своё жалкое и бесполезное тело также казались безуспешными. Томас смеялся над судьбой за то, что он легко попался врагу, теперь судьба смеялась над ним в ответ. Он начал понимать, какого было Лии, когда она попала под гнев Кайла, как она страдала, мучилась под его тяжёлыми ударами. Ему сразу показались слова девушки ложью, то, что она говорила про Кайла, с самого начала. Теперь Том и сам хотел убить своих мучителей. Он станет таким же мучеником, какой была и она, так же будет ощущать боль, как все свои целые пальцы, так же ярко, каким ему слышится лёгкий шум ветра, каким ощущается сладкий запах пороха и сварки. Прохладные порывы воздуха щипали его по обнажённой коже на пальцах, создавая клеймо жертвы, слабого ягнёнка, который ступил на поле к волкам. Томас вспоминал Лию, вспоминал, как хорошо им было вместе, сколько прекрасных моментов она смогла внести в его жизнь. Но даже в таких умиротворённых паузах он ощущал нестерпимую боль, и ему казалось, будто бы сама девушка была её источником.

Круг мук был бесконечным, таким же бесконечным, как и надежды на спасение. Надежда рушилась с каждым новым ударом. И вот уже Том не сидит на стуле, а лежит на полу. Он подумал, что он всегда лежал на полу, стоило ему проснуться от ощущения холодной воды, стекающей по коже. Была ли сама пытка? Было ли похищение? Томас не знал. Только холод и твёрдый пол, темнота и отдалённый шум.

Где-то вдали действительно звучал необычный шум. Он сильно выделялся после многочасовых ударов, хруста костей и звука разорванных сухожилий. Это был топот, многозначительный, громкий и очень знакомый. Бежал словно сам ангел мщения, своей осторожной, но грозной походкой. Грохот. Один, за ним второй, пятый, двенадцатый. Один шум порождал другой, они множились и постоянно перемещались. Какие-то звуки давались с облегчающим блаженством, какие-то разрывали уши, заставляя стонать и плакать, скрючившись на полу в защитной позе. Ангел мщения ступал по земле грешников, с ним шла целая артель воителей. Они перекликались друг с другом знакомыми словами и голосами. Томас поднялся на ноги. Голой грудью он ощущал поток прохладного воздуха и нашел его источник, – он исходил от закрытой двери, об которую Том ударился, пытаясь подойти к ней вплотную.

- Лия, я здесь! – Томас начал кричать в импровизированное окно, надеясь, что лабиринт коридоров сможет донести его слабый, но переполненный отчаяния зов. – Лия!

Открыв рот шире, юноша захотел вложить все свои силы на новый, мощный и последний крик, чтобы быть точно уверенным в его успехе. Но его рот закрыли против воли. Тяжёлая рука обхватила рот Томаса, оставив только небольшую щель для воздуха, вторая рука садиста вцепилась в шею юноши, сжимая глотку.

- Никто тебя здесь не найдёт.

Глава 14. Лик врага

Лия стремительно пробиралась по сильно освященным подвальным помещениям. Они отличались от тех, в которых она привыкла находится, будучи в бункере. Они были более чистыми и светлыми, из стен не торчали старые провода и куски арматур. Она была свободной; она была на своей территории. Даже несмотря на то, что ей пришлось впервые оказалась в этом месте, она перемещалась проворно, параллельно выискивая глазами неугодных ей людей, что решились встать на пути. Огромный лабиринт всё никак не заканчивался. Лия успела пропустить мимо себя несколько развилок и дверей, но она чувствовала, что идёт в правильном направлении, так же как было и в Граунд-Хилле: она следовала за странной незримой нитью.

Следом за девушкой шла оставшаяся часть отряда. Они были менее возбуждены ситуацией, в которой оказались. Как никак они боялись того, что ступили на территории противника, о котором ничего не знали. Их продвижение отличалось скоростью и осторожностью, они по несколько раз проверяли каждую комнату и поворот, перед тем как продолжить путь. Они прислушивались ко всем звукам, параллельно пытались не совершить ошибку, которая могла стать роковой. Нейт был зол на Лию, – она убежала вперёд и бросила свой отряд. Её действия разворошили весь улей, который медленно стекался туда, откуда было больше шума.

Лию не устраивала стратегия темнокожего мужчины. Её злило решение Нейта и всех остальных. Для неё каждая секунда, что она бегает по коридору, давалась тяжело. Каждая эта секунда может стать последней для Томаса. По общим подсчётам, она насчитала пятерых убитых со своей стороны, ещё около десяти выстрелов звучали со стороны союзных бойцов. Она убивала тех, кому просто не повезло оказаться у неё на пути, и тех, кто решил испытать удачу в бою с ней.

- Томас! – кричала Лия.

Иногда случались моменты, когда она останавливалась на месте, пытаясь прислушаться к окружающим звукам или к своей интуиции. Даже в такие короткие моменты спокойствия, она продолжала нести

смерть. Кому-то доставались выстрелы в упор, кто-то получал несовместимые с жизнью удары ножом. Даже лишённое большей части лезвия оружие ближнего боя продолжало нести гнев девушки.

Лия мчалась дальше по коридору, надеясь, что она не опоздает, что она идёт в правильном направлении. Она проклянёт всю группу, если окажется, что из-за их нерасторопности Томас не вернётся домой живым. Она не побоится высказать им всё, и, продемонстрировать им свою злобу. Созданный ею хаос был её собственным прикрытием и минным полем. Она шумела вместе со всеми, особенно с теми, кто в панике брался за оружие для самозащиты. Свободный быстрый топот служил ей приманкой и маскировкой для незадачливых солдат, когда те думали, что рядом с ними их товарищ. Они спокойно выходили на неё, но вместо встречи друга встречали смерть. Больше всего этих людей манили выстрелы из дальней части лабиринта со стороны одного из входов в подземные тоннели техобслуживания рынка. Члены «Кодар» верили, что именно там и есть противник. Лучшей приманки Лия и не могла ожидать.

Мельком Лия заглядывала в открытые комнаты, надеясь увидеть Томаса или что-то, что могло принадлежать ему. Она думала, что давно могла легко пропустить нужную комнату, но слабо верила в это. «Чтоб ты сдох, Нейт» - бормотала про себя девушка. Она всем сердцем возненавидела этого человека за его глупые приказы, за его нелепый план и за то, что именно из-за него Том уговорил Лию повиноваться. Ведь она забила тревогу и начала волноваться о нём именно тогда, когда пришла четвёртой к месту сбора и не нашла там Томаса, который должен был прийти одним из первых, поскольку первым и вышел из машины.

Лия не позволит жить тем, кто задумал против неё что-то плохое, тем, кто планирует что-то против Томаса. Она не жалеет, что прикончила Джейка, когда тот дождался её в одном из затемнённых поворотов между зданиями. Ей плевать, что тот вздумал убить её, ничего при этом не объяснив, ничего не сказав. Он сам выбрал действия вместо слов. У него был здоровенный хороший нож, но он проигрывал в мобильности и ловкости, теперь он лежит среди прочего мусора в луже воды и крови. «Они все планируют что-то, они все хотят навредить», - с такой мыслью Лия разрезала шею одного из невезучих бойцов.

Она ненавидела себя за то, что не сбежала сразу после нападения Джейка к Томасу, и, не сказала ему всё, о чём думает; не уговорила его убежать прочь от всех остальных. Она осталась верной его мысли, верной ему, но она не может предать его, ни за что. Ведь они вместе являются одним целым, как рукоять и лезвие, как тело и чувства.

Лия остановилась. Она услышала крик Томаса, который эхом пришёл откуда-то издали. Лия правильно выбрала дорогу.

Боль, мысли и чувства заставляли бурлить её кровь, она ощущала небывалый прилив сил, впервые её реакция ко всему окружению возвысилась до совершенства. Стоило услышать только лёгкий шорох, как она сразу поняла, кто стоит за дверью перед ней. Она была опьянена всем царящим вокруг, её главная цель была неописуемой и бесценной наградой. Её ждал Томас, который сможет её обнять несмотря ни на что. Он утешит Лию, поймёт и защитит. Он согреет её, когда ей будет холодно, составит компанию, когда той будет одиноко, подаст руку, когда той будет тяжело. Лия не пожалеет никого и ничего ради Томаса.

Лия не побоялась остаться одной в том полуразрушенном здании, откуда потом вышел один из похитителей. Как только к месту встречи после долгого ожидания не пришло двое, вся группа разделилась на поиски. Лия пошла сразу к Тому. Никого так и не нашли, от Томаса осталось только пару капель крови на земле, но Лия знала, что он где-то поблизости. Джейк лежал в тёмном переулке под картонными коробками. Лия даже удивилась, что его никто и не нашел. Когда Нейт захотел свернуть всю операцию и вернуться в бункер с поражением, она отказалась. Она решила вернуть Томаса любой ценой, и стала выжидать. Это было больно, долго и тяжело. Тогда она осталась одна, а все остальные исчезли. Лия считала, что они уехали обратно и бросили её на произвол судьбы, бросили даже Тома – их друга. Но судьба благословила Лию, она заметила похитителя, что вылез из-под люка в полу дома. Она не позволила прожить ему хоть минуту дольше, и, тут как тут, сразу прибыли остальные. Они были удивлены, напуганы, но им хватило смелости спуститься вслед за девушкой вниз.

- Лия!

Раздался очередной крик Томаса. Лия поняла, что пробежала нужный поворот. Хоть и не сразу, но она определила, что эхо пришло позади неё. Она развернулась и была готова бежать в

противоположную сторону, как её ударили в бок. Пока она медлила и думала, отвлекшись на столь приятный для ушей голос, кто-то выскочил из-за дверного проёма и напал на девушку. Нападавший оказался слаб, девушка ударом сломала ногу своему противнику и выстрелила ему в незащищённое лицо. Дела начинают складываться не лучшим образом. Если Лия продолжит в том же духе, то она не сможет дойти до Томаса целой.

Лия начала бежать в обратную сторону, как резко перед ней закрылась дверь. Лия врезалась в железную поверхность и попыталась выбить её плечом. Дверь не поддалась, даже не приоткрылась хоть на миллиметр. Удар ногой, ещё один, ничего не вышло. Сзади раздался скрип. Лия обернулась и увидела, как на неё несётся другая дверь. Кто-то снял её с петель и использовал словно щит-таран. Это оружие становилась всё ближе и ближе, Лия нацелилась винтовкой на несущуюся на неё преграду и начала вести беглый огонь. Все выстрелы оставляли за собой только следы, неспособные пробить металл насквозь. Сильный удар прошелся по всему телу, девушка отлетела назад и спиной встретилась с другой преградой. Первая дверь неожиданно распахнулась и человек за ней нанёс удар чем-то острым прямо в шею девушки. От удара Лия пошатнулась и рухнула на колени. Голова начала кружится, к горлу начало подступать содержимое желудка. В следующее мгновение голова Лии соприкоснулась с каменным полом.

Падение было не долгим. Лия открыла глаза, лёжа на холодном полу. Она не ощущала никакой боли, словно её никуда и не бросали, никуда не били. Лия поднялась и чуть ли не упала обратно вниз. Её ноги подкашивались, а голова кружилась. С ней действительно что-то случилось, но никого вокруг не было, ни друзей, ни врагов. В коридорах царила полная тишина, повсюду чувствовался запах крови и пороха. Лия облокотилась спиной о стену и попыталась прийти в себя. Мысли путались и не могли собраться, чтобы хоть как-то среагировать на происходящее, в животе царило ощущение пустоты и потери. Желудок жалобно урчал, а во рту был странный кисловато-горький привкус. Бой прекратился, всё вокруг кричало об этом. Не было ничьих голосов, грохотов от выстрелов, шума ног. Была лишь совершенно идеальная тишина.

Неужели её бросили? Бросили Томаса? «Может, они спасли его и сбежали?» - понадеялась про себя Лия. Ей было тяжело подняться на ноги и удержать равновесие, в начале даже пришлось ползком пробраться дальше по коридору. Через несколько минут она смогла встать. Списав всё на переутомление из-за боя и похищения Томаса, она направилась к своей цели, туда, откуда слышала его. Хотя Лия и подняла своё оружие, ей казалось, что сейчас она не способна пользоваться им. Она не простит себе, если не проверит все помещения, и окажется что его так никто и не спасал.

Прошло ещё несколько минут утомительного похода по незнакомым коридорам. Лия так никого и не нашла. Ей начало казаться, что она осталась совершенно одной в этом месте. Чем дальше она отходила от точки, с которой продолжила свой путь, тем внимательней осматривала коридоры и помещения. Вскоре спустя ни один десяток дверей, Лия нашла ту, за которой был Томас. Юноша сидел в центре небольшой комнаты на металлическом стуле. Он свободно и одиноко восседал на своём троне, грустно смотря куда-то в пол.

- Томас! – Лия открыла дверь и вбежала в комнату к юноше.

Он молчал.

- Томас!.. – Лия заметно тише повторила имя юноши. Она подошла в упор к нему и заметила, что он без сознания.

Девушка осторожно осмотрела его. Лия была рада тому, что тот был жив и невредим. Она осторожно погладила его по волосам и обняла. Лия выражала переполняющие её странные чувства так, как умела, так, как считала правильным. Этот простой жест доказывал её доверие, привязанность и желание защитить юношу. Её сердце билось быстро, казалось, что вот-вот и, оно выскочит из груди. Девушке уже было всё безразлично, потому что она была рядом с Томасом, хоть даже если случиться что-то ужасное, она будет спокойной, будет сильной, но только рядом с ним. Вместе они одно целое, эталон гармонии. Они были столь разными, но так сильно похожи. К глазам начали подступать слёзы. Это была самая искренняя радость. Лия никак не могла найти себе места, не могла думать ни о чём другом, кроме того, как вызволить Томаса. Теперь и то, что их бросили не имеет значение.

Со стороны юноши послышался резкий вдох. Он словно очнулся от продолжительного кошмара, и, был выброшен обратно в суровую реальность. Лия перепугалась. Могла ли она стать причиной этой реакции? Может быть, его напугало что-то другое? Сердце девушки сжалось в страхе оттого, что с Томасом случилось что-то неизвестное. Такое неприятное, но столь же и прекрасное чувство в груди.

- Убей их всех, - тихо прошептал Томас.

- Кого? Здесь никого нет, - успокаивала его девушка.

- Они хотят убить нас. Убей их всех.

Лия подняла голову Тома, чтобы привести его в чувства, но никак не могла привлечь его внимание. Она соприкоснулась с ним лбом, так она измерила его температуру и очередной раз показала, что рядом. Юноша был сломлен, его глаза были пустыми и безжизненными.

Со стороны двери послышался топот. Лия обернулась, готовясь встретить неприятеля, который решил показаться спустя долгое время блужданий по местным коридорам. За порогом показалась фигура Нейта, он удивлённо смотрел на Лию и Томаса, но после нескольких секунд нарушил молчание.

- Лия? Мы покидаем это место, вы тоже уходите!

После этих слов, мужчина скрылся обратно в коридоре. Послышалось, как он бежит прочь, постепенно набирая скорость. Лия поднялась, она взяла Томаса за руку и, они пошли вслед за Нейтом. Том передвигался вяло, он хоть и пытался поспевать вслед за девушкой, но ощущал себя тряпичной куклой, как маленький ребёнок, который неуверенно идёт на поводу взрослого, не зная куда его ведут. Странное чувство страха поглотило девушку, её будто что-то преследовало, что-то, чего она не знает. Обернувшись через плечо, она ничего не увидела, но самочувствие Томаса, поведение Нейта, его одиночество и бегство, окружающая пустота, в сумме давали таинственную атмосферу ужаса и напряжения.

Лия бежала вслед за Нейтом, продолжая опасаться неизвестности. Она иногда теряла мужчину из виду, иногда видела его исчезающий силуэт за углом в другой коридор. Вскоре она начала узнавать помещения, по которым ранее прокладывала с боем дорогу. Уверенно ускорив шаг, она добралась до лестницы на поверхность. Нейт не дождавшись девушки с Томасом помчался к бронетранспортёру. Лия пыталась не отставать от него, и вместе они зашли в машину.

Ничего в транспорте не изменилось, всё выглядело совершенно обыденно, кроме того, что все присутствующие члены группы выглядели вполне спокойными и бодрыми, будто их за последнее время не поглощал страх возможной смерти, будто они и не спускались в лабиринт подземных коридоров за Томасом. Они выглядели опрятно, добродушно, но как-то необычно. Лия усадила Тома на сидение, поскольку тот не смог это сделать самостоятельно. Даже после того, как машина начала своё движение, он не торопился что-либо предпринять.

В кругу друзей Томас также не высказывал никакого интереса к окружающим, он даже не осматривал всех рядом сидящих друзей. Лию пугал Том, но другие были такими же равнодушными, как и сам юноша. «Что с ними случилось?» - спросила сама себя Лия. Они все рисковали жизнями ради спасения Тома, хотя были уже готовы вернуться, словно трусы, обратно в родной бункер, а сейчас они просто сидят. Они даже не задают вопросы, не смотрят на Томаса с радостью или сочувствием, просто пустота во взгляде. Холод и безразличие.

Лия ощупала себя, она подумала, что может у неё ужасная рана, которая утопила всех в унынии, но нет, она цела. Ей никак не давалось понять причины происходящего. Она понимала, что сейчас одна сидит среди всех остальных будучи не поддавшейся под общее настроение. Даже Адама коснулась эта чума. Он продолжал оставаться в машине во время общего нападения, но и это его не спасло. Всё было другим, не таким как прежде. Даже машина вместо плавного маневрирования мимо обломков и спокойной езды по дорогам, не стеснялась наезжать то на свалившуюся гору мусора, то на обломки зданий, хотя водитель даже никуда не спешил.

Машина начала замедляться. Она это сделала не медленно, как обычно, а резко остановилась, из-за чего Лию отбросило в сторону.

- Что-то случилось, - проговорил Нейт себе под нос. Он не выглядел возбуждённым или напуганным случившемся, оставаясь так же безразличным, как и с самого начала поездки. – Надо проверить.

Трап опустился, улица за ним была настолько тёмная, что даже тусклая, но достаточно мощная лампочка в бронемашине, не могла осветить и миллиметра за её пределами. Это выглядело так, будто

освещённый трап открылся над бездонной пропастью, шагнув куда можно навсегда исчезнуть.

Поднялись трое людей, среди них был и Адам. Они медленно вышли по трапу наружу, их фигуры были освещены лампой, но никак не земля под ногами. Они будто шли по самой черноте. Встав снаружи, они начали ждать, не осматриваясь по сторонам в поиске опасности или причины остановки. Они просто смотрели в пустоту, на которой стояли.

- Сделай это, - сказал Нейт, посмотрев на Лию после небольшого затишья.

От этих слов по коже пробежали мурашки. Ей приказали таким же мёртвым тоном, каким Нейт говорил и остальные фразы. Дополнительно к этому её напрягало то, что она до сих пор не увидела хоть кусочка земли снаружи. Несмотря на то, что люди стояли на чём-то твёрдом, Лия сильно сомневалась в существовании земли. Весь этот страх толпился вокруг неё, но хуже было ощущать себя среди всех этих поникших мужчин, которые вели себя идентично окружающим, даже Томас. Хуже было смотреть именно на него, с осознанием того, что, Лия не сможет помочь ему.

Лия поднялась и начала выходить по трапу наружу, и, у самого края она застыла. Что-то кричало ей, что это опасно, что она провалится в никуда, и никто даже не сможет протянуть ей руку помощи. Лия сделала шаг вперёд. Под ногами она ощутила землю. Она была так же привычно твёрдой, как и всегда. Юноши начали обходить машину, но приближаясь к носовой части, начали поворачивать в другую сторону. Лия пошла за ними, надеясь, что те что-то заметили, так как она по-прежнему ничего не могла увидеть вокруг машины кроме одного сплошного чёрного пятна. Она протёрла свои глаза, думая, что в них что-то попало, что мешало ей здраво видеть окружающий мир, но даже после этого она оказалась слепой ко всему вокруг.

Девушка пошла вслед за Адамом, которого более-менее хорошо знала, и чем дальше они отдалялись от их изначальной отправной точки, тем сильнее что-то начало её тревожить. Тревожные мысли были не единственным что нахлынуло на неё: вернулось странное ощущение тошноты и головной боли. Казалось, будто отдаление от Томаса или машины, может даже более сильное углубление в тёмную

бездну, было болезненным. Что-то происходило с Лией и, она никак не могла дать этому объяснение. Ноги подкосились, и она упала на колени.

- Помогите… - прохрипела Лия. Она хотела выкрикнуть это слово, ибо её товарищи отдалились от неё, но ничего не вышло, только очень тихий хрип. Юноши уходили дальше в темноту, пока полностью не исчезли из виду.

- Помогите, - повторила Лия, обернувшись назад к машине.

Живот начало скручивать, создавалось ощущение, будто желудок начал жить самостоятельно, и первое что он решил – сбежать. В теле началось странное и пугающее движение, все остальные части девушки пульсировали вместе с сердцем и лихорадили. Лия начала чувствовать странный холод, которые не чувствовала раньше, особенно когда вышла из машины. Она поднялась на ноги, но оступившись рухнула вниз. При приземлении, она ощутила на себе всю боль от столкновения с темнотой. Лия могла представить, что так она упала словно на груду острых камней.

Под самыми глазами, в миллиметрах от лица, она слабо видела очертания земли: маленькие камни, разбитые стёкла, осколки стали и прочий мусор. На периферии своего зрения она заметила исчезающие в ночи толстые колёса большой машины. Собственные ноги не слушались, она перестала чувствовать даже пальцы на руках. С ней что-то происходило, она не понимала почему, даже не понимала, зачем её оставили здесь одну. Она страдала, мёрзла, терпела боль, что обволакивала всю её с ног до головы. Мозг играл с ней злую шутку, он воссоздавал образы того, чего сейчас была лишена девушка. Лия видела Дарью, которая сидела на тёмном пятне и радостно беседовала с Кайлом. Хоть мозг и пытался обмануть свою хозяйку, но ощущение дискомфорта и боли поддерживали в девушке рассудок. Даже воздух, что прохладой проходил по телу, обжигал горло и лёгкие. Он проходил внутрь и сжимался комком. Казалось, что проще будет не дышать и погибнуть, нежели мучиться с этим ужасом в груди.

С каждым морганием, которые Лия повторяла из раза в раз, чтобы отвлечься, картина окружения становилась всё чётче и чётче. Вот Лия уже видела освещённую светло-синим светом площадь вокруг себя. Это был разрушенный двухэтажный дом. Выше девушки виднелась крыша, крепко держащаяся за стальную балку. На самой вершине, куда

только могли заглянуть глаза девушки, виднелся белый шар с серыми пятнами, размером с глаз. Сама же Лия лицом лежала в коктейле из дождевой воды и рвоты, которая скорее всего ей и принадлежала. Вокруг царила полная тишина, которая смогла поглотить даже звук идущего дождя.

Вода морозила Лию, из-за чего та перестала ощущать хоть крупицу собственного тела, камни под ней вцепились в пластины брони словно когти – каждый вдох и выдох ощущался тем, что эти «когти» резали сталь, пытаясь добраться до нежной кожи. Насколько бы не выглядело всё положение крайне плачевным, Лия медленно ощущала, как силы возвращались к ней. Оставались только слабое головокружение и путаница мыслей. Лия начала подниматься на ноги, но это было тяжело. Ей казалось будто она сама и является той стальной балкой, которая с трудом держит остатки крыши. Ей пришлось упасть вниз не один раз, но пытаясь работать дрожащими руками, ей удалось встать.

Только поднявшись, Лия смогла полностью осмотреться там, где она находилась в данный момент. Это был небольшой район жилых домов, полностью незнакомый для девушки. Другие здания отзывались бликами от лунного света, их очертания едва были видны на фоне более тёмных объектов за ними. Лия никогда здесь не была, она не смогла узнать эту местность. «Они бросили меня, оставили здесь умирать» - опечаленно осознала девушка. Она грустно смотрела вдаль, не зная, как ей поступить, не зная, что ей думать. Лия была совершенно одна. Никого не было рядом, кто смог бы выслушать её горе, кто мог бы защитить её. Даже Томас исчез, оставшись в чреве машины.

«Я должна вернуться, хотя бы ради него»

Лия пошла прямо туда, куда глядели её глаза. Она шла слепо в неизвестность в окружающей полутьме. Единственный светоч надежды, что она имела при себе, так это мысль о том, что она встретит Томаса, а дальше всё остальное будет неважно. «Он там один. Наверное, даже из-за своего тяжкого состояние и не заметил того, как я не вернулась. Но только я смогу помочь ему, и я нужна ему…», - с такими мыслями Лия продолжила путь.

Вскоре удача улыбнулась ей, она начала замечать очертания знакомых зданий и дальних холмов, которые она не раз видела через

амбразуру. Действительно, по этой дороге они не раз переезжали от одного места к другому. Если она выберет правильное направление, то очень скоро дойдёт до убежища, где её будет ждать Том. У неё нет шанса на ошибку, поэтому, недолго постояв у дороги, она пошла туда, куда посчитала правильным.

Никогда Лия не ступала совершенно одной на открытой местности этого города. Она много раз слышала от Тома, что опасно находится в одиночестве без защиты, стоя на самом видном месте. Лия нарушила все эти простые правила для выживания, – она брела среди мусора и камней, не представляя того, что за соседним поворотом может скрываться опасность; она рисковала всем, но чувствовала, что её поступок оправдывает цель. Ни своим, ни чужим она сейчас не была интересна, была не нужна. Это было ужасно, это было самое настоящее одиночество.

Время шло, и девушка начала замечать, как вдалеке показались большие железные ворота. Что-то подсказывало Лии, что это то, что нужно. Ускорив шаг, она быстро достигла этих ворот и начала стучаться в них. Каждый удар эхом раздавался по обе стороны от гиганта, привлекая внимание друзей и врагов. Каждый последующий удар мог стать последним. Лия часто оглядывалась назад, надеясь, что не вызовет того, кого не стоит вызывать.

- Кто *здесь*?! – По другую сторону гиганта раздался резкий и испуганный голос. Кто-то в спешке прибежал к воротам, и в панике задал незнакомцу вопрос. Дозорный по голосу был удивлён и напуган. Возможно, никто и не ожидал того, что кто-то придёт к бункеру пешим ходом, отсюда и был вызван страх.

- Это я, Лия! – крикнула девушка, не думая о том, что ещё сильнее могла привлечь к себе ненужное внимание со стороны.

Дозорный молчал, и, даже не было звука того, как он начинает открывать ворота. Он будто специально ничего не делал, надеясь, что девушка замолчит. Лия испугалась, что она не войдёт внутрь безопасного бункера, не будет спасена от невиданных опасностей, бродящих в полной темноте. Она сделала всё, что от неё зависело. Обернувшись, она уже приготовилась к тому, чтобы быть растерзанной жуткими монстрами прямо на пороге своего дома. Даже сам воздух стал более зловещим, сильнее обжигая горло и лёгкие. Тёмные пятна на земле от топлива казались пятнами крови. Лежащие вдалеке палки и

прутья казались частями человеческих тел. Всё кричало о том, что возвращение домой медленно превращается в похороны.

Позади Лии послышался тяжёлый и спасительный треск и визг старых деталей. Открывались ворота, и Лия была этому рада. Она почувствовала прилив сил, и уже сама начала толкать гиганта чтобы тот открылся ещё быстрее. Страх перед смертью испарился так же молниеносно, как и возрос. Огромная дверь открылась, но Лия просочилась через маленький зазор сразу же, когда только появилась такая возможность. Ветер прошел сквозь образовавшийся проём зловещим завыванием словно хищник, лишенный своей жертвы.

- Что ты там делала *одна*? – удивлённо спросил дозорный у Лии.

- Возвращалась обратно.

Лия не стала задерживаться у входа и направилась внутрь бункера. Она впервые шла по длинному закруглённому тоннелю к ангару, который вне машины казался ужасно длинным и пустым. В ангаре стояли все пять бронемашин, вокруг которых крутились инженеры. Некоторые из них трудились у верстаков по восстановлению брони, оружий и созданию патронов.

Лия свободно шла между всеми, никто не обращал на неё внимания, будто её просто не было. В коридоре она была более заметной для местных жителей. Все смотрели на неё с привычным страхом, уважением и большим удивлением. «Никто не ожидал того, что я вернусь» - думала девушка. Сворачивая из коридора в коридор, она не увидела никого кто участвовал с ней в последней операции. Некоторые знакомые ей комнаты, где могли быть одни из друзей Тома, так же пустовали, как и некоторые коридоры. В одной из них она встретила Адама.

- Лия? – удивлённо вскрикнул Адам. – Ты вернулась!

На его лице была заметна радость, что сильно смутила и удивила Лию, которая ожидала такого же холода и безразличия, которые она наблюдала в бронемашине. Глаза Адама блистали – он действительно был рад видеть девушку. Даже пытаясь подавить улыбку, он не смог убрать её со своего лица.

- Где Томас? – Лия проигнорировала столь приятную встречу со стороны друга Тома, хоть и чувствовала лёгкое и приятное смущение.

- Он… - Адам запнулся, у него в лёгкую слетела застывшая на лице улыбка. Он убрал взгляд с глаз Лии и уставился куда-то в пол. Его

лицо полностью переменилось с радостного на угрюмое и опечаленное. – Он сбежал. Узнал, что ты не вернулась и осталась там, впал в уныние, но потом вырвал пистолет из кобуры Ская и потребовал остановить машину. Он пошел назад к тебе.

Лия впала в ступор. Она не знала, что и думать, как реагировать на это. Ей казалось, что, находясь рядом со своими товарищами и друзьями Томас будет в безопасности, но даже так, они позволили ему уйти. К тому же по словам Адама, Том показал сильную активность, что на корню противоречило его состоянию во время отбытия машины. А как же то, что Адам сам покинул транспорт вместе с Лией, а вернувшись, никто даже не стал её искать?

Адам печально смотрел на Лию. В его взгляде читалось извинение и искренность. Он мялся на месте и не знал, что ему сделать, чтобы девушка почувствовала себя лучше.

- Он пошел искать тебя, и скорее всего вернётся назад. – Адам попробовал исправить положение, подарить девушке надежду, но она никак не отреагировала на его слова.

Лия сжала кулаки, из её глаз ручьём начали идти слёзы, которые она не смогла контролировать. Она ощущала, что умирала изнутри, как что-то ценное и важное забрали у неё. Она лишилась всего что имела, всё чем дорожила. Весь мир, который для неё имел огромную палитру красок резко превратился в сплошную ночь. Этот мир подарил девушке новые ощущения, знания, чувства, и забрал всё, что так недавно великодушно дарил. Не будет счастья, не будет и будущего; останется только боль и смерть. Все ценности для Лии обратились в прах, все надежды стали дешевле грязи. Она знала, кого в этом винить, знала кто должен ответить за это. Она подарит Томасу то, что не смог бы подарить он ей – месть.

Лия вышла из комнаты Адама, проигнорировав его попытки остановить её. Все, кто застал её в коридоре испуганно прятались, вспоминая минуты, когда совершенно недавно девушка с таким же грозным видом шла по коридору, верша кровавую расправу. Она держала путь по хорошо знакомым помещениям, пока наконец-то не достигла нужного места.

Сидящий за своим рабочим столом врач радостно встретил девушку кивком. Он зауважал и полюбил её, не только как ученицу, но, как и товарища. Лия также проигнорировала мужчину, повторив то,

что ранее сделала с Адамом. Она смотрела только на то, что ей нужно было для исполнения её прихоти. Взявшись рукой за рукоять знакомого топора, она ощутила на своём плече тяжёлую руку учителя. Она медленно повернулась к нему, а он с ошеломлением смотрел прямо на неё.

- Лия, что с твоими глазами?

Глава 15.1 Багровый круговорот (Воссоединение)

15.1 Воссоединение

Прошло уже больше часа, как Томас стоял, спрятавшись за каменным углом одного из зданий. Он с большим трудом вернулся обратно к месту своего похищения. Хотя его частично и сковывал страх перед повторной поимкой и пытками, ещё больше его пугало то, что он мог оставить Лию в беде. Ведь она, по словам Нейта и остальных, рисковала своей жизнью, чтобы спасти его самого. Она, конечно, оторвалась от всех и умчалась куда-то вперёд, но созданная ею паника помогла отряду отвоевать Тома. С самого входа под землю никто её так и не видел. Однако не только мысли мешали Томасу как-то действовать и планировать следующие шаги – все его тело было настоящим местом побоища: тут и там то разгорались, то затухали болезненные огни. Однако сдаваться и залечивать себя было поздно. Следующая передышка будет только тогда, когда он найдёт Лию. Вот уже около десяти минут из люка в полу здания выходят одетые в тяжёлую броню солдаты и небрежно бросают тела убитых на землю. В кромешной тьме, царящей вокруг, было невозможно разглядеть их лица. Периодически они останавливались и осматривали местность, но ни разу не смогли заметить Томаса.

- Это был последний. – Из люка в середине бывшего магазина одежды высунулась голова солдата. – Заканчивай и валим отсюда.

- Что теперь нам делать? – спросил у товарища запыхавшийся грузчик.

- Видать нам тут не рады. Радист сообщил об этом в штаб, и, нам поступил приказ сворачивать удочки и возвращаться. Предупредили также, чтобы ничего с собой лишнего не было.

- Жаль. Что по потерям?

- Семнадцать погибших с нашей стороны, ещё пятеро ранены. Трое погибших со стороны противника, остальные предположительно ранены. Ещё они забрали с собой заложника.

- Чёрт, тот пацан так и не раскололся. – Пнув алюминиевую банку в сторону Томаса, грузчик развернулся к люку и скрылся в нём.

Напоминания о пытке только усилило боль, что до сих пор раздирало юношу изнутри. Сразу после того, как проход вниз закрылся, Том вышел из-за укрытия и медленно направился к скопищу тел. Он начал всматриваться в лица покойников, надеясь, что не найдёт среди них Лию. Освещение было никудышным, но Томас, с большим трудом, справлялся. Он находил много погибших со стороны военных, но никого, со своей. Он точно знал, что с операции не вернулось пять человек, в том числе Джейк с Лией. Через несколько минут безуспешного поиска, он нашел всех покойных, кроме этих двух. «Плохо дело. Если Джейк останется один на один с Лией, то… Надеюсь, ничего плохого не случится».

Томас поднялся на ноги. Он всмотрелся в сторону спуска во вражескую базу. В голове промелькнула мысль, что Лия и Джейк могли быть в плену, но Томас один, и ничего не сможет сделать, а лишь умрёт здесь, как и многие другие. Юноша развернулся в сторону улицы и вышел. Выбравшись на открытую и уже знакомую дорогу, он, прячась за машинами и руинами зданий, начал медленно идти обратно к бункеру. «А вдруг… они не попали в плен. Лия ни за что не позволит схватить себя, и точно не попадёт в ловушку. А Джейк сильнее быка. Стоит вернутся обратно в то место, но для этого мне потребуется подкрепление». Том направился домой, чтобы рассказать всё что успел узнать. Он будет готов возглавить операцию по захвату рынка и всех оставшихся вещей военных. «Я точно не в состоянии сражаться с ними в одиночку. Будет лучше, если со мной пойдут и другие».

Параллельно размышлениям об общей ситуации и представления плана на будущее, Томас периодически переходил дорогу с одних сторон улиц на другие, которые считал более безопасными и затемнёнными. Ему не впервой гулять по городу ночью, и он хорошо знал, что темнота куда больше друг, чем враг. Он специально запугал Лию, чтобы та не рисковала головой. Хотя, учитывая её нрав, рано или поздно, она бы решилась на такую авантюру без необходимости. Томас пробирался к убежищу не прямой дорогой; он делал огромный крюк, чтобы обойти опасный, по его памяти, участок, чтобы был больший шанс вернутся живым и здоровым.

Где-то сбоку послышался незнакомый шум. Том спрятался за ржавой машиной и достал единственный пистолет, что имел при себе. За все десять лет прогулок по улицам он хорошо помнил и знал многие

звуки мёртвого города: рёв изменённых дизельных двигателей своего бункера, ржавый скрежет механических колесниц на педалях и роторно-поршневые двигатели Граунд-Хилла, обычный шум упавших камней, рык сборщиков или мясников, лай собак, скрежет оседающих стальных конструкций, гулы ветров и всего остального коктейля звуков мёртвого города.

Звук, который сейчас доносился до ушей Томаса казался каким-то сказочным и необычным. Он воссоздавал картину из воспоминаний со звуками ещё живого города. В юноше проснулось старое ощущение, когда в детдоме он впервые оказался на своём первом празднике. Смешанное чувство удивления, страха и любопытства. В разрушенном мире любопытство – самое опасное что может испытывать человек. Зачастую любознательность приводила к смерти. Томас поборол всё желание хотя бы взглянуть на то, что издавало эти звуки. Механические звуки намекали на машину, но в то же время, это мог быть и новый вид витумов, какие-нибудь большие и страшные, модифицированные техникой и сложными механизмами. Рёв прошел мимо него, и вскоре испарился в полной тишине ночного города.

«Может это машина военных?» - подумал Томас, продолжая свой путь к убежищу. Ему казалось, что он уже на подходе, но, в который раз, стоило взглянуть вдаль дороги, как он понимал, насколько долгий предстоит ему путь. Ещё несколько раз Тому приходилось прятаться за мусором и стенами, когда ему слышались различные поскрипывания или шепотки откуда-то из глубин зданий. В начале Томас пытался отсчитывать у себя в голове минуты, чтобы засечь время, которое он тратит в пути. Потом он следил за тем, как медленно плывёт высоко над ним лунный диск.

Вступив на знакомый склон, Том понял, что находится почти на пороге своего дома. Каких-то десять минут оставались до знакомых стен и коридоров. Он слегка ошибся в своих координатах и подходил к бункеру сбоку, вместо того, чтобы идти прямо по дороге к его главному входу, но более безопасно пройти через небольшой безжизненный участок леса, нежели через заселённые чудищами дома. Вдали послышался уже знакомый звук двигателей бронемашин. «Удачи вам» - подумал Томас, догадываясь, что кто-то отправился на одну из операций. «Надеюсь, что они не за мной» - добавил он, прибавив к ненавязчивой мысли хитрую улыбку, представляя

грустные, и, в то же время, радостные лица ребят, что вернутся с безуспешной операции и увидят Тома в бункере. На подходе к вершине холма, Томас начал замечать свечение утренней зари на горизонте.

Когда Томас без проблем добрался до ворот в бункер, он заметил, что те были открыты на распашку (более чем было необходимо, чтобы проехала одна машина). Его удивило это, ведь рядом даже не было дозорного, чтобы он следил за территорией перед воротами. Чутьё подсказывало Тому самое нехорошее событие, приведшее к этой картине. В голову ударила мысль, что что-то случилось, что-то плохое. Зайдя внутрь, Томас начал оглядываться в поиске панели, которая поможет ему закрыть ворота обратно. Он медленно направился к большому скоплению кнопок на стене, но остановился сразу, как только услышал рёв двигателей в нижней части тоннеля. Выезжала машина. Она ехала на большой скорости, без сигнала и без включенных прожекторов, и, была, как обезумевшее животное, что без разбора бежало от опасностей. Бронетранспортёр вылетел из ворот, чуть не задавив юношу. Это был тревожный звонок. Что-то действительно случилось. Это было не наваждение, это была реальность.

Забыв о задаче закрыть огромные ворота, Томас помчался по тоннелю вниз, надеясь узнать, что случилось. Спустившись к ангару, он увидел почти пустое помещение, где пол был частично залит кровью. Небольшой след ручьём шел от коридора в жилые комнаты. Он был растоптан ногами и колёсами, которые растаскали алую жидкость на более далёкие дистанции. Из пяти машин, что находились в ангаре, оставалась только одна. Ни одного инженера не наблюдалось. Привычный запах жжённой резины, бензина и пороха добавил к своему семейству свежий запах крови. Если бы страх имел свой специфический запах, он пахнул бы, как этот ужасный на вид ангар.

Томас начал исследовать помещение. Каждое движение давалось ему с большим трудом. Он сильнее и сильнее боялся увидеть причину столь неприятной картины, ещё сильнее боялся и не хотел видеть её последствия. Он не мог представить, что такое ужасное могло произойти, из-за чего сбежали люди на целых четырёх бронемашинах, позабыв при этом о самозащите и бросив собственный дом. Томас боялся, что просто сойдёт с ума от картин ужаса внутри знакомых

стен, но он не мог оставить своих товарищей в беде, не мог остаться на месте, дожидаясь развязки трагедии.

Первым делом Том медленно направился к последней машине, надеясь застать там хотя бы одного человека, который сможет объяснить ему, что случилось. Внутри действительно был один из выживших. Там был Сайк. Старик сидел в самом дальнем от трапа месте. Закрыв руками уши, он лицом лежал на старом словаре. Он был скрючен, наполовину окровавлен, но по нему не было заметно, что эта кровь его собственная. Он заметно трясся. Хотя его глаза и были открыты, он не заметил боковым зрением движение Томаса.

- Сайк? – окликнул старика юноша.

Старик никак не ответил, он продолжал, сгорбившись, сидеть в полном молчании.

- Сайк! – Томас повторил имя мужчины громче, но и теперь он не ответил. Тогда юноша начал подходить к нему ещё ближе.

Старик не отреагировал даже на прикосновения. Томас тряс его и пытался поднять голову, чтобы привлечь к себе внимание.

- Что с тобой?

Пытаясь хоть как-то оживить Сайка, юноша сел рядом с ним на корточки так, чтобы его лицо было практически перед глазами старика. Только в упор Сайк заметил движение рядом с собой, и, повернув глаза, он признал Томаса. Их встреча не оказалась радостной. Они не бросились друг другу в объятия, будучи охваченными слезами и мольбами о спасении. Увидев Тома, Сайк поднял голову и в ужасе отпрыгнул в угол машины. Он начал кричать, его лицо отразило гримасу ужаса, задействовав все возможные мышцы. Сайк изменился в цвете; с красок живого человека, на вид предсмертной бледности. Старик ничего не сказал, только упал на пол и закрыл всю голову руками, словно защищаясь от ударов, которые не последовали. Перед собой он увидел искалеченное пытками лицо юноши, которое напомнило ему то, что последний час он видел в стенах родного дома. Томас упал на пол к Сайку и попытался успокоить его и поднять.

- Сайк, это я, Томас!

Сайк расслышал каждое слово, но вместо приобретения спокойствия и рассудительности только больше начал кричать и брыкаться. Дополнительно к пинкам ногами он ударил словарём Тома по лицу, из-за чего, тот потерял равновесие и упал на спину. Словарь

небрежно отлетел в сторону и приземлился на пол. Лишившись последнего оружия Сайк начал в ужасе стонать. Эта картина пугала Томаса, но ещё сильнее начала пугать мысль о том, что он может увидеть в стенах жилого корпуса. Оставив старика в одиночестве Том начал покидать машину, но на выходе остановил взгляд на окровавленном словаре. Его печалил вид символа заботы и альтруизма, превращенного в напоминание о смерти и тоске. Выйдя из бронемашины Томас закрыл трап через наружный рычаг, чтобы никто не смог залезть к Сайку и навредить ему.

Оттягивать неизбежное уже было поздно. Оставалось только войти в злосчастный коридор, ведущий в жилой корпус.

С первых шагов по знакомым помещениям, Томас сразу заметил, насколько сильно они отличались от его последних воспоминаний. Не прошло и больше дня, как привычная картина кардинально изменилась на противоположную. Томас не узнавал привычные ему коридоры. Казалось, что сами повороты стали дальше, будто добавились новые ответвления, и тоннель стал шире. Том будто находился впервые в этом месте. Грязный и почерневший от множества лет антисанитарии, пол стал чистым от осколков стекла и пятен крови. Личные комнаты казались более доброжелательными и опустевшими, но в некоторых всё же находились чьи-то тела. Почти сразу Томас увидел одно из них. Это был мальчик девяти лет, которого он почти не знал, но иногда видел его в ангаре или столовой. Он был уже взрослым, и не раз отправлялся на операции во внешний мир. У него был опыт и способности, которые не спасли его в этот страшный момент нападения.

Сама столовая превратилась в зал с одной сплошной поспешно установленной баррикадой из нагромождённых друг на друга столов и скамей. Все они были продырявлены сквозными пулевыми отверстиями.

- Тут есть кто-нибудь? – нарушил столово-кладбищенскую тишину Томас.

Ему по-прежнему никто не отвечал. Ни мёртвые, если бы они могли, ни живые, если бы они хотели.

Томас пошел дальше, пропустив несколько поворотов, которые вели к другим комнатам и залам. Он направился проверить только одно место, которое имело для него наибольшее значение – его личные

покои. Добравшись до них, он успел насчитать ещё целый десяток мертвецов. Некоторые из них лежали на своих кроватях. Им повезло, они в отличии от своих менее везучих коллег не страдали, оказывая бессмысленное сопротивление неизвестному врагу. Среди всех этих покойников юноша высматривал Лию, надеясь, что не найдёт её в аналогичном состоянии. Томас быстро привык к общей картине. В начале он боялся ступать по пятнам, и обходил их вместе с кусками битого стекла, но потом привык и стал более холоден к этому. Он так и не заметил никого другого из выживших. Ему до сих пор не была ясна причина случившегося, раны на телах были колото-резанными, огнестрельными и рублеными. Том сразу же отбросил мысль, что это могли совершить военные. Он чувствовал, что те «вояки» более человечны, чем нечто, что устроило эту ужасную резню. Они хоть убивали и пытали, но всё же… Томас остановился. Он уже и не знал, что ему думать.

Добравшись до своей комнаты, Томас заметил, что она пуста. Он облегчённо выдохнул, думая, что, Лия в порядке. Он надеялся, что она в безопасности, и с ней ничего плохого не случится. Она ведь могла и вовсе быть снаружи бункера, находится ещё в дороге домой. Том не простит себе того, что бросит её. Ведь до этого, она мчалась спасти его самого в самый стан врагов. И не смотря на обычное представление чести и долга, его сердце разделяло с ней ту самую «привязанность», на которую девушка так много раз намекала, которую она так много раз демонстрировала своими действиями и замысловатыми взглядами. Томас не знал, что это за сложные чувства внутри него. Может он просто так сильно привык к девушке. Было ясно только одно – он не может бросить её, не может потерять.

Пробираясь по другим телам и кровавым лужам, он брёл вперёд в надежде, что рано или поздно найдёт хоть кого-нибудь. Он мог остановится на минуту и подумать, куда могла исчезнуть Лия, но мысли в голове проносились бешеным потоком, мешая трезво рассуждать. Весь царящий вокруг букет запахов и спектр цветов опьянял сознание. Сам того не ведая, Томас добрался до медкабинета. Ещё только на подходе юноша ощутил, как расслабляется его сознание. Он подумал, что вся бойня давно закончилась, и сейчас Лия с ветеринаром могут штопать раненных и спасать умирающих, и вот придёт к ним Том, подаст им руку помощи, окажет посмертную услугу

страдальцам... но нет. В кабинете никого не было. Не было раненных людей, не было и тех, кто больше перепугался нежели поранился. В кабинете было только два тела: врача и Ская.

Скай вяло поднял взгляд на Томаса, но никак не отреагировал на его присутствие, будто оно было ожидаемо, будто Томас всегда стоял в дверях. Ветеринар наполовину лежал на столе лицом вверх. Он же встретил гостя стеклянным взглядом. Том бросился к Скаю. Он начал расспрашивать того о случившемся, о собственном состоянии, проверял его раны и искал лекарства. У юноши была большая и глубокая рана на половину груди. В ней виднелись торчащие куски рёбер. Даже после того, как раненого начали двигать, он никак не отреагировал на происходящее, только издал пару недовольных вскриков и стонов.

Томас искал таблетки, бинты, шприцы и колбы - всё что могло помочь Скаю. Его руки тряслись от страха перед увиденным и от мыслей о том, что он должен спешить, чтобы помочь своему другу. Попытки взять себя в руки и рассуждать здраво только сильнее заставляли Тома трястись и нервно перебирать упаковки с названиями препаратов. Стоило прочитать что-то, как он сразу же забывал о том, что видел. Он беспорядочно возвращался обратно, небрежно роняя всё на пол.

- Не надо. – Слабый стон Ская нарушил какофонию звуков от упавших коробок и разбитых склянок. Том замер, будто бы его застали за воровством. – Дай только…

Томас обернулся и увидел, что Скай тянется к близлежащему ружью. Не зная, что делать, пытаться помочь умирающему или исполнить его последнюю просьбу, Том всё же вручил Скаю заветный предмет.

- Я так ошибался. Я был таким дураком. – Скай делал продолжительные паузы между предложениями, – каждое слово из его рта отдавалось болезненным хрипом. – И ты ошибался. Ты тоже был дураком.

- Скай, где Лия? – спросил Томас.

- Дурак…

Это были последние слова, что сказал Скай. После этого он никак не отвечал на расспросы Томаса, хотя понимал, что тот ничего не застал и сгорал от ужаса перед неизвестностью. Продолжая громко

хрипеть, Скай пристально следил за Томасом, молча и едва сдерживая себя от потери сознания.

Том отошел от своего друга, понимая, что тот находится в бреду от сильной боли, и он не сможет ему помочь. Он вышел из кабинета, направился дальше по коридору, желая встретить тех, кто вероятнее всего остался жив и невредим – отцов.

Медицинский кабинет и зал отцов находились близко друг к другу. Это были чистый и непорочный десяток метров, где не было заметно ни следа былой резни, которая царила в остальных помещениях. На подходе к залу отцов, Томас услышал далеко позади себя рёв дизельных двигателей. Последняя машина покинула стены убежища вместе с Сайком и другими людьми, которым повезло выжить в этом аду. Открыв дверь, перед Томасом предстало чистое помещение, которое он видел уже не в первый раз. В нём тоже ничего не изменилось. Казалось, будто весь ужас прошел по всему бункеру, миновав сердце и голову. Шириной в шесть и длиной более чем в двенадцать метров, длинный и хорошо освещённый зал имел в центре себя широкий деревянный стол с кожаными креслами. Под ним на полу красовался огромный рисунок в виде большой крысы и птицы, державших щит с множеством символов. В боковых стенах зала стояло восемь стальных дверей, а напротив главного входа огромная круглая дверь с вентилем в центре.

Через несколько шагов по чистому и сияющему от света полу со стороны стола послышалось нервное копошение. Том напрягся из-за страха встречи противника, но, к своему удивлению, над спинкой кожаного кресла выглянула голова отца Евгения. Его волосы были растрёпаны и мокрые от пота, а глаза были расширены от непривычного, для этого человека, чувства ужаса. Увидев Томаса, он слегка успокоился и вышел из своего укрытия, но выглядел и передвигался крайне трусливо и нервно.

- Т-Томас, я рад что ты здесь, как никак кстати! – воскликнул отец Евгений, будто бы пытался одновременно говорить и, тихо. из-за страха, и громко, из-за радости. Его тон постоянно прыгал и падал, а на лице образовалась нервная улыбка. – Мне нужно перенести некоторые вещи в машину.

- Что здесь произошло, отец? – Томас слегка напрягся из-за того, что не видел поблизости никого другого из отцов. А отец Евгений

вышел к нему с двумя большими чемоданами.

- Лия. – Улыбка исчезла с лица отца Евгения, и голос перешел на враждебный шепот. Он опустил глаза и помрачнел. – Вот что случилось.

- Что это значит?

- Что она виновата в этой бойне.

- Я вам не верю! – Томас разозлился будто бы обвинили его самого. – Она обещала мне!

Отец Евгений угрожающе смотрел на Томаса, будто готовился к драке или продолжительному спору, который крайне вероятно мог перейти в драку. В их разговоре поднялась страшная и неприятная тема, которая моментально превратилась в запрещённую.

- Где остальные?

- Николай и Бернард погибли, Оскар в лучшем случае тоже сбежал, в худшем – погиб.

Отец Евгений видимо не собирался задерживаться. Он взял оба чемодана в руки, а связка позолоченных ключей была привязана к запястью. В таком неряшливом виде он надеялся сбежать.

- Не знаю как ты, а я делаю ноги.

Отец Евгений обошел Томаса, косо смотря на того, и боясь, что юноша выстрелит ему в спину или нападёт, когда тот будет в невыгодном положении.

- То есть вы бросаете бункер?! – Томас говорил вслед отцу Евгению, но тот никак не реагировал и шел дальше. - Вы отдаёте бункер на растерзание времени и врагам? Может у нас есть ещё возможность всё исправить?..

Отец остановился. Он медленно обернулся через плечо, и оценивающе посмотрел на Томаса с ног до головы, и проговорил сквозь сжатые зубы: «Вот и забирай его… ключ в столе». После этих слов он ушел и больше не останавливался, не обращая внимания ни на какие слова Тома.

Юноша наблюдал за уходом Евгения до тех пор, пока он не скрылся за одним из немногих поворотов, что отделяли их зал от медицинского кабинета. Томас обернулся, восхищаясь красивой архитектурой огромного помещения. Он всегда хотел жить здесь, даже и без права быть отцом. Теперь он может посетить каждую комнату,

обойти каждый угол, даже сесть на кожаное кресло, но в текущей ситуации его старая мечта казалась никчёмной и по-детски наивной.

Со стороны медицинского кабинета раздался выстрел. Томас не стал оборачиваться на него. Он был уверен, что на протяжении долгого времени здесь будут царить различные неприятные и пугающие звуки. Жалость и боль сжали его сердце, он никак не смог помочь Скаю. Единственное, что он мог сейчас сделать, так это уделить его старому другу немного времени, вспоминая совместные события и мечты. «Надеюсь, ты попадёшь в наш подземный Грауд-Хилл» - подумал про себя Томас. Чтобы здесь не происходило на самом деле, Скай боялся дать отпор, боялся того, что жить ему осталось не долго, поэтому он и попросил оружие, чтобы не позволить хоть кому-то лишить его жизни против воли.

Том запер вход в зал и начал осматриваться. Он никак не поверил в слова Евгения о Лии, не хотел в них верить. Даже возвращение в коридоры могли натолкнуть на правду. Сейчас же у него было немного времени, чтобы подумать, и это было идеальный шанс потянуть время… Он начал с самой большой и загадочной двери. Взявшись за вентиль и начав крутить его против часовой стрелки, он решил открыть одну из тайн отцов. Под небольшим напором нужные механизмы начали подавать признаки жизни, ещё позже, дверь начала двигаться. Из самой маленькой щели начал струиться удивительно приятный на запах воздух. Он начал манить Томаса, из-за чего тот стал быстрее открывать дверь. Когда же она отворилась полностью, Том увидел огромное количество столов и железных грядок с землёй. В воздухе витал приятный запах земли и зелени, воды с какими-то химическими реагентами и овощей. Это было длинное помещение, наполненное растительностью и лампами дневного света, которые освещали всю территорию.

Запах свежей и природной еды был пьянящим, у Томаса даже подкосились ноги. Он видел картофель, огурцы, помидоры, даже некоторые ягоды, которые он сам с трудом узнал. Юноша обрадовался, увидев такое сокровище, но почти сразу начал злится, так как понимал, что всё это добро не уходило в тарелку обычному бойцу. Это была еда отцов. Томас с силой ударил по дверному проёму, пытаясь сдержать злость, чтобы не догнать Евгения. Он решил выместить все свои чувства на холодном железе. «Когда я буду отцом, это будет

принадлежать всем» - подумал юноша от прилива мысли о равноправной жизни для всех.

Том продолжал стоять у двери и наслаждаться сладковатым запахом. Он бы делал это долгие часы, если бы не понял, что и так долго стоит на одном месте. Закрыв дверь, он продолжил осмотр зала. Первая боковая комната являлась кладовой, где стояли высокие стальные стеллажи с консервами еды, батарейки для фонарей, которыми никто не пользовался очень давно, и прочий полезный хлам: пятидесятилитровые канистры с водой, семена различных растений и медицинские препараты. Просматривая каждую из этих вещей, Томас всё сильнее и сильнее злился на всех отцов, которые находились в этом зале и ничего никому не говорили и не делились, даже в самые тяжелые времена. Все считали, что они живут так же плачевно, как и бойцы, но стеснялись всех из-за высокого статуса, а на самом деле шиковали в своих крысиных норах.

Другая боковая дверь была опечатана. На ней не было дверной ручки или любого другого способа открыть её. Она отличалась от всех остальных тем, что все её края были приварены к стальной раме. Ничего не покидало пределов той комнаты, ни звуков, ни запахов. Томас посчитал, что она была заварена с самого переворота, и возможно, там самая страшная тайна отцов и всех, кто принимал участие в том событии. Осталось ещё несколько комнат, и Томас горел желанием осмотреть их. Заглянув в следующую, он встал колом. В полутьме от пары ламп он увидел небольшое помещение. Оно было переполнено деревянными яслями и низкими крохотными кроватями, которые были идеально построены под размеры маленьких детей. Помещение ужасно смердело множеством запахов человеческих отходов, а все постельные принадлежности были перепачканы и покрыты тёмными пятнами.

Томас вспомнил слепого старика из Граунд-Хилла, который говорил, что из бункера происходят поставки детей не только мужского пола. Именно в этом небольшом помещении находились все дети, которых приводили в «ночь продолжения» каждые пару месяцев. Здесь их сортировали и выбирали им будущее. Выбирали им место жизни, семью и место смерти. Томас осознал, как отцы, с самого начала их правления и установления нового режима, водили всех за нос и обманывали. И только демонстрация всем этих комнат, могла уже

послужить сильным доказательством против них и быть наилучшим механизмом для их свержения. Их тайна стоила многим людям жизни, и в конечном итоге, их империя превратилась в прах. Сейчас это помещение пустовало – последние дети уехали в новый дом.

Пройдя через несколько кроватей, он насчитал шестьдесят штук... шестьдесят детей, которых часто отправляли в другие места, где они не могли быть самими собой, где они доставлялись в виде товара и удобного ресурса для обмена. На одной из стен, что стояла между соседней комнатой с приваренной дверью, находилось окно. Оно было длинной во всю стену. Даже стоя на достаточно большом расстоянии от него, Томас мельком смог разглядеть сидящих у стен мумифицированных людей в камуфляжных одеждах. Это была очередная страшная тайна отцов.

Томасу уже не хотелось отправляться по остальным комнатам и изучать их. Но он должен был. Если он собирается встать во главе правления бункера и быть его командующим, то он обязан знать всё о том, что у него будет под рукой, даже если там будет самая безумная и ужасная тайна всего человечества.

Последние четыре комнаты были личными покоями отцов. Но Томас открыл их быстро, проверяя одну за другой, потому что вид одной уже говорил о многом. Вся картина сложилась в голове. Первая комната принадлежала отцу Бернарду. Помимо схем коридоров, старых фотографий, книг и инструментов из старого мира, на столе была большая книга правил бункера. Самой страшной находкой в комнате Бернарда и других комнатах было то, что в углу помещений были худые бледные девушки разных возрастов. Их кости выступали из кожи, они были немощными и бледными. Их глаза были чуть темнее кожи, что говорило об их слабости, они были не только физически немощны, но и психологически. Каждая из них была привязана к стальным кольцам на стенах. Их рты были закрыты, но по шрамам и бинтам было заметно, что девушек когда-то лишили связок и языка. Они сидели кучей в своих углах, пытаясь спрятаться друг за другом от Томаса. Он бы не удивился, если и они выступали в роли матерей, если не кем-то хуже. Даже несмотря на то, что Том отличался от отцов, а тишина вокруг говорила об его одиночестве, они боялись любого внимания, испытывая страх и боль перед всеми. Они были одеты в лёгкие и полупрозрачные сорочки, под которыми были совершенно

нагими. Ну руках и других частях тела красовались чёрные синяки и порезы. Часть из них была беременна.

Ни одна из девушек во всех комнатах не рискнула приблизиться к Томасу. Среди всех двадцати девушек никто даже жестами не пытался изъяснится, они только дрожали и плакали, прижимаясь друг к другу. Томас начал жалеть, что не убил Евгения на месте, ведь тот полноценно заслужил любую смерть. Власть развратила этих людей, что ради своей нечеловеческой мечты были готовы ходить по головам невинных. Они не считали никого из людей за равных, мучая одних и отправляя на убой других. Томас бы даже не поверил, если бы кто-нибудь сказал ему, что Евгений, Бернард, Николай или Оскар раньше были хорошими, если бы ему сообщили, что они раньше сажали цветы и переводили старушек через дорогу и ухаживали за животными.

Том не смог приблизиться к девушкам, не мог и помочь им. Любые попытки хоть как-то взаимодействовать с ними приводили к тому, что девушки только сильнее и сильнее начинали его бояться. Они не понимали его, не знали, не хотели. Возможно, они если и понимали что-то, то только по взгляду и действиям. Томас нервничал. Его глаза излучали страх и гнев. Он трясся и шатался от нарастающих эмоций. Том понимал, что ему потребуется время, чтобы вернуть бедняжкам человеческий облик. Он станет их спасителем и проведёт их в новый мир, который может оказаться для них более устрашающим, ведь такова сейчас жизнь. Так решил Томас, ибо образ жизни девушек он не смог посчитать за жизнь, даже за выживание. Те бедняжки были ресурсом, развлечением и ничем больше. Ему пришлось обдумать всё, расслабиться, хоть на минуту. Он не прекращал мучать себя, несколько минут извиняясь за то, что не смог ничего сделать для них, ни сейчас, ни раньше. Голова начала кружиться. Том чувствовал себя будто в чужом теле, все действия и восприятия проходили с сильной задержкой и большой медлительностью. Он думал, что вот-вот упадёт на пол без сознания, но у него была работа, были новые обязанности, которые он взял на себя открыв все тайны бункера. Только стоя в центре зала он заметил, как по его щекам стекали слёзы.

Пытаясь держать себя в руках и не упасть в безумие, инстинктивно найти в своём сознании уголок беспамятства и отречённости, где он сможет забыть всё что произошло, Томас направился к воротам, чтобы закрыть их на долгие месяцы и

восстановить жизнь в своём доме. Облокотившись рукой о стены, он пытался не упасть. Его ноги подкашивались, а дыхание не замедлялось, переводя состояние Томаса до гипервентиляции лёгких и нестерпимой усталости.

Минув медицинский кабинет Том увидел тело Ская, который, как он правильно предположил, потратил все последние силы на то, чтобы лишить себя самого жизни и дальнейших страданий. У Томаса уже не было сил оплакивать товарищей или грустить об их ужасной участи. Он не мог думать ни о чём другом, кроме как об огромной двери, которая открыта на распашку и зовёт всех монстров с округи на невиданный ими ранее богатый пир. Томас боялся, что в его мысли ворвётся что-то ещё, кроме самого важного дела. Он осознавал, что, думая о чём-то ещё в подобной ситуации он мог легко сломаться и забыть о важных делах. Вялой походкой, не замечая всего вокруг, он ступал даже прямо по телам друзей.

Вскоре на его пути показались два больших и знакомых чемодана. Из-за них Томас даже выхватил пистолет и поклялся, что пристрелит Евгения, несмотря ни на что. Его распирала ненависть, а гнев затуманил ум и зрение. Но бывший отец лежал в паре метров от своих вещей с ранами, несовместимыми с жизнью.

Остановившись у трупа Томас почувствовал радость и облегчение, что мёртвый мерзавец больше никому не навредит, и, больше не установит собственное древо тирании. «Спасибо» - сказал тихо Том, благодаря таинственного убийцу за совершенную месть. В голове мгновенно блеснула резкая мысль, что за долгое нахождение в бункере, Томас так и не услышал никого постороннего, кто мог устроить всю эту резню.

- Томас? – Сбоку от юноши раздался знакомый голос, зовущий его по имени.

Томас обернулся и увидел Лию. Девушка стояла полностью покрытая кровью, и, даже её белые волосы окрасились в багровый. Вся одежда пропиталась насквозь, с рук до сих пор падали небольшие капли. Девушка не выглядела уставшей или раненной, она была бодра, сильна, способна на новые подвиги и свершения. В её руке застыло оружие смерти, которым она некогда убила свою подругу, но огнестрельного оружия не наблюдалось. Девушка была ошарашена увиденным. Она словно смотрела на призрак, на видение. На то, чего

быть не должно, на Томаса которого некогда считала погибшим. Её губы задрожали от радости и страха лишиться столь сладкой и приятной иллюзии. Она согласилась бы отдать последние минуты жизни и провести вечность в муках, ради этого небольшого мгновения счастья. Её щёки начали очищаться от пятен крови, маленькие слёзы струились непрекращающимся потоком по лицу, возвращая девушке обратно природную красоту и вид невинности.

Эта картина напугала Томаса, перевернула всё с ног на голову. Его сердце было бы разорвано на месте от одного лишь вида Лии, но что-то в ней притягивало, привлекало. Её нежные глаза, что обрели вторую оболочку за потоком слёз, её мягкие губы что дрожали, как листья деревьев под порывом ветра, её спокойное и умиротворённое дыхание, которое только своим звуком заставляло думать о чём-то приятном. Девушка побежала на Томаса, а тот ничего не смог поделать, понимая, что он ошибался во всём. Он сделал из Лии идеал непорочности, он создал его для всех вокруг, чтобы помочь ей найти себе место, но сам поверил в своё творение. Он понимал, насколько сильно он погрузил себя в мысли о том, что, Лия не способна на зло, что она всё ещё ребёнок, которому нужна защита, нужен пример. Он глухо игнорировал всех, кто видел правду, он считал их параноиками и лжецами, но теперь они все мертвы. Их убил Том, его слабость, его слепота, его наивность. Та самая наивность, о которой говорил Нейт... которую он проклинал и считал самой большой слабостью.

Девушка на бегу обняла Томаса, почти сбив его с ног, но ударившись спиной об стену, он устоял. Лия была липкой и влажной от крови, она полностью пропиталась её запахом. От неё несло смертью. От этого зловония жгло ноздри и кружило голову ещё сильнее, чем раньше. Том бы сразу оттолкнул девушку в страхе за свою жизнь. Но в её действиях и запахе он начал ощущать что-то приятное, что-то романтичное и чарующее. Но насколько бы прекрасным существом она не являлась для него, она совершила самый ужасный поступок не только для самого Томаса, но и для всего человечества в целом.

- Лия, ты!.. – Томас поднял голову девушки, чтобы посмотреть ей в глаза, посмотреть в самую душу, указать ей на все ошибки, обвинить этого ангела во всех грехах и нанести ей самый страшный для неё удар – осудить. Но он остановился, заметив, что-то неправильное в её взгляде. – Под кайфом?!

Лия не отреагировала на эти слова так, как мог ожидать Томас. Она невинно улыбнулась в ответ, получая удовольствие от того, что ей уделили внимание и с ней заговорили. Ей также было приятно прикосновение Томаса, которое одновременно было сильным и нежным, таким же, каким бывает объятие любящей матери, что защищает ребёнка от бед.

- Я всё сделала как ты просил, - тихо прошептала она.

Том не мог понять её слова. Он не помнил, что говорил ей что-то, к чему она сейчас причастна. Ему всё ещё не нравилось то, что она устроила, но он уже не смог найти в себе силы обвинить её, обругать или приструнить. Теперь он и сам был в крови. Он изначально был главным виновником этой бойни, тем, кто неумело воспользовался самым сильным рычагом давления к своему наисильнейшему оружию. Томас простит Лию, простит ей всё, но не сразу. Ему нужно будет для этого время и силы.

- Попалась, дрянь. – Нейт вывалился из жилой комнаты неподалёку. В руке он держал свой трофейный револьвер, медленно он поднял его и направил на Лию. Половина его лица была залита кровью от свежей раны, он щурился и шатался, и, судя по всему, держался из самых последних сил. Он периодически сплёвывал скопленную во рту кровь на пол. На голове была не единственная рана, почти вся новая броня Нейта была покрыта вмятинами и царапинами. Видно, что он дрался с Лией очень долго.

- Нейт, хватит кровопролитий! – Томас обернулся к Нейту и попытался отговорить его от задуманного, понимая, что у него маловероятно получиться сделать это. Но он мог потянуть время, чтобы Нейт лишился последних сил.

- Эта стерва перебила всех, всех моих друзей! Я пригрел её, она стала товарищем для всех, а теперь они мертвы!

- Вы никогда не были ей товарищами. Вы с самого начала были против неё.

- И ты думаешь, зря? Посмотри, какое она чудовище! Она хуже тех тварей снаружи! – Нейт покачивался из стороны в сторону и плавно водил пистолет мимо цели. Казалось, что вот-вот он рухнет на пол. Но разговоры его только злили, из-за чего он может выстрелить сразу, как только соберётся с мыслями.

- Мы покинем убежище и больше никогда не вернёмся! – Томас понял, что разговор о Лии и товарищах не самый лучший для Нейта, и попробовал выбрать другое русло. Томас ощущал в себе смесь необычных ощущений. Он надеялся, чтобы Нейт как можно скорее умер, он радовался тому, что его старый товарищ приближается к вечному забвению, он получал от этого азарт.

После услышанного Лия посмотрела на Тома воодушевлённо и прижала его к себе ещё сильнее.

- Я тебе всегда верил, в твою силу и интуицию. – Нейт говорил с паузами, словно его мозг функционировал не полноценно, и он с трудом подбирал слова, чтобы составить их в предложения. Казалось, будто вот уже и пришла его гибель. – И мы были рады твоему возвращению. Ты не сломился. И… Знаешь, а пошел ты.

Нейт резко выпрямился и направил дуло револьвера прямо на Лию. Томас всё это время держал девушку крепко, чтобы та ничего не сделала и не спровоцировала Нейта ещё сильнее. Именно из-за этой непредусмотрительности она была на траектории стрельбы, что было смертельно для неё. Но Том не хотел гибели для Лии. Он отдал всё ради неё, он подарил ей всё, и было поздно отступать. Схватив Лию за плечи, Том потянул её тело вбок из-за чего девушка начала терять равновесие и падала. Томасу же пришлось выгнуться через плечо, чтобы убрать Лию с линии огня. У него была доля секунды, один выдох, два сердцебиение, бесконечный поток мыслей, что он допустил ошибку, что он очередной раз облажался.

Была ли причиной исхода медлительность Нейта или Томас вовремя начал выполнять задуманное, но выстрел произошел, и вместо Лии он попал в другого. Пуля вошла в спину Тома и вышла с другой стороны тела. Всё тело охватил огонь и ощущение, словно миллиарды игл втыкаются в каждый сантиметр тела, все нервы пульсировали, подавая сигнал тревоги об опасности. Кровь разлетелась по стенам, кости пальцев непроизвольно сжались, словно хватаясь за одну лишь надежду выжить. Том падал на пол, падал в бесконечную бездну небытия. Секундное падение до земли он ощущал, как многие часы скучного времяпрепровождения, словно бессонная ночь, когда мозгу требуются действия, которые ты не можешь себе позволить, поэтому он упрекает тебя в этом. Это продолжительное падение происходило под аккомпанемент крика Лии.

Глава 15.2 Багровый круговорот (Выбор)

15.2 Выбор

Боль – последняя преграда перед блаженной смертью и вечным спокойствием. Несмотря на биологическую природу боли, которую испытывает каждое живое существо, человек, доживая закат своего могущества, так и не смог полностью изучить этот всепоглощающий аспект жизни. Испытывает ли человек посмертную боль, всё время умирая снова и снова, растягивая ощущение агонии до бесконечного значения или является обязательно преодолимой преградой к концу, никто так и не узнал. Люди, возвращающиеся с «того света», не помнили никаких ощущений, давая слепую надежду всем, кто так в ней нуждался.

Томас испытывал боль каждую последнюю секунду жизни. Он много раз слышал, что перед смертью люди видят, как вся жизнь проходит перед глазами, как в фильмах. Отчасти этого и хотел Томас – стоя на пороге смерти, видеть своё прошлое, окунуться с головой в детство и безмятежность, снова смеяться и плакать, злится и прощать, любить и ненавидеть. Одним словом, испытывать всю палитру эмоций и свободы, которая стала непозволительной роскошью при апокалипсисе.

Томас действительно ощущал заново каждое мгновение, но он был не один. Напоминание о пулевом ранении, доставшееся ему в последние секунды жизни, сопровождало его до самого её получения, регулярно напоминая о себе. Двадцать один год страданий прошли в каких-то коротких миллисекундах. Всё, что происходило за этими воспоминаниями, уже никак не относилось к Томасу, никак не влияло на него. Оно играло где-то на фоне, приглушённо и не интересно.

Вот уже Том повторно получает выстрел в то же место, и цикл повторяется. Снова и снова. Он проводит девять лет в детдоме, двенадцать в бункере, секунду в своём последнем падении, потеряв счёт всем этим круговоротам жизни одного человека. Томас и не заметил, как застыл в воздухе. Он будто лежал на невидимой кровати, которая отделяла его от окровавленного пола бункера, на котором ему

было суждено испустить последний вздох. С последним воздухом из груди ушла бы и его душа, если бы Томас верил в её существование. На этом смертном одре он потерял ощущение боли, чувствовал прилив уже ненужных ему сил, ощущал внутренне спокойствие. Медленно его ложе становилось более и более осязаемым. Том ощущал его спиной, ногами и руками. Головой он проводил по чему-то прочному и мягкому, словно по настоящей кровати. «Какое глупое наваждение» - подумал он.

Не только осязание начало подводить юношу. Дополнительно его начали предавать и глаза. Виды знакомых коридоров становились более размытыми и неузнаваемыми, появлялись неизвестные очертания и фигуры. Томасу оставалось только наблюдать за странным представлением, что происходило перед ним. Двери переросли в большие оконные рамы, потолок стал ближе, а стены потемнели и приблизились до расстояния вытянутой руки, так близко, что можно было легко дотронутся до них. Подняв руку Томас, прикоснулся к этой стене. Она была сделана из кожи.

Ощутив неясность в своих воспоминаниях о месте собственной смерти, Том попытался собраться с мыслями, убрать нависшую над ним дремоту, что окутала его сознание. И действительно, вторичная картина, что медленно проявлялась перед ним, была реальной. Она всё сильнее и сильнее выступала на передний план, пока окончательно торжественно не затмила старые коридоры.

Том лежал на заднем сидении машины. Было жарко, весь салон пропах кровью, спиртом и чем-то ещё. Юноша чувствовал себя странно, словно он управлял своим телом отдалённо; в начале думал, что сделать, а только потом наблюдал за результатом. Томас сел на сидение и обернулся. Он действительно находился в машине, что сейчас стояла посреди дороги, вокруг которой была только жёлтая и безжизненная пустошь. Как доказательство того, что ранние события жизни не были галлюцинациями, он проверил свою рану, которая осталась при нём, но была забинтована. Пуля вошла в лопатку левой руки, и вышла под ключицей. Несмотря на притуплённые чувства, боль была адской.

Покинув салон машины, перед Томасом предстала полная картина окружающего его мира. Солнце в верхней кульминации, вдали на горизонте виднелись очертания высоких домов, было жарко, асфальт

нагрелся под лучами солнца, его жар ощущался даже через толстую подошву. Том был в той самой машине, которую Евгений выкупил у одной из дружественных общин. Скорее всего именно на ней он и думал покинуть бункер. В нескольких метрах от машины стоял деревянный столб, который раньше был частью сети телефонных линий. К нему был примотан человек. Прищурив глаза, Томас узнал Нейта; его чёрная как сажа, кожа превратилась в тёмно-багровую, от брони остались только осколки, мужчина будто сидел внутри консервной банки. Он весь был покрыт собственной кровью, медная проволока обвязывала его во многих местах, мешая сделать хоть минимальное движение. Снизу облокотившись на колесо, в тени сидела Лия, казалось, будто бы она спит.

- Лия? – удивлённо спросил Томас. Словно только одно лишь это имя смогло описать всю его реакцию на то, что он не умер.

Девушка медленно подняла голову, точно ото сна.

Она прыгнула с места и обняла Тома, который даже не сразу ощутил эти прикосновения. Лия обняла его крепко, не контролируя свою силу и эмоции. Даже было слышно, как начал трещать суставы юноши. Томас, пытаясь сдержать рвотные позывы от давления на живот, обнял девушку в ответ, он провёл рукой по её волосам, чтобы успокоить. Лия до сих пор не мылась, по-прежнему вся была в чужой крови, но была более чистой лицом, скорее всего из-за слёз.

- Что произошло? – поинтересовался Томас у Лии, смотря на примотанного Нейта.

- Когда тебя пристрелили я напала на него, а потом оттащив тебя, нашла машину под покрывалом. Вспоминая, как отец что-то нёс с собой, я вернулась к нему за ключами. Ах, также я взяла с собой препараты и… его. – Лия неодобрительно показала пальцем на Нейта, словно хвастаясь своим трофеем.

Томас удивился, что на вид хрупкая и слабая девушка смогла самостоятельно дотащить двух взрослых мужчин. Но с ещё большим удивлением вспомнил, что, Лия самостоятельно уничтожила несколько десятков мужчин в бункере. Том подошел к Нейту и начал осматривать бедолагу. Мужчина весь был изрезан, то от ударов каким-то лезвием, то от крепко прижатой проволоки. В одну из ран брюшной полости был воткнут револьвер, углубившись в тело на несколько сантиметров. Томас взял оружие, которое так давно его интересовало, как и многих

других. Оно было мощным, красивым, тяжёлым, и даже придавало хозяину некий статус и силу в глазах других людей. Даже сам Том ощутил это на себе. Стоило только вытащить ствол из Нейта, как тот очнулся и пытался отдышаться, словно от продолжительного кошмара, каким и являлся весь этот мир. Испугавшись, Томас отпрыгнул назад.

- Том, ты жив. Прости, я не хотел. – Нейт делал паузы по несколько секунд между словами, зачастую растягивая их дольше возможного. Он не повышал голос, а едва шептал.

- Это уже не имеет никакое значение, - ответил Томас, простив старого друга. Он бы уже начал испытывать жалость к своему товарищу, но чувствовал, как эффекты препаратов давили на него, притупляя не только чувства, но и мысли.

- Да. Пожалуйста, убей меня. Я не могу терпеть. А потом эту девчонку.

- Ты проиграл, Нейт, её смерть ничего не решит для тебя; твою просьбу я не смогу исполнить.

- Её смерть имеет значение, Том. Она ужас. Эти смерти... Она садистка! Привязала меня к машине и приехала так сюда. Чёрт, это... словно неделю назад... не чувствую ног и рук! Ты думаешь, она остановится? Она убьёт... кто будет стоять с тобой... ты носишь бомбу, которая взорвётся! Машину... смерти. Сколько ещё должно умереть людей, чтобы ты понял? – Когда Нейт пытался говорить быстро и чётко, из его рта капала кровь, ещё более пачкая броню и землю под ногами.

- Мне жаль, что всё так вышло. Я тоже оплакиваю все эти смерти, но я вернусь в бункер и восстановлю его. – Томас продолжал разговор с Нейтом, несмотря на то, что прекрасно осознавал, как тот страдает. Он смотрел словно на куклу, к которой ничего не испытывал. Местами ему казалось, что это очередное посмертное наваждение. Юноша хотел подольше поговорить с человеком, с которым его связывает много общего.

- Боюсь, это плохая затея. Прошло много времени, скорее всего туда пришли. Возвращаться туда только за трупами!

- Тогда мы уедем в Граунд-Хилл.

- И туда... Помнишь старика? Я приказал убить его, чтобы не болтал. Всё списали на неё, и прикончат, увидев.

- Будь ты проклят, Нейт. – Томас от злости подумал ударить мужчину, но посчитал, что тот ничего и не почувствует.

- Всё, ради блага.

- Всё ради скотов, что жили в роскоши и командовали всеми, как животными, не считаясь с их мнением и жизнями! – Томас был готов отстаивать свою точку зрения, поскольку узнал всё об отцах и их истиной личине.

- Ты никогда... не понял. Поэтому ты один.

Томас не ответил. Весь разговор резко перешел в негативное русло, которому он уже не собирался следовать. Нейт помотал головой, пытаясь прислушаться к Тому, но потом поднял голову с повреждёнными глазами, пытаясь посмотреть куда-то вдаль, думая, что там стоит его собеседник.

- Прошу, убей, - вымолвил он.

- Я не могу.

- Прошу…

Томас замялся. Он стоял на перепутье своих принципов, не желая делать шаг, который может кардинально изменить его.

- Лия… - тихо попросил Том.

- Пусть висит.

После небольшой паузы послышался щелчок курка и движение барабана. Нейт улыбнулся от предвкушения конца своим страданиям. Томас же закрыл глаза, ибо до сих пор не мог выстрелить в лицо человеку. Он представил кого-то другого, кого ненавидел. Это было заметно по его лицу. Том выстрелил, прекратив муки Нейта. Лия стояла в стороне и молча наблюдала за тем, как Томас рос над собой, совершая новые, для себя, поступки.

- Надо уходить, - сказала нервно девушка, надеясь не вмешиваться в дела Тома, не мешать ему и не отвлекать.

Лия повернулась обратно к машине, чтобы сесть за руль и уехать далеко от этого жестокого города с его историей, людьми и зданиями, которые не несли в себе ничего, кроме злости и отчаяния. Сделав пару шагов, она услышала позади себя повторный звук щелчка курка и барабана с патронами. Её смутил этот звук, создал множество вопросов. Она начала поворачиваться к Тому, чтобы узнать, зачем он снова это делает. Но он остановил её:

- Не двигайся!

Девушка дёрнулась и уставилась в землю перед собой. Мельком она успела заметить, как Том направил на неё револьвер. Но больше её напугала громкость и агрессивность Томаса. Она ощутила на себе всю интонацию его гнева. Её словно ударили. Ей было больно и неприятно.

- Т-Томас? – Лия попробовала позвать юношу, поговорить с ним, узнать почему он так поступает.

- Я хочу услышать всё. От начала операции на рынке, и до этого самого момента.

- Но ты же…

- Говори! – в добавок к крику было слышно, как скользят пальцы Томаса по спусковому крючку.

Лия в мгновение помрачнела и опустила голову. Её ругали за плохое поведение. Она понимала, что не сможет уклониться от ответа, понимала, насколько критично будет для Тома слышать всё, что она будет вынуждена рассказать. Она не сможет обмануть Томаса. Он сразу всё поймёт. В то же время, она не сможет сказать ему все детали, ибо это сведёт его с ума.

- Когда мы вышли у рынка, я хотела сразу пойти к тебе, чтобы мы были вместе, но подумала, что лучше будет послушать тебя, и я пошла дальше. Потом на меня напал Джейк, и я была вынуждена убить его. Когда весь отряд…

- Как он умер? – голос Томаса дрожал. Ровно до этого момента, он надеялся, что Джейку удалось выжить.

- Он был с длинным ножом, пытался зарезать меня, но я ударила его в грудь, прямо между двух пластин. От удара его броня раскололась, он упал и схватился за них, он начал плакать и извиняться, но не передо мной. Он смотрел на свою грудь с грустью, а на меня с ненавистью.

По лицу Томаса стекали слёзы. Чувства медленно начали возвращаться, с того самого момента, когда дрожь от выстрела поразило всё тело. Он начал приходить в себя от действий медикаментов. Том оплакивал Джейка сильнее всех. Именно Джейк был символом сплочённости в бункере. Потеряв своего брата, он соединил оба нагрудника в хрупкую конструкцию, которая больше была украшением и символом веры, нежели предметом защиты. Джейка называли дураком и самоубийцей, но он и так умер сразу

после брата. Он бы давно наложил на себя руки, если бы все остальные не заменили ему его последнего родственника.

- Продолжай.

- Когда все собрались в центре, не пришел ты и Джейк. Все разделились на две группы и начали искать вас. Никого не нашли, но я заметила с твоей стороны свежие капли крови на земле и следы. Тогда я побоялась худшего. Только я решила ждать тебя или чего-то ещё, что помогло бы вернуть тебя. Остальные хотели уехать обратно, посчитав что всё потеряно. Они оставили меня одну, но стоило появиться первому человеку, как они все появились словно из неоткуда. Возможно, они просто следили за мной. В светлых тоннелях я пыталась найти тебя, а потом… - Лия остановилась, испытывая страх говорить то, что было дальше. Она не понимала, что было правдой, а что ею не являлось.

- Что потом?

- Потом я потеряла сознание, а когда очнулась нашла тебя. Ты сказал: «убей их всех». Потом мы сбежали, и я потерялась на остановке. Очнулась позже на груде камней, затем, вернулась в бункер, где тебя уже не было. Никто не знал где ты, но я знала, что ты был в той машине со мной, и не мог исчезнуть. Я посчитала, что они избавились от меня, а потом от тебя. Мне стало больно и страшно, и, я не знала, что делала, все мысли кучей как-то страшно проносились мимо. Потом нашла тебя. – Голос Лии дрожал. Она плакала, осознавая, насколько неправдоподобно звучала её версия, насколько она близко находилась к тому, чтобы Томас выстрелил. Сам же юноша не пытался хоть что-то предпринять, продолжая стоять с вытянутой рукой. Сильнее всего у Лии был страх, что Том бросит её и не простит. Смерть на его руках была бы самой лучшей и спокойной, но никак не одиночество. Только слушая себя со стороны она уже осуждала свои действия.

- Вот как было на самом деле: меня спасли ребята, мы вместе выбрались наружу. Когда мне сказали, что ты не вернулась, я, угрожая Нейту покинул отряд. Я выжидал тебя на рынке надеясь, что не найду. Я всем сердцем надеялся, что ты в порядке, просто сбежала и держишь путь домой. Я боялся того, что увижу твоё мёртвое тело среди той кучи, что солдаты выбрасывали, словно мусор. Я впервые был рад видеть мёртвые лица своих товарищей! Рискуя всем, я вернулся в

бункер, где все были мертвы. Я позволил уйти Евгению. Я позволил умереть Скаю, когда обещал ему хорошее будущее. Я видел даже мёртвых детей, которых ты не пощадила. Они ни в чём не были виноваты! Я видел запертых девушек, которых мучали отцы, словно рабынь, и собирался им помочь. У меня был план закрыть ворота, освободить всех из женского корпуса и восстановить бункер, но я встретил тебя. – Томас сделал паузу, пытаясь собраться с силами, не зная, что ему чувствовать и делать. Его кровь кипела только от одних лишь воспоминаний. Голова болела от противоречивых мыслей при мельчайшем взгляде на Лию. Ему хотелось обнять её. И нажать на крючок.

- Я словно был под дурманом. Но на самом деле, ты была под кайфом! Лия, тебя поймали и накачали наркотиками, и, заставили совершить все те злодеяния. Принести все эти смерти. Виновные, невиновные... все мертвы! Парни, девушки... все! Из-за тебя. – Рука Томаса тряслась от нервного тика, он одновременно хотел и убить Лию под страхом за собственную жизнь и жизнь других людей, и хотел простить её, ведь она не была виновата во всех этих трагедиях. Она была лишь жертвой, и он не имел никакого права карать её.

- Что на счёт девушек в бункере? Что будет с бедняжками, которых взаперти держали отцы? Они виноваты за то, что с раннего детства знали только боль и унижение? И за это им наказание – смерть? А что с женским корпусом? Женщины и дети... они тоже виноваты в том, что родились и оказались не там, где нужно? Им тоже наказание – смерть? Сколько ещё раз это будет повторяться?

- Я не хотела! – Лия говорила с трудом. Слёзы душили её горло. Она кричала, но всё равно некоторые слова переходили на шепот. – Прости!

– Нейт был прав: ты несёшь только смерть.

Лия получила самый сильный удар прямо в сердце. Человек, что стал ещё много лет назад единственным и важным для неё, уничтожал её в этот жестокий момент. Он мог бы милосердно остановиться, не продолжая издеваться над её чувствами и эмоциями, но он всё продолжал и продолжал, словно получал от этого удовольствие так же, как получал и Кайл. Единственным спасением от всего этого ада была бы смерть, быстрая и желанная. Лия готова была пройти телом через все боли, быть разорванной на сотни частей, лишь бы не мучали её

страдающее сердце. Этот мир подарил ей любовь и чувство важности, и превратил всё это в яд, сочащийся по венам. Медленный болезненный мучитель.

Лия и Томас оба испытывали физическую и душевную боль. Весь мир, что существовал для них, обратился в прах, перестал существовать. Несмотря на то, что они оба были по разные стороны конфликта, они по-прежнему были едины, ощущая, как себя, так и своего партнёра. Том боялся действовать. Он не хотел быть создателем и наблюдателем исхода. Лия не хотела быть его участником.

- Скажи, что любишь меня, Томас.

Выслушав эти слова, Томас промолчал и нажал на спусковой крючок.

Лия упала вниз и согнулась до колен. Она спрятала лицо за руками. Все чувства, что она испытывала и сдерживала мгновенно вырвались наружу, они рвали её измученное сердце в клочья. Всему виной был один лишь звук, который и стал последней каплей. Лия не могла больше сдерживать себя, ничего ей больше не помогало, каждая часть её тела мучительно болело.

Томас выронил револьвер. Пистолет упал на землю и отскочил в сторону. Юноша в страхе отошел на пару шагов назад. Он уже представил, как Лия в припадке безумной ярости бросится на него и оставит от него одно лишь имя на стене рынка. Он сам не верил в это, но эта ложь казалась слишком реалистичной. Его трясло, словно в бреду; он не знал, что ему делать. Последняя пуля ушла на Нейта, и в конечном итоге юноша угрожал девушке пустым пистолетом, а теперь он остался полностью безоружным. Он угрожал Лии, хотел убить её, почти убил, но сейчас он был низок, слаб. Девушке достаточно было пересилить свою слабость, чтобы навсегда обрести свободу и спокойствие, но она была прикована цепями к Томасу, а он к ней. Они оба хотели смерти друг другу, хотели избавиться от жгучей боли в сердце, но не могли. Том наконец-то вырос в глазах Лии, стал сильным и самостоятельным. Это тоже приносило ей боль.

Юноша ударил себя по лицу, чтобы привести в чувства, разогнать кровь, собраться. Но звук того, как плачет Лия, по-прежнему разрывал его изнутри. Он был готов убить и себя, лишь бы не слышать этого звука, чтобы не умереть из-за жалости или сочувствия.

Какая-то маленькая мысль пронеслась в голове Томаса. Она была молниеносной и достаточно здравой, чтобы мгновенно исполнить её. Он моментально повиновался ей, и подбежав к машине, сел на водительское сидение. Машина не заводилась. Никакой рычаг или педаль не работали. Отсутствовал ключ зажигания. Пот скапливался на лбу Тома. Он первым начал действовать, как только пришел в себя. Ещё сильнее на него давил страх того, что, Лия перейдёт черту и отречётся от всего, что было раньше. Томас в панике начал искать ключи. «Только не у неё, только не у неё» - повторялись мысли в голове.

Все поиски ключа и мысли о побеге происходили под непрекращающийся плач Лии. Том смог заметить ключи, которые еле заметно лежали на соседнем сидении. Потянувшись к ним, он случайно заметил что-то странное. Вдалеке на горизонте, вдоль дороги брёл одинокий человек. Его с Томасом разделяли многие километры. У него была знакомая одежда и сам силуэт хорошо напоминал одного старого друга. Путник шел медленно, точно переступал с ноги на ногу из последних сил. Он шатался и почти согнулся под собственным весом - настолько его путь был долог и труден. Эта картина напомнила Томасу о слабости не только его самого, но и о слабости всех других людей, о том, что в одиночестве ни он, никто другой, не сможет прожить долго.

Фигура упала на землю, а в голове Томаса пронеслась только одна мысль: «ты наконец-то умер под открытым небом, как и мечтал». Погиб последний его друг. Том остался один. Бросив Лию, он убьёт и себя. Количество дней, что он сможет пережить, были вопросом случая и удачи. Он, как и все, кого он знал, боялись смерти. Её невозможно было избежать, только отсрочить. Ему ни за что не справится со всем ужасом этого мира в одиночку, без силы под рукой, без защиты. Томас бы уже начал оплакивать своего друга, но его глаза и так горели от прошлых раз, а все слёзы уже закончились.

Лия не шевелилась и не умолкала. Казалось, что она всё громче и громче плакала, пытаясь надавить Томасу на жалость, вернуть его любым способом. Или она просто сдалась, приняла поражение и медленную мучительную смерть. Но что-то остановило её. Нежное прикосновение лёгкой рукой потревожило её муку. Она подняла глаза и увидела Тома, что сел рядом с ней.

Юноша сразу поцеловал Лию в губы, как только выловил удобный для этого момент. Девушка была ошарашена. Она не понимала, что происходит. Она была готова поверить, что это всего лишь сон или галлюцинация, вызванная её страданиями, но этот первый поцелуй был волшебным. Он был грубым и нежным, отвратительным и притягательным. Это было в то же время нарушение всех правил, уничтожение всех идеалов чего-то божественного и ласкового, что-то низкое, необычное, но в то же время что-то загадочное. Лии хотелось одновременно и оттолкнуть, и притянуть к себе Томаса ближе. Она никогда бы не смогла полностью описать всё, что возникло у неё в голове во время этого момента. Это был океан, тысячи искр, огромное поле мягкой ткани с пьянящим запахом. Хоть он и длился всего лишь секунду, она хотела снова и снова возвращаться к нему, несмотря ни на что. Это было самое настоящее дыхание жизни, жест прощения, доказательство любви и доверия.

Томас поднял Лию за руку. Сразу после поцелуя она изменилась: её лицо было спокойным и невинным, как раньше. Словно ничего за последние десять минут не происходило, по крайней мере, этого не было заметно по Лии.

- Я люблю тебя, - сказал Томас.

Они оба вели себя наполовину инстинктивно, выполняя поручения какого-то таинственного шепота изнутри себя. Иногда делали так, как сами считали нужным, толком не обдумав все варианты и детали. Некоторые поступки совершались случайно, потому что они были удобны для этого времени. Они страдали от самого незнания своих чувств, незнания способа контролировать их и понимать. Лия ощущала любовь и привязанность с детства, но лишилась его в бункере и получала только их видимость. Вернувшись в реальный мир, она не смогла справиться с новыми эмоциями. Томас никогда не испытывал ничего схожего. Он считал всё новоприобретённое за чистую монету, за благодать и кару. Весь спектр царящих эмоций они то демонстрировали с таинственной жестокостью, которой научил их этот мир, то прятали его, стесняясь своей слабости и наивности. На протяжении всего их совместного времяпрепровождения они ощущали, что эти чувства рано или поздно убьют их. Они заставят их страдать, но где-то вдалеке от чужих ушей и глаз, в такой глубине своего сердца, до которой они не смогли бы

добраться сами. Они чувствовали, что хотят этого. Хотят умереть в любви. Убить в ней... Страдать.

Лия послушно, словно под гипнозом, села вместе с Томасом в машину. Она обрела столь желанное спокойствие и уединение с ним, о котором только и мечтала, ради которого она боролась и терпела боль. Она ощутила счастье вместе с тем, кого любит. Том сел на место водителя. Он приготовился уезжать, но стоило ему ощутить прикосновение руки Лии к его собственной, как он дёрнулся. Она смотрела на него нежно и спокойно, а он только пытался.

Машина поддалась манипуляциям Томаса и вместе они направились дальше в незнакомые для них земли.

Пригрев у себя под боком дьявола, не каждый сможет обуздать его.

Эпилог

Свист с нотами удивления прошелся по пустым коридорам брошенного бункера. В этом месте, что было превращено за несколько часов в огромную братскую могилу, остались только те, кому больше всего не повезло. Одни лишь слабаки и неудачники.

- Ну ничего, они ещё могут послужить.

Человек в длинном халате с различными пластинами из прочных сплавов, покрывавших его тело, подошел поближе к большой загадочной двери. Он внимательно осмотрел её и соседнюю с ней панель. В голове родилась мысль, что ей недавно пользовались.

- Что там? – спросил он у своего товарища.

Рядом с ним на четвереньках стоял человек. Он был одет в схожую одежду, но на его лице находился противогаз, шланг от которого уходил к баллону, прикреплённому на спине. Это существо что-то невнятно сказало через плотно прижатую маску. Слова смог бы разобрать только его хозяин.

- Что ж, это интересно. – Человек в халате почесал свой подбородок и осмотрел окружающее его помещение. Это был большой зал с свободными зонами для единоборств и тренировок, а также там было несколько устаревших, но рабочих тренажеров. Местами пол был заляпан кровью, где-то лежали свежие тела. – Найди мне ключ.

Человек, стоящие на четвереньках, никак не ответил.

- Кайл, будь паинькой. – Потянувшись к клапану на баллоне, хозяин включил подачу газа в противогаз своего питомца. Тот застонал от удовольствия и начал изгибаться от чувства эйфории. – Искать!

Питомец покинул общество своего хозяина и умчался по коридору в знакомое ему место, где оно точно найдёт, то, что ищет.

Хозяин существа осматривал тела убитых. Он приметил силу ударов и само оружие, которым умерщвляли этих людей.

- Как жаль, что я потерял такого замечательного бойца. Но ничего, у меня будет уйма времени и возможностей. – Он ослабленно выдохнул, словно ему самому происходящее не приносило ни малейшего удовольствия. – Это надо записать.

В коридоре откуда он пришел, послышался топот множества людей, которые быстрым шагом спешили к своей цели. Прошло много часов с того момента, как человек в халате пришел за своим поводырём в этот бункер, и он уже думал, что на сегодня интересные события иссякли. Вошедшие люди в чёрной броне сразу забежали на территорию зала и полукругом окружили человека в халате. Взяв того в плотное окружение, они нацелили на него оружия.

- Не двигаться! Вы обвиняетесь в преступлении против всего человечества! – сказал один из солдат. Все остальные с опаской оглядывали помещения, с ужасом примечая количество убитых людей.

- Увы, но это не всё, в чём я виновен… – удручённо признал их пленник. Вслед за этими словами, какой-то горький и нервный смешок вырвался из его горла. Заметив символику «Кодар», учёного передёрнуло. – Фас!

Сразу после резкого крика послышалось агрессивное рычание с того места, откуда прибыли военные. Обернувшись на звук чего-то неизвестного, они увидели странное существо в противогазе, которое, достав из-под груди несколько острых лезвий, напало на вооруженных людей.

Хозяин создания в противогазе только смотрел за тем, как его последнее изобретение показывало свои способности в борьбе против слабых людей. Он наслаждался видом собственного успеха, и в то же время, безмерно сочувствовал тому, чем же заканчивается эта продолжительная история.

- Запомните меня, я Джонатан Хэйш, и скоро я стану вашим новым хозяином. – Человек в халате сказал слова в никуда, но он всё же осознавал, что среди военных остались живые. Он ощущал это, словно эти выжившие были частичкой его самого. – Вперёд, Кайл, у нас много работы.